

АЛЕКСАНДРЪ
ЯБЛОНОВСКІЙ

ДѢТИ
УЛИЦЫ

19

28

АЛЕКСАНДРЪ ЯБЛОНОВСКІЙ.

ДѢТИ УЛИЦЫ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНИЕ“ — „LA RENAISSANCE“
2, rue de Sèze, Paris (9).

ДЪТИ УЛИЦЫ.

I.

По наружности Васька походилъ на дранаго кота. Ему было не болѣе одиннадцати лѣтъ, но онъ такъ часто дрался съ мальчиками и его такъ много били взрослые, что и на лицѣ, и на шеѣ, и на головѣ у него были вѣчные синяки, волдыри и рваныя ранки.

Васька и самъ говорилъ о себѣ, что онъ — «фули гань», но взрослые считали его наказаніемъ цѣлой улицы, и рѣдкій дворникъ, проходя мимо Васьки, не отпускалъ ему подзатыльника на всякій случай.

Васька мучилъ котовъ, билъ стекла, отвинчивалъ водопроводные краны, звонилъ въ чужіе квартиры, опустошалъ чужіе огороды и особенно любилъ потѣшаться надъ заснувшими извозчиками.

Какъ только Васька видѣлъ, что извозчикъ задремалъ на своихъ козлахъ, онъ тихонько подкрадывался къ мордѣ лошади, отстегивалъ вожжи и затѣмъ кричалъ своимъ дѣтскимъ басомъ:

— Извозчикъ! На уголь Сливочной и Колбасной — пятиалтынный!

Проснувшійся извозчикъ впопыхахъ обыкновенно начиналъ съ того, что сильно дергалъ вожжи, но такъ какъ вожжи были отстегнуты, то нерѣдко случалось, что извозчикъ кувыркался назадъ черезъ голову вверхъ ногами. Тогда грохотала отъ смѣха вся улица, а Васька какъ ни въ чемъ ни бывало продолжалъ:

— Ну, что же ты? Подавай, что ли, на уголь Сливочной и Колбасной!

Конечно, за эти штуки Ваську били. Била хворостинной мать, билъ шпандыремъ сапожникъ-отецъ, били извозчики, били дворники и лавочники.

А отецъ Васькинъ, принимаясь за шпандыръ, всегда говорилъ:

— Первый «фулиганъ» во всемъ Кіевѣ!

И однако же, несмотря на жесточайшую таску, Васькина жизнь въ родительскомъ домѣ протекала не безъ радостей.

Онъ ходилъ въ школу, гдѣ (какъ это ни странно) числился первымъ ученикомъ, пѣлъ въ Софійскомъ соборѣ въ хорѣ и добывалъ въ сосѣднихъ садахъ и огородахъ столько яблокъ, огурцовъ и вишенъ, что даже родная мать гладила его по вихрастой головѣ и хвалила за добычливость:

— Если-бъ ты, Васька, не такой фулиганъ былъ, съ тебе-бъ человѣкъ вышелъ...

Роковую роль въ Васькиной жизни сыграла дорогая собака ихъ домовладѣльца, англійская овчарка, Неро, купленная на выставкѣ. Больше изъ хвостовства передъ мальчишками, чѣмъ отъ природной жестокости, Васька и этой чистенькой, барской собакѣ привязалъ къ хвосту старый чайникъ съ камнями, какъ онъ привязывалъ всѣмъ дворняжкамъ и ошарашилъ собаку по спинѣ палкой. Но на этотъ разъ шутка вышла плохая. Почувствовавъ на своемъ хвостѣ непривычную тяжесть и слыша сзади неумолкающій грохотъ, собака, какъ обезумѣвшая, бросилась бѣжать и никакія усилія дворниковъ и городскихъ не могли ее остановить.

Собака сбѣжала безъ вѣсти и только на третій день ее нашли на подгородномъ хуторѣ, всю избитую, истерзанную и съ помутившимся рассудкомъ.

За эту продѣлку хозяинъ собаки, отставной генераль и домовладѣлецъ, запросто «набилъ морду» Вась-

киному отцу и велѣлъ немедленно очистить квартиру. А отецъ цѣлыхъ полдня полосовалъ потомъ Ваську шпандыремъ.

Это было такое сѣченіе, какого еще ни разу въ своей жизни Васька не видалъ. Даже сосѣди вмѣшались и два раза посылали за полиціей.

На утро, однако, Васька исчезъ изъ родительскаго дома — просто исчезъ и никогда больше въ немъ не появлялся.

II.

Васькѣ было почти двѣнадцать лѣтъ, когда онъ очутился на улицѣ и началъ самостоятельную жизнь. Въ карманѣ у него было двѣ копѣйки, его холщевые штаны прилипали къ избитымъ, окровавленнымъ ягодицамъ, онъ былъ безъ сапогъ и безъ шапки и цѣлыми горстями снималъ со своей вихрастой головы вырванные волосы.

Медленно, раскарякой, шелъ онъ мимо Софіевскаго собора, гдѣ еще три дня тому назадъ пѣлъ въ хорѣ, и подводилъ итоги происшедшему:

— Главная причина — бѣгать не могу. Всякая сволочь догонитъ. И ходить можно только потихоньку, совсѣмъ потихоньку...

У воротъ Михайловскаго монастыря онъ купилъ у торговки два пухлыхъ, мягкихъ бублика и поплелся на Владимірскую горку, чтобы на свободѣ съѣсть ихъ.

Но когда онъ попробовалъ съѣсть на скамью, то это оказалось невозможно.

— Страсть болить!...

Чтобы утишить боль, Васька легъ на животъ въ мягкій зеленый газонъ и на его бѣлыхъ дѣтскихъ зубахъ захрустѣли вкусные поджаристые бублики.

— Если пойти на Днѣпръ, такъ не дойду... Чортъ его знаетъ, гдѣ ночевать сегодня...

На Днѣпрѣ у Васьки было обширное знакомство: рыбаки и дѣти рыбаковъ. Но онъ боялся, что его появленіе въ такомъ видѣ можетъ вызвать смѣхъ и рѣшили ни за что не идти на Днѣпръ.

— Засмѣютъ, сволочи...

Ни разу онъ даже не вспомнилъ, что у него есть домъ, есть отецъ и мать. Рѣшеніе уйти было безповоротно и мысль больше не возвращалась къ этому.

— Если спрятаться въ кустахъ, чтобъ сторожъ не поймалъ, такъ можно ночевать и тутъ, на травкѣ. Теперь лѣто.

Часа два лежалъ Васька въ газонѣ и все старался выставить на солнце свою избитую часть тѣла.

— Нехай подсыхаетъ!...

Ваську клонило ко сну, онъ чувствовалъ, что у него какъ будто начинается жаръ и гудить въ ушахъ. Временами онъ задремывалъ, но пришелъ сторожъ поливать цвѣты и Васька услышалъ у себя надъ головой негодующій хохлацкій басъ:

— Ты что это, сволочь? Куды ты залѣзъ, свинота паршивая? Чи вы видѣли? Вонъ сцудова, байстрюкъ свинячій!...

Васька едва успѣлъ увернуться отъ удара метлой. Но по своему обыкновенію не спорить со старшими и сильными, не сказалъ ни слова и, проковылявши шаговъ двѣсти, спрятался за кустами и опять легъ въ газонъ, почти у самыхъ воротъ.

Здѣсь газетчикъ, мальчикъ лѣтъ десяти, продавалъ газеты и, выпинаясь всѣмъ животомъ впередъ, громко кричалъ:

— «Кіевская Мысль», интересныя телеграммы!..

Замѣтивши Ваську, газетчикъ погрозилъ ему пальцемъ.

— Ой, мальчикъ, сторожъ морду набьетъ!..

Но такъ какъ Васька не отвѣтилъ, то газетчикъ пошелъ къ нему:

— Ты что, больной, что ли? А что это у тебя на штанах красное? Кровь засохла? Ой-ой-ой!.. Что это у тебя?

— Отецъ... — нехотя уронилъ Васька.

— Вотъ такъ выволочка!.. Ой-ой-ой!.. За что?

Васькѣ были непріятны эти разспросы и онъ спросилъ:

— Ты отъ хозяина торгуешь, или какъ?

— Зачѣмъ отъ хозяина, самъ по себѣ... Ну, братъ, и отработали-жъ тебѣ спину!.. Сидѣть не можешь?

— Сидѣть трудно. — А почему ты товаръ покупаешь?

— По три съ половиной, а торгую — пятачокъ...

— Много продаешь?

— Какъ когда, разъ на разъ не приходится... Бываетъ, рубль въ день пользы выручаю...

— Это здорово. А платить за товаръ впередъ надо?

— А какъ же... Утромъ придешь въ типографію, сотню возьмешь и три съ полтиной Семенъ Марковичу отдать надо. — «Кіевская Мысль», интересныя телеграммы!..

Какъ разъ въ эту минуту по дорожкѣ проходилъ господинъ съ дамой и купилъ газету. Мальчикъ-газетчикъ опять выпятилъ впередъ животъ и звонко, нѣсколько разъ подрядъ, прокричалъ:

— «Кіевская Мысль! Интересныя телеграммы»!!

Но такъ какъ покупателей больше не было, то прерванный разговоръ возобновился снова.

— Значить, капиталъ надо имѣть, чтобы газетами торговать? — спросилъ Васька. — Три съ полтиной — это не шутка... — А въ долгъ нельзя? Не дають въ долгъ?

— Кукишъ съ масломъ.

— Жалко...

Мальчики помолчали.

— А деньги ты матери отдаешь? — спросилъ , минуту спустя, Васька.

— Не, у меня нема матери. Я сирота. Никого нема.

— Гдѣ-жъ ты ночуешь?

— Какъ когда... Зимой на вокзалѣ въ нужникѣ ночевалъ... Душъ десять насъ было...

— Въ нужникѣ?

— Ну да, ты не думай, тамъ нужникъ теплый: цѣлую ночь печка топится... И сторожъ очень добрый, никогда не выгоняетъ...

— А лѣтомъ?

— А лѣтомъ въ макулатурѣ спимъ...

— Чего?

— Въ типографіи, то есть, въ коридорѣ. Тамъ такіе здоровые ящики есть, а въ нихъ бумага старая, рваная — макулатура называется. Вотъ мы залѣземъ въ бумагу, зароемся съ головой и спимъ. Только сторожъ въ типографіи — страсть сволочь большая!.. Онъ желѣзной палкой щупаетъ въ ящикѣ, не спрятались ли мальчишки.

— И какъ нащупаетъ?

— Какъ нащупаетъ, такъ выкинетъ... Но только мы здорово ховаемся... Какъ зароешься на самое дно, такъ не очень больно, когда онъ щупаетъ... У насъ тамъ весело. Когда сторожъ пьяный, такъ ничего не боимся: которые въ карты гуляютъ, которые даже водку пьютъ. И дѣвки тамъ у насъ свои есть, которыя газетчицы или цвѣтами торгуютъ... Всѣ вмѣстѣ спятъ...

— «Кіевская Мысль!» Интересныя телеграммы!..

Опять по дорожкѣ прошла дама и купила газету.

— А иной разъ и драки здоровыя бываютъ. Какъ заведутся за картами, такъ всѣ морды поразбиваютъ!..

— «Кіевская Мысль», интересныя телеграммы!..

— Эхъ, чортъ подери, сорокъ штукъ еще осталось... Уже ѣсть хочется, пошелъ бы въ обжорку обѣдать, да

товаръ надо продать... — «Интересныя телеграммы», «Кіевская Мысль»!..

— А хочешь, я тебѣ помогу?... Ты тутъ продавай, а я вонъ туда на улицу пойду?... А ты мнѣ пяточокъ дашь..

— Нема дурныхъ!.. Ты еще убѣжишь съ газетами...

— Дуракъ, я-жъ не могу бѣгать, развѣ не видишь? Мнѣ и ходить трудно...

Газетчикъ призадумался.

— Ну, давай. Вотъ тебѣ двадцать штукъ... Держи.

— Пяточокъ будетъ?

— Ладно, будетъ...

Черезъ минуту и на противоположной сторонѣ улицы послышался Васькинъ басокъ съ хрипкой:

— «Кіевская Мысль!» Замѣчательныя телеграммы!..

А черезъ часъ другой, оба мальчика, присѣвши на корточки въ обжоркѣ, ѣли красный хохлацкій борщъ съ пахучимъ ржанымъ хлѣбомъ.

И никогда Васькѣ не казался такимъ вкуснымъ этотъ борщъ въ обжоркѣ, какъ въ первый день его самостоятельной жизни.

Ночевать пошли въ «макулатуру».

III

Въ Софійевскомъ соборѣ звонили къ вечернѣ, когда Васька и его новый товарищъ-газетчикъ пришли въ типографію ночевать.

Было еще совсѣмъ свѣтло и къ ящикамъ съ макулатурой доступа не было. Но зато во дворѣ, въ самомъ дальнемъ углу, возлѣ сарая съ санями и старыми телѣгами, мальчики наткнулись на неожиданную сцену.

Человѣкъ десять такихъ же мальчишекъ-газетчиковъ, попеременно съ дѣвочками-цвѣточницами, сидѣли на землѣ и угощались. Передъ ними на газетной бумагѣ

лежали моченныя яблоки, орѣхи, карамель, цѣлая связка бубликовъ, фунта три колбасы и двѣ бутылки съ водкой и съ наливкой.

Пришедшіе остановились въ недоумѣніи передъ этимъ небывалымъ пиршествомъ и Васькинъ товарищъ съ восхищеніемъ воскликнулъ:

— Вотъ сволочи!.. Что такое? Откуда это?

— Не твое дѣло. Садись и лопай! А это что съ тобой за раскаряка еще явился?

— Это мальчикъ, со мной газеты продавалъ. Его батька выпоролъ!..

— Ну, нехай и онъ жреть!.. Садись, растопыря!..

На ухо, и сначала какъ будто съ опаской, мальчики рассказали газетчику и Васкѣ, что случилось большое счастье: Ванька прачкинъ сегодня въ трамваѣ вытасилъ у старухи кошелекъ и въ кошелькѣ оказалось 48 рублей денегъ.

— Вотъ отчего и колбаса, и волка, и сласти, и кутежъ!

Тутъ же, весь сіяя счастьемъ, сидѣлъ и Ванька прачкинъ, хорошенькій курносый мальчикъ съ влажными сѣрыми глазами. Ванька такъ и свѣтился радостью, точно именинникъ. Онъ укралъ кошелекъ еще утромъ и уже успѣлъ «справить» себѣ новую одежду. На немъ сіялъ новенькій картузь съ козырькомъ, топоршилась новая ситцевая рубашка и скрипѣли новенькіе, съ иголки сапоги. Когда Ванька говорилъ, у него прерывался голосъ и видно было, что онъ не можетъ вмѣстить своего счастья. Онъ чувствовалъ себя героемъ, побѣдителемъ, на котораго упала большая удача и который теперь все можетъ.

— Люблю я, братцы мои, что-нибудь украсть, накажи меня Богъ! Не было ничего — и вдругъ, какъ будто тебѣ Господь съ неба подарилъ!..

И онъ, захлебываясь и не замѣчая, что повторяется, все рассказывалъ, какъ онъ укралъ и какъ дѣло было.

— Вскочилъ я, братцы мои, на трамвай и кричу: «Кіевская Мысль!» — а на площадкѣ барыня-старушка стоитъ, — бо-гатая стерва! — Ну, народъ ее, конечно, стиснулъ, въ вагонѣ тѣснота, а изъ кармана у нея кошелекъ такъ на меня и смотритъ, такъ и смотритъ! Ну, я, не будь дуракъ, цопъ его, да газетами и прикрылъ... И еще толкнулъ барыню и кричу ей прямо въ харю: — «Кіевская Мысль», интересныя телеграммы!.. А барыня только плюнула и кричить: «какой мерзавецъ мальчишка», хо-хо-хо!.. Тутъ я, конечно, на всемъ ходу — скокъ на мостовую, забѣжалъ въ подворотню, открылъ кошелекъ и глазамъ не повѣрилъ — 48 рублей!.. Накажи меня Богъ!

Всѣ мальчики слушали рассказъ съ восхищеніемъ, а дѣвочки жались къ Ванькѣ поближе, какъ жмутся женщины къ мужчинѣ-побѣдителю, чтобы раздѣлить съ нимъ счастье и славу.

А Ванька все не унимался. Радость удачи и неожиданное счастье такъ и распирали его. Захлебываясь словами, онъ кричалъ:

— Ну, хлопцы, давай выпьемъ, чтобы дома не журились! Манька, наливай сладкой водки!..

И сдвинувъ новенькій картузъ на затылокъ, Ванька ухарски опрокинулъ въ ротъ большую рюмку и, какъ большой, обнялъ покорную и податливую Маньку за ее худенькія, дѣтскія плечи.

— Манька теперь моя будетъ, хлопцы! Довольно ей съ Петькой-байстрюкомъ жить!

Особенно неотразимое и даже подавляющее впечатлѣніе рассказъ о кражѣ произвелъ на Ваську. Онъ зналъ, конечно, что на свѣтѣ бываютъ воры, которые крадутъ кошельки, часы и все, что придется. Но почему-то онъ думалъ, что этимъ дѣломъ занимаются только взрослые и сильные люди. И вдругъ мальчикъ, обыкновенный мальчикъ, ростомъ меньше его, какой-то тринадцатилѣтній Ванька, такъ просто и такъ легко вытащилъ кошелекъ..

Особенно поражала именно легкость и доступность этого большого счастья: одно движение руки, одно прикосновение пальцев — и вот кошелек, и в кошелек 48 рублей. Но ведь в кошелек могло быть и 50, и даже 100 рублей!..

У Васьки даже дух сперло от такой мысли. Выше ста рублей его воображение еще не поднималось и он даже не ясно представлял себя, что же можно сделать с такой прорвой денег?

Как в туман сидел Васька в компании незнакомых мальчишек и девочек и мысль его работала быстро, напряженно и необыкновенно ясно. Точно молнией озарялись блестящие возможности и такое доступное, такое легкое счастье:

— Одно движение руки — и сто рублей!

Васька ел колбасу, грыз карамель и пил водку, но мысли его были далеко. Он смотрел и не видел, как счастливчик Ванька неприлично, при всех, обнимал податливую Маньку и как другая девочка, Катька, хорошенькая бледная блондинка, ластилась к победителю, как лстивая собаченка.

Только, когда к пирующей компании подошел типографский сторож — гроза и ужас мальчишек-газетчиков — Васька встрепенулся. Но и сторож на этот раз сохранил уважение к победителю. Он получил авансом бутылку водки и был пьян.

— Ну, что? Гуляет сегодня моя свинота? Кого же это вы обокрали, сволочи?

Низкий, пьяный бас, всякие, хохлацкие усы и исполинский рост сторожа внушали детям безотчетный страх. Но на этот раз в глазах и голосе сторожа слышалось какое-то свирепое добродушие. Он только нагнулся к пирующим, поднял с земли бутылку водки и спрятал ее в карман штанов, потом поднял и недопитую бутылку наливки и тоже спрятал в карман.

— Це вже нехай лучше я выпью... Еще поперебиваетесь, сволочи, и пожару мнѣ надѣлаете въ типографіи.. Охъ, идиолового батька діти!...

Мальчики не противорѣчили, а сторожъ, замѣтивъ, какъ близко прижалась Манька къ побѣдителю Ванькѣ, добродушно и насмѣшливо улынулся:

— Что-жъ, ото твоя жінка, чи какъ? Отъ сволочи пошли на свѣтъ: отъ горшка два вершка, а уже женихается, свинота паршивая! Чи вы видѣли такихъ дітей?

И погрозивши Манькѣ своимъ огромнымъ, грязнымъ и закуренымъ пальцемъ, сторожъ прибавилъ:

— Была бы ты моя дочка — я бы тебѣ морду набилъ. Охъ, и набилъ бы! Двѣнадцать лѣтъ сволочи, а она ужъ съ хлопцами спить... Ну не паскуда? Охъ, идиолового батька дівчата!.. Патаскухи проклятыя!..

И ковыляя заплетаящимися ногами, сторожъ пошелъ допивать конфискованную водку. А діти, оставшись безъ сладкой вишневки, скоро доѣли колбасу и карамель и пошли спать въ ящики съ макулатурой.

Васькѣ, какъ новичку, достался самый маленькій ящикъ — узенькій и короткий. Но онъ свернулся калачикомъ и долго выглядывалъ оттуда и съ удивленіемъ смотрѣлъ на мальчиковъ и дѣвочекъ, зарывавшихся въ бумагу съ головой. Онъ видѣлъ, что Манька какими-то безстыжими глазами смотритъ на Ваньку и жметъ къ нему всѣмъ тѣломъ. И это Васькѣ было и странно и противно видѣть. Но еще противнѣе ему была красивенькая Катька, которая все лебезила, подлизывалась и липла къ Ванькѣ, хотя Ванька явно отталкивалъ ее.

— Ты, Ванечка, не снимай новые сапожки на ночь, а то еще украдутъ хлопцы! — пищала она.

— Ладно... Напила дурака!..

Васькѣ было омерзительно и это очевидное подлизываніе и пискливый, тоненькій голосъ и раболѣпное, собачье подобострастіе.

— Вотъ морду набить бы надо! — подумалъ онъ.

Но скоро всё улеглось и стало тихо, и мысли Васьки побѣждали по старому руслу.

— Какъ это легко и какъ просто — украсть!..

Засыная, онъ ясно представлялъ себѣ, что онъ, Васька, вскочилъ на площадку трамвая и вытащилъ у старой барыни кошелекъ. Только въ кошелькѣ было не 48, а 100 рублей. Много, много денегъ, цѣлая куча!

Васька сдѣлался газетчикомъ. Первую недѣлю онъ торговалъ на Ванькины деньги, какъ батракъ у хозяина. Но черезъ недѣлю «разжился» и, скопивши три рубля, сталъ самостоятеленъ. А недѣли черезъ три, когда совсѣмъ зажила его истерзанная шпандыремъ спина, онъ уже былъ извѣстенъ, какъ лучший газетчикъ во всей компаніи.

Однако, какъ ни велика была удача въ торговлѣ, но мысли Васькины были не здѣсь. На газеты онъ смотрѣлъ какъ на дѣло временное. Въ памяти его глубоко, неистребимо засѣло Ванькино счастье, и 48 рублей, украденныхъ у барыни, стояли передъ его глазами неотступно и дразнили воображеніе легкостью добычи — только залѣзъ въ карманъ — и готово! Въ душѣ онъ былъ увѣренъ, что непременно сдѣлаетъ то же, что сдѣлалъ Ванька. И такъ властно захватила его эта мысль, что на улицѣ, въ толпѣ—онъ на всѣхъ людей смотрѣлъ только съ этой одной точки зрѣнія:

— Навѣрное, въ карманѣ кошелекъ и въ кошелькѣ 48 рублей!..

Особенно волновали его старыя барыни, садившіяся въ трамвай. Онъ ощупывалъ ихъ своими острыми, бѣгающими, уже воровскими глазами и думалъ:

— Богатая!.. Навѣрное кошелекъ и въ кошелькѣ — 48 рублей.

Эта цифра 48—тоже получила власть надъ Васькой.

Было два-три случая, когда Васька даже вскакивалъ за старыми дамами въ трамвай и трепещущими пальцами лѣзъ въ ихъ карманы. Но одинъ разъ онъ нашелъ въ карманѣ 15 копѣекъ, въ другой разъ—носовой платокъ, въ третій — трамвайный билетъ.

— Въ сумочкахъ, стервы, кошельки прячуть, карманы пустые!

Сумочку можно было только вырвать изъ рукъ, но этого Васька боялся. Поднимется крикъ, начнется погоня — и кончится полиціей.

Эта борьба съ судьбой продолжалась больше мѣсяца. Васька даже похудѣлъ отъ напрасныхъ волненій и тоски. Но, наконецъ, случай ему улыбнулся.

Это было въ одинъ изъ праздничныхъ лѣтнихъ вечеровъ, когда уже зашло солнце и Васька брелъ ночевать въ «макулатуру».

Къ богатому подъѣзду уединеннаго дома подъѣхалъ лихачъ на дутыхъ шинахъ и съ пролетки сошелъ совершенно пьяный, по очень нарядно одѣтый господинъ, лѣтъ 30-ти. Лихачъ, который тоже былъ пьянъ «какъ дымъ», крикнулъ, чтобы Васька позвалъ швейцара и уѣхалъ. Но швейцара не было и господинъ, пошатываясь, сталъ тыкать рукой въ звонокъ и не попадалъ.

— Дозвольте, господинъ, я вамъ помогу!

Васька подхватилъ подъ руку пьянаго, но, увлекаемый его тяжестью, сталъ вмѣстѣ съ нимъ пошатываться. Теперь они оба тыкали въ звонокъ и оба не попадали. И пока тыкали, Васька грубо залѣзъ въ жилетный карманъ пьянаго, вынулъ часы, отстегнулъ тяжелую цѣпочку и проворно спряталъ за пазуху.

— Звоните, господинъ, сами, мнѣ некогда, хозяинъ ругаться будетъ!..

Пьяный началъ чертить въ воздухѣ рукой, но попасть не могъ и кончилъ тѣмъ, что сѣлъ на ступеньки.

А Васька, не слыша подь собой ногъ, кинулся въ переулочъ, забѣжалъ въ глухую подворотню и ощупалъ за пазухой часы.

— Золотые! И съ чепкой золотой!.. Это будетъ почище Ванькинаго кошелька!..

И ноги, и руки у него дрожали, и дыханіе спиралось въ груди...

IV.

Цѣлыхъ два дня носился Васька съ часами, какъ курица съ яйцомъ:

— Кому продать и какъ продать и за сколько продать?

Если придти въ магазинъ, или къ часовому мастеру, то вѣдь дѣло можетъ окончиться полиціей. Мигнетъ хозяинъ приказчику, и черезъ пять минутъ придетъ городской и уведетъ Ваську, вмѣстѣ съ часами, въ участокъ. А въ участкѣ околodочный сначала набьетъ харю, а потомъ безъ разговоровъ — въ тюрьму.

Но если не въ магазинъ и не къ часовому мастеру, то куда же?

Во всемъ Кіевѣ Васька зналъ только одного человека, который покупалъ краденное. Это былъ сторожъ при женской купальнѣ на Днѣпрѣ, Игнашка Горобчикъ. Но Горобчикъ былъ извѣстенъ, какъ великій пройдоха, жуликъ, силачъ, драчунъ и пьяница.

— Можетъ просто отнять часы силой, набить морду и вытолкать, что съ нимъ сдѣлаешь?

Вся береговая полиція была съ Горобчикомъ въ дружбѣ и городовой пили у него въ купальнѣ чай. Да и смѣшно было бы Васькѣ идти жаловаться городovому.

Босой мальчикъ, въ рваныхъ штанахъ и въ картузѣ съ надорваннымъ наполовину козырькомъ, будетъ жаловаться, что у него отняли золотые часы. Смѣшно!

— Прямо хоть карауль кричи — некому продать!..

Но такъ какъ продать было непременно нужно, то Васька рѣшилъ все-таки идти къ Горобчику. Онъ только предварительно занялся изученіемъ цѣнъ на часы.

Съ озабоченнымъ видомъ и съ лицомъ драного кота, грязный и босой, Васька угрюмо стоялъ передъ прекрасными витринами лучшихъ магазиновъ на Крещатикѣ и шопотомъ читалъ цѣны:

— Двѣсти рублей, сто рублей, пятьдесятъ шесть рублей, пятьсотъ рублей. Дешевле сорока пяти рублей нѣту. А сколько же можетъ стоить чепка? Какъ никакъ, а чепка тоже рублей десять стоитъ?..

Передъ одной изъ витринъ съ Васькой произошла даже маленькая непріятность. Въ этой витринѣ были выставлены цѣны и на цѣпочки и Васька только было началъ шопотомъ читать эти цѣны, какъ почувствовалъ сильный ударъ по затылку.

— Проходи, проходи, мазурье! Ишь часы золотые ему понадобились! Это былъ дворникъ съ метлой въ рукѣ и съ бляхой на груди.

Васька понималъ, что ни о какомъ протестѣ не можетъ быть и рѣчи, и только высморкался въ руку.. Но, уходя, онъ все-таки замѣтилъ на всякій случай номеръ дома.

— Надо будетъ какъ-нибудь почью, когда они будутъ дремать на дежурствѣ, подойти и хорошимъ кирпичемъ въ морду!..

V.

Игнашка Горобчикъ былъ богатырскаго сложенія, малый лѣтъ сорока съ небольшимъ. На всемъ кievскомъ побережѣ онъ былъ извѣстенъ, какъ «днѣпровскій пиратъ», который грабилъ пьяныхъ, ловилъ бревна и доски разбитыхъ бурями плотовъ, торговалъ водкой, покупалъ

краденое, водилъ господамъ дѣвокъ и билъ смертнымъ боемъ «котовъ», если дѣвки ему за это платили.

Официально Игнашка Горобчикъ числился сторожемъ и пайщикомъ женской купальни. Но всѣ знали, что изъ этой купальни онъ сдѣлалъ нѣчто вродѣ берегового притона. Тамъ рѣзались въ карты кабацкіе шулера, ночевали воры, пьянствовали матросы и ѣли вкуснѣйшую уху мирные рыболовы изъ господъ.

Игнашка очень недурно зарабатывалъ, но онъ былъ игрокъ — страстный, безудержный игрокъ — и потому почти всегда былъ безъ копѣйки. Въ минуты жизни трудныя онъ даже просверливалъ дырочки въ женской купальнѣ и пускалъ смотрѣть гимназистовъ и кадетовъ, взимая по 15 копѣекъ съ человѣка.

Но все это не мѣшало ему чувствовать себя царькомъ на всемъ кievскомъ побережьи и единственной непріятностью Игнашки былъ его компаньонъ и совладѣлецъ купальни, очень набожный и очень порядочный старичекъ Миропольскій, жившій тутъ же и сдававшій господамъ лодки для катанья.

Когда Васька пришелъ на Дигіпръ, Игнашка чистилъ рыбу для ухи и бросалъ ее въ закопѣлый котелокъ, подвѣшенный на весло, воткнутое въ землю. Босой, въ одной рубашкѣ и штанахъ, Игнашка походилъ на парходнаго матроса. Его могучія руки съ засученными рукавами и голая волосатая грудь говорили объ исполинской силѣ. Но подъ глазомъ у Игнашки былъ очень замѣтенъ багровосиній «фонарь», свѣжаго происхожденія, свидѣтельствовавшій, что наканунѣ былъ разговоръ или съ «котами», или съ шулерами.

— Здравствуйте, дяденька! — робко поздоровался Васька.

Игнашка молча поднялъ глаза, молча взглянулъ на Ваську и, ничего не отвѣтивъ, вынулъ изъ ведра живого язя и сталъ ножомъ чистить чешую...

— А я до васъ, дядя Игнать...

Игнашка опять поднялъ глаза и опять ничего не сказалъ.

— Я нашелъ на улицѣ часы... золотые... можетъ быть купите?

— Покажь!

Васька не безъ волненія полѣзъ за пазуху, досталъ замотанные въ тряпку часы и издали показалъ.

— Угу... Купилъ рыжія бимбиры?*)

Игнашка протянулъ свою испачканную чешуей и рыбьей кровью руку.

Но Васька быстро спряталъ часы за пазуху.

Игнашка понялъ его опасенія и не настаивалъ.

— Три рубля дать?

— Что вы, дядя Игнатъ? Золотые часы съ чепкой — три рубля?

Игнатъ опять досталъ изъ ведра трепещущаго язя и живому вспоролъ брюхо. Онъ, повидимому, считалъ разговоръ оконченнымъ и больше не поднималъ глазъ на Ваську.

Ваську это озадачило.

— Такъ какъ же, дядя Игнатъ, чи покупаете, чи нѣтъ?

Игнашка опять поднялъ глаза и опять спокойно уронилъ:

— Три рубля дать?

Васька даже вспыхнулъ.

— Нема дурныхъ, дядя Игнатъ... Такіе часы въ магазинѣ, можетъ быть, пятьсотъ рублей стоятъ!

Игнатъ опять замолчалъ и опять сталъ скоблить ножомъ золотистаго язя. По лицу его было видно, что разговоръ оконченъ.

Положеніе создавалось совсѣмъ критическое. Единственный человѣкъ, который могъ купить часы, хотѣлъ ихъ взять даромъ.

*) Укралъ золотые часы.

Васька дернул носомъ, отошелъ на приличную дистанцію, сѣлъ на берегу и прошепталъ.

— Вотъ сволочь!..

Отчаяніе и жестокая обида спирали дыханіе въ его груди. Тяжело, напряженно онъ думалъ и не видѣлъ выхода изъ положенія.

А Игнатъ все чистилъ рыбу, поправлялъ хворостъ подъ котелкомъ и, казалось, совсѣмъ забылъ о Васькѣ.

Такъ прошло съ полчаса. Васька уже собирался идти назадъ въ городъ, какъ съ сосѣдней мужской купальни послышался негодующій голосъ старичка Миропольскаго:

— Игнашка, окайнная твоя душа! Опять у тебя интересанты? Опять напустилъ? Чтобъ я не видѣлъ тутъ больше интересантовъ!

По мосткамъ женской купальни робко и сконфуженно прошмыгнуло два кадета и медленно прошелъ нарядный полный господинъ въ бѣломъ костюмѣ и въ панамѣ. Это были «интересанты», какъ называлъ ихъ Миропольскій, т. е. цѣнители женской красоты, часами торчавшіе у купальни, возлѣ маленькихъ игнашкиныхъ дырочекъ.

Кадеты, красные, сконфуженные, почти бѣжали отъ позора, а господинъ въ панамѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, подошелъ къ Игнашкѣ и спросилъ:

— Ну, скоро твоя уха?

— Подождешь, чортъ тебя не возьметъ!..

Ваську поразило, что такому нарядному и важному барину Игнашка говорить «ты». Это было такъ странно и такъ неожиданно, что Васька даже ротъ раскрылъ отъ удивленія. Но еще больше удивился Васька, когда нарядный господинъ, пошептавшись о чемъ-то съ Игнашкой, подошелъ затѣмъ къ нему и съ улыбкой спросилъ:

— Что мальчикъ, «рыжіе бимбиры» продаешь?

Васька испугался и вскочилъ на ноги.

— Ничего я не продаю!..

— Да ты не бойся, дуракъ: свои люди. Мнѣ Игнашка разсказалъ. А ну, покажи...

Господинъ протянулъ руку, но Васька колебался и крѣпко зажалъ рукой часы, спрятанные за пазухой.

— Показывать, или нѣтъ? А вдругъ отнимуть?

Черезъ минуту, однако, онъ отошелъ отъ наряднаго господина шаговъ на пять, досталъ часы и издали показалъ, не выпуская ихъ изъ рукъ.

— Да ты дай въ руки, надо же посмотретьъ, дуракъ? Но Васька только замоталъ головой.

— Нема дурныхъ!

Господинъ засмѣялся.

— Вотъ дуракъ! Ну, на, поддержи мои часы, пока я посмотрю твои. Мои тоже золотые и тоже съ цѣпочкой.

Господинъ отстегнулъ часы и протянулъ Васькѣ. А Васька въ мучительномъ колебаніи держалъ руку за пазухой и не зналъ, что дѣлать.

Но такъ какъ лицо у господина было доброе, то онъ, наконецъ, рѣшился и, взявши сначала чужіе часы, протянулъ свои.

Господинъ внимательно и долго осматривалъ, взвѣсилъ на рукѣ цѣпочку и, наконецъ, сказалъ:

— 25 рублей хочешь?

— Не-не-не! — забормоталъ Васька и судорожно ухватился за свои часы. — Нате вамъ ваши, отдайте мои.

Господинъ отдалъ и опять засмѣялся.

— Сколько же ты хочешь дуракъ?

Но Васька не зналъ, что сказать.

— Такіе часы въ магазинѣ, можетъ быть, пятьсотъ стоятъ!

— Ну, пойдѣ въ магазинъ и продай за пятьсотъ!

И господинъ отошелъ отъ Васьки и, усѣвшись рядомъ съ Игнашкой, сталъ хлебать горячую уху.

А Васька опять сѣлъ поодаль на берегу и душа его разрывалась отъ мучительныхъ сомнѣній.

— Знаю, что часы рублей сто стоятъ, а куда пойти? Кому продать?

Черезъ пять минутъ онъ, однако, рѣшился и, подойдя къ обѣдающимъ, неожиданно выпалилъ:

— Сорокъ восемь рублей дадите?

Васька и самъ не зналъ, почему онъ назвалъ эту цифру. Но ему вспомнился Ванька прачкинъ и кошелекъ, украденный Ванькой у старухи.

Господинъ молча отложилъ свою ложку, досталъ изъ кармана бумажникъ и отсчиталъ деньги.

— На!

Васька взялъ и вздохнулъ.

— Знаю, что даромъ отдаю...

Господинъ улыбнулся и, спрятавши покупку въ карманъ, опять принялся за уху.

— Ты первый разъ сперъ?

— Я нашелъ часы...

— Ну да... Въ первый разъ нашелъ?

— Въ первый...

— То-то я смотрю, что ты совсѣмъ еще дуракъ... Но толкъ изъ тебя, можетъ быть, и будетъ.

Господинъ опять помолчалъ и, оглянувши Ваську, съ ногъ до головы, лѣниво прибавилъ:

— А кстати, мнѣ такой паренекъ, какъ ты, завтра вечеромъ понадобится. Работа будетъ...

— А какая?

— Да мы сукно у купца купили, такъ надо будетъ ночью изъ магазина вывезти.

Васька дернулъ носомъ и улыбнулся.

— Ночью?

Господинъ тоже улыбнулся.

— Да, днемъ я очень занятъ... Некогда.

Все драное лицо Васьки расплылось въ широкую улыбку.

— Такъ, значить, сукно надо такъ вывезти, чтобы сторожа не видали?

— Ну да, ты страшно догадливый малый!.. Такъ придешь , что ли?

— А что мнѣ за это будетъ?

— Будетъ 10 рублей...

Васька шмыгнулъ носомъ и отрицательно покачалъ головой.

— Не... Двадцать пять...

Господинъ расхохотался.

— Ахъ , ты чортъ, какой умный. Ну, ладно, будетъ двадцать пять!... Придешь, что ли?

— Приду.

— Завтра, какъ стемнѣетъ, сюда на купальню?..

— Хорошо...

VI.

Какъ только Васька почувствовалъ себя обладателемъ неслыханнаго капитала, вырученнаго за часы, онъ прямо съ Днѣпра прошелъ на Подоль и съ ногъ до головы одѣлся.

Одѣлся онъ, надо сказать правду, безобразно. Картузь былъ большой и лѣзъ на глаза. Сапоги были тѣсны и жали непривыкшую къ обуви ногу. Новая ситцевая рубашка топорщилась на спинѣ пузыряремъ, а синіе штаны были не по росту велики и поминутно сползали.

Но, когда Васька заглянулъ въ лавкѣ въ зеркало, онъ показался самому себѣ такимъ богатымъ и такимъ великолѣпнымъ, что все его драное лицо вспыхнуло отъ восхищенія.

Залюбовался своимъ покупателемъ и еврей-торговецъ, нарядившій Васюку во все новое.

— Теперь, хлопчикъ, вымой още немножко шею и уши (и морду тоже) и тогда— прямо хотъ въ дворянское собраніе!.. Ишь какой франтикъ, — какъ картинка все равно!

Васькѣ очень хотѣлось въ такомъ видѣ показаться матери. Теперь, чувствуя себя счастливымъ и богатымъ, онъ готовъ былъ забыть старыя домашнія обиды. Но, когда онъ пришелъ на Печерскъ, гдѣ жили его родители, и издали увидѣлъ во дворѣ хмурое лицо отца, достававшаго изъ колодца воду, добрыя намѣренія сына разсѣялись сами собой.

— Не... Не пойду... — рѣшилъ Васька. — Какого чорта?

И онъ совершенно ясно представилъ себѣ возможные послѣдствія своего появленія въ родительскомъ домѣ.

— Во-первыхъ, отнимутъ капиталъ. (Васька такъ и называлъ свои деньги — «капиталъ»). Во-вторыхъ, не можетъ быть, чтобы отецъ не выдралъ за побѣгъ...

— А, все-таки, матери рублей пять отнести надо бы... Но какъ это сдѣлать?

Бродя по Печерску, вокругъ родительскаго дома, Васька замѣтилъ маленькую дѣвочку, лѣтъ одиннадцать, которая, прислонившись къ дереву и уткнувъ лицо въ колѣни, сидѣла на улицѣ и тихо, но безутѣшно плакала.

Во всей красѣ своего наряда, Васька подошелъ къ ней, засунулъ руки въ карманы и спросилъ покровительственно:

— Ты что?

— Ни ... че... го...

— Чего рвешь?

— А тебѣ... что за ... дѣло?

— Нѣтъ, я такъ... Спросилъ только...

— Били меня очень крѣпко, такъ я и плачу...

— Кто? Мальчики?

— Нѣтъ, дома били...

— Мать?

— И мамаша били... А больше вотчимъ били...

Выгнали изъ дому...

— За что?

— Такъ... тебѣ какое дѣло?

Дѣвочка, видимо, не хотѣла говорить. Васька это понялъ и не настаивалъ. Онъ покосился на жалкое, рваное рубище дѣвочки, увидѣлъ ея огромные, прекрасные, полные слезъ глаза, и ему жалко стало.

— Вы, что жъ, должно быть, очень бѣдные?

— Да, бѣдные, но не очень: борщъ каждый день варять... Вотчимъ мой — живописецъ: они иконы для церквей прежде дѣлали.

— А теперь?

— А теперь все попропивали...

— Такъ чего же онъ, чортъ, еще и дерется?

— Пьяные — такъ и дерутся...

— А мать тоже пьетъ?

— И мамаша... Не дай Богъ, когда мамаша пьяная бываютъ. Изъ дому, вотъ, выгнали...

— Ну, выгнали! Проспятъ, такъ и домой пойдешь.

— Нѣтъ, не пойду... Ни за что... Я, можетъ, въ прислуги куда-нибудь наймуся...

— Въ прислугахъ тоже будутъ лупить — вездѣ сволочи!

— Конечно, сволочи... А все жъ таки... Въ прислугахъ по крайней мѣрѣ...

— Что «по крайней мѣрѣ»?

— Ничего, тебѣ какое дѣло? Иди себѣ отсюда, что ты ко мнѣ привязался?

— Вотъ дура! Кто жъ къ тебѣ «привязался»? Я только спрашиваю.

— А ты не спрашивай, не твое дѣло... Чего лѣзешь?

— Да кто къ тебѣ лѣзетъ къ такой паршивой? Вотъ дуреха! У меня, можетъ, дѣло до тебя было, такъ я и разговорился...

— Какое еще дѣло?

— Я хотѣлъ тебя къ моей матери послать... Тутъ, на Печерскѣ, близко... Вотъ та хатка съ соломенной кры-

шей, видишь? Деньги надо отнести матери... Пять рублей..

— А почему самъ не отнесешь?

— Самъ? Мнѣ нельзя... Отца боюсь, бить будетъ... Отнесешь, дѣвочка? Отнеси, пожалуйста, я тебѣ 20 копеекъ за это дамъ?

— А меня тамъ бить не будутъ?

— Вотъ дура! За что жъ тебя бить? Ты деньги принесешь...

— Ну что жъ... когда такъ, такъ отнесу...

Дѣвочка встала и поправила на головѣ старенькій, совсѣмъ вылинявшій платочекъ.

— Только ты, дѣвочка, морду прежде немножко вымой, а то ты вся заплаканная... нехорошо... Вонъ кранъ, во дворѣ, побѣжи, умойся...

Дѣвочка послушно побѣжала и возвратилась какъ будто преображенная. Свѣженькое, милое личико съ наивными, огромными сѣрыми глазами было такъ прелестно, что даже Васька это замѣтилъ.

— Ишь, какая ты пучеглазая!.. Вотъ видишь, какъ вымыла морду, такъ совсѣмъ другая сдѣлалась. Ну, бѣжи теперь къ моей матери... Вотъ пять рублей... Скажи: Васька прислалъ!

И Васька подробно и строго наказалъ дѣвочкѣ, какъ отдать и что говорить...

— А когда мать будетъ спрашивать, гдѣ Васька и что, и на должности, или нѣтъ, ты говори: «Не знаю, не знаю»... поняла? Отдашь деньги и жарь сюда скорѣе, я тебя тутъ дожидаться буду...

Дѣвочка побѣжала бѣгомъ, а Васька сѣлъ на ея мѣсто и въ первый разъ за все время своего изгнанія, ясно, отчетливо вспомнилъ мать и задумался о ней.

Ему вспомнилось, какъ мать ходила за нимъ, когда Васька былъ боленъ скарлатиною.

Нагнется, бывало, надъ изголовьемъ, гладить по головѣ и скажетъ:

— Васенька мой, сыночек мой родный!.. Можетъ, пить дать? — Такъ тихо, ласково, хорошо скажетъ...

Васька никогда не могъ забыть этого теплаго голоса матери и ему казалось, что самое счастливое время его жизни было то, когда онъ былъ боленъ скарлатиной.

— Обрадуется, должно быть, когда деньги получить. Я знаю... Подумаетъ: «а Васька меня помнитъ...»

Объ отцѣ Васька тоже вспоминалъ, но совѣмъ по другому. Ему все рисовалось будущее и грезились большія удачи и большія деньги.

— Можетъ быть, черезъ годъ, а можетъ быть, черезъ два, Васька будетъ богатый, страшно богатый. Денегъ — полные карманы... И тогда отецъ увидитъ... Конечно, Васька не будетъ куражиться передъ отцомъ... Онъ просто придетъ домой и выложитъ на столъ деньги — цѣлую кучу денегъ... И тогда отецъ страшно удивится и ему будетъ стыдно...

— Кто жъ его зналъ, что онъ такой, — скажетъ отецъ. — Изъ такого «фулигана» такой мальчикъ вышелъ!..

Васькѣ были чрезвычайно пріятны и сладки эти грезы на яву и въ груди его поднималась горячая волна...

Между тѣмъ дѣвочка уже исполнила порученіе и бѣжала назадъ. На вѣтру развѣвалась ея рваненькая, заношенная юбочка и мелькали босыя ноги...

— Отнесла... Отдала...

Дѣвочка такъ запыхалась, что едва переводила духъ.

— Ну, что жъ мать?

— Ничего... обрадовалась.

— Спрашивала что нибудь?

— Спрашивала, гдѣ ты. А я сказала — не знаю... И папаша твой тоже спрашивалъ.

— Что спрашивалъ?

— Спрашивалъ: «гдѣ жъ онъ, сукинъ сынъ»? А я сказала — не знаю!... Папаша твой хочетъ тебя бить, а мамаша твоя даже заплакала...

И дѣвочка быстро, скороговоркой, стала передавать

подробности своего разговора. Васька слушалъ съ брльшимъ удовольствіемъ.

— Ну, а еще что мать говорила?

— Больше ничего не говорила. Ты же вслѣлъ, чтобъ я убѣжала — я и убѣжала.

— Ну, вотъ и хорошо, что ты отнесла, дѣвочка. На же тебѣ 20 копеекъ за это... Я честно... Какъ сказать, такъ ужъ и сдѣлаю. На, разживайся!..

Васька вынулъ изъ кармана двугривенный и кивнулъ головой дѣвочкѣ.

— Ну, до свиданія, я уже пойду.

— До свиданія.

И уже на ходу, обернувшись, Васька прибавилъ:

— А ты подожди до вечера да и ступай домой...

Но дѣвочка отрицательно покрутила головой.

— Не... Ни за что не пойду. .

— Да отчего же, дура?

— Ты не знаешь...

— Чего не знаю?

— Они требуютъ... вотчимъ мой, чтобъ я... гуляла...

— Какъ гуляла?

— Съ офицерами, чтобъ гуляла... Они говорятъ, что я безневинная дѣвченка и что за меня десять рублей дадутъ, а можетъ и двадцать...

— А ты?

— А я боюсь...

Васька покрутилъ головой. Онъ отлично зналъ, что значить, когда дѣвченки «гуляютъ» и относился къ этому безразлично. Но ему было жаль эту большеглазую, худенькую дѣвочку и, какъ человѣкъ дѣловой, онъ спросилъ:

— А ты отчего цвѣтами не торгуешь на Крещатицкѣ?

— Денегъ нѣту. Гдѣ жъ ихъ взять цвѣтовъ безъ денегъ?

— А ты укради... Вонъ садъ... Видишь, какой здоровый... Дача тутъ генеральская ... Ты заберись и укради.

Дѣвочка покрутила головой.

— Не... Я боюсь.. Ни за что не могу...

— Да отчего?

— Боюсь... Какъ это можно?

— А, дура!.. — съ раздраженіемъ сказалъ Васька.

— Идемъ! — И онъ рѣшительными шагами направился къ каменной стѣнѣ, ограждавшей большой тѣнистый садъ, и, сѣвши на землю, сталъ разуваться.

— Ты что хочешь? — испуганно спросила дѣвочка.

— Не твое дѣло! Береги мнѣ сапоги и картузь!

Васька подкачалъ штаны, взлѣзъ на дерево, которое росло у самого забора, и осмотрѣлъ позиціи.

— Никого нема!

Тихонько онъ переступилъ съ дерева на заборъ и мягко прыгнулъ босыми ногами въ садъ.

Дѣвочка ахнула. Испуганно она оглянулась по сторонамъ. Но въ безлюдномъ пустынномъ Печерскѣ прохожіе на улицѣ были очень рѣдки. Между тѣмъ Васька дѣйствовалъ. Черезъ минуту изъ-за забора вылетѣла и упала къ ногамъ дѣвочки вѣтка сирени. Одна, другая, третья... Потомъ полетѣли пышныя, пунцовыя розы, георгины, жасмины... Минутъ пять летали въ воздухѣ эти цвѣты, а затѣмъ, шагахъ въ тридцати, ужъ въ другомъ мѣстѣ, показался на заборѣ Васька и опять мягко, какъ котъ, и удивительно ловко спрыгнулъ назадъ къ дѣвочкѣ.

— Ну, вотъ и цвѣты! Я этотъ садъ знаю... Часто лазилъ...

Онъ сѣлъ на землю и, пока дѣвочка, волнуясь и спѣша, собирала сирень и розы въ подолъ, сталъ обуваться.

— А теперь — гайда на Крещатикъ! Торгуй... Тебя какъ звать?

— Женька!

— Ну, разживайся, Женька!.. А если почевать домой не пойдешь, такъ приходи въ типографію... И онъ

обстоятельно рассказали о мальчиках и девочках, по-
чующихъ въ «макулатурѣ», и далъ адресъ.

— Меня тамъ сегодня не будетъ, у меня дѣло есть.
Но ты скажи мальчикамъ, что тебя Васька послалъ...
Скажи, что ты моя сестра. Только строго скажи имъ. —
Васька, скажи, всѣ морды поразбиваетъ, если что...
Ну, гайда!.. Разживайся!..

VII.

На Днѣпръ, къ Игнашкѣ Горобчику, Васька пришелъ
совсѣмъ за-свѣтло. Еще подходя къ купальнѣ, онъ зара-
нѣе представлялъ себѣ, какъ будутъ удивлены и Игнаш-
ка и господинъ въ бѣломъ костюмѣ при видѣ его новыхъ
сапогъ, новой одежды и великолѣпной розовой рубахи.

— По правдѣ сказать, сапоги попались прямо пер-
вый сортъ!.. На скрипахъ!..

Въ новой одеждѣ Васька чувствовалъ себя совсѣмъ
другимъ человѣкомъ — значительнымъ, богатымъ, много-
уважаемымъ....

Особенно плѣняло его, что сапоги на ходу страшно
скрипѣли, такъ, что, даже прохожіе на него оборачивались.

— А можетъ и въ правду надо бы морду мыломъ
вымыть? — вспомнилъ онъ совѣты еврей. — Что жъ,
какъ-нибудь куплю мыла и пойду на Днѣпръ купаться...

Васька не ошибся. Его появленіе въ купальнѣ было
отмѣчено восклицаніями и смѣхомъ.

Господинъ въ бѣломъ костюмѣ схватился за бока и
даже застоналъ отъ смѣха.

— Охъ, елки зеленые!..

Не остался равнодушнымъ и молчаливый Игнашка.

— Видалъ миндалъ?

Но хотя оба они смѣялись, однако, ничего враждеб-
наго и злого Васька въ этомъ смѣхѣ не почувствовалъ.

Напротивъ, съ нимъ были ласковы , дали ему повечерять и напоили чаемъ съ бѣлымъ хлѣбомъ.

— А на работу все-таки ты въ этой одеждѣ не пойдешь, — сказалъ ему господинъ въ бѣломъ костюмѣ. — Гдѣ твоя старая одежда?

— Старой нема — выкинулъ.

— Вотъ и дуракъ... Ну, Игнашка что-нибудь придумаешь.

И поставивши Ваську у себя между ногами, господинъ въ бѣломъ костюмѣ положилъ ему руки на плечи и пристально заглянулъ въ лицо.

— Ты какъ, хлопецъ — не трусь, а?

— Отчего жъ я трусь?

— Ночью работать не боишься?

— Отчего жъ?

— А лошадей править умѣешь?

— Отчего жъ?..

Господинъ ощупалъ Васькины руки и мускулы.

— Ты какъ, здоровый малый, а?

— Ничего...

— Сила въ рукахъ есть?

— Отчего жъ?

— А лазить умѣешь хорошо?

— Какъ лазить?

— Ну, по деревьямъ, напимѣрь, или по лѣстницѣ веревочной?

— По деревьямъ умѣю, а по веревочной лѣстницѣ не лазилъ.

— Ну, выучишься. А вотъ такую штуку ты видалъ?

Господинъ досталъ изъ кармана маленькій электрическій фонарикъ, надавилъ кнопку и зажегъ его.

— Видать видалъ, а въ рукахъ не держалъ.

— А ну поддержи.

Васька взялъ фонарикъ и съ удовольствіемъ нѣсколь-ко разъ нажалъ кнопку.

— Хо-рошая штука!..

— Спрячь въ карманъ, возьми съ собой на работу..

И господинъ, все также держа Ваську между ногами и положивъ ему на плечо руку, ласково и толково объяснилъ, въ чемъ будетъ состоять работа. Ночью они поѣдутъ на телѣгѣ въ городъ. Поѣдутъ втроемъ: Васька, господинъ въ бѣломъ костюмѣ и еще одинъ господинъ, который скоро долженъ придти. Потомъ Васька съ фонарикомъ полѣзетъ въ маленькое окно, спустится по веревочной лѣстницѣ въ магазинъ, зажжетъ фонарикъ (только на одну секунду!) и будетъ брать съ полокъ большія штуки сукна, шелку и бархата и подавать въ окно.

— Главное, чтобъ совсѣмъ тихо работать... Чуть нашумишь, или что-нибудь уронишь — пропалъ!

— А сторожа?

— Сторожа будутъ на улицѣ ходить, а мы во дворъ вѣдемъ...

— А дворникъ?

— Дворникъ намъ помогать будетъ...

— Ага!..

Васька понялъ чего отъ него требуютъ, и ему стало немножко жутко.

— Ну, смотри же...—значительно сказалъ господинъ въ бѣломъ костюмѣ. — Хорошо справишься — въ шайку возьмемъ. А нашумишь, или струсишь — сторожа убьютъ, на смерть убьютъ. Понялъ? А теперь иди переодѣнься!

Нѣсколько взволнованный, Васька вмѣстѣ съ Игнашкой вошелъ въ номеръ женской купальни и сталъ переодѣваться въ какую-то ветошь...

— А моя одежда тутъ не пропадетъ?

— Не бойсь... Все будетъ цѣло... Досмотримъ...

— Чортъ ихъ знаетъ, что они за люди, — размышлялъ Васька. — Можетъ, разбойники? Нѣтъ, кажется, не разбойники...

Но отступленія уже не было. Васька чувствовалъ это и сердце его стучало сильнѣе...

Когда потомъ Васька, переодѣтый, вышелъ снова на

берегъ, здѣсь уже былъ тотъ третій господинъ, котораго ждали. Это былъ полный, съ большимъ животомъ, чело-
вѣкъ, очень нарядно одѣтый, но непріятный и, какъ пока-
залось Васькѣ, очень сердитый.

Игнашка указаль вновь пришедшему на Ваську и тотъ пристально, съ ногъ до головы оглядѣлъ мальчика.

— Вотъ эта сволочь?

— Нѣтъ, онъ управится...

— Ну, увидимъ...

Васька, въ свою очередь, оглядѣлъ незнакомца и по-
думалъ:

— Должно быть, хозяинъ...

Чтобы не мозолить глаза взрослымъ, Васька отошелъ въ сторонку, и взрослые долго о чемъ-то шептались, о чемъ-то спорили и бранились.

Потомъ Игнашка съ фонаремъ отвелъ своихъ друзей въ номера купальни и черезъ часъ они вышли оттуда совершенно преобразенные. Въмѣсто господина въ бѣломъ костюмѣ, вышелъ дворникъ съ бляхой, въ высокихъ сапогахъ и въ старомъ картузѣ. А вмѣсто толстаго «хозяина», вышелъ ломовой извозчикъ въ армякѣ и съ кнутомъ въ рукахъ.

Васька даже ротъ раскрылъ отъ изумленія. Особенно его поразило, что и у дворника, и у извозчика были бороды, которыхъ раньше не было: у дворника — коротенькая, черная, а у ломового — длинная, съ просѣдью...

— Охъ, ты чортъ!..

Но Васька не успѣлъ сдѣлать по этому поводу никакихъ заключеній, потому что «ломовой» строго и властно скомандовалъ:

— Ну, гайда! За дѣло! Нечего канителиться!...

Всѣ вчетверомъ они вышли на набережную и прошли шаговъ двѣсти глухимъ переулкомъ. Здѣсь ждала ихъ запряженная телѣга, въ которую и посадили Ваську.

— Ну, дай Богъ часъ! — сказалъ Игнашка и перекрестился. — Погоняй, Васька!

Игнашка остался и повернулъ назадъ къ купальнѣ, а Васька и оба переодѣтые господина тронулись въ путь.

Впереди, съ лѣвой стороны, шелъ по тротуару «дворникъ», а справа, тоже по тротуару, шелъ ломовой.

Оба дѣлали видъ, что совершенно не знаютъ другъ друга и никакого отношенія не имѣютъ ни къ Васькѣ, ни къ телѣгѣ, на которой Васька ѣхалъ.

— Держи за нимъ! — шепнулъ «ломовой» и указалъ глазами на «дворника».

— Ладно, — шопотомъ сказалъ Васька и почувствовалъ, какъ сильно забилося его сердце.

VIII.

Игнашка Горобчикъ и господинъ въ бѣломъ костюмѣ скрыли отъ Васьки, что у нихъ въ шайкѣ раньше «работалъ» мальчикъ Гришка, который былъ задержанъ и жестоко избитъ при налетѣ на квартиру одного генерала.

Гришку били сначала денщики, потомъ дворники, затѣмъ били въ участкѣ и въ сыскомъ отдѣленіи. Отъ этихъ побоевъ 12-ти лѣтній Гришка черезъ двѣ недѣли скончался въ больницѣ.

Но и не зная всѣхъ этихъ подробностей и только смутно догадываясь объ условіяхъ ремесла, Васька все-таки очень трусилъ, когда добрый конь, запряженный въ телѣгу, поднимался по крутой горѣ съ Подола на Крещатикъ.

Былъ второй часъ ночи и прохожихъ почти совсѣмъ не было, но Васька озирался по сторонамъ, тревожно прислушивался къ далекому шуму Крещатика и нервно, безъ всякой надобности, понукалъ лошадей:

— Ну, ты, дьяволь! Впередъ, впередъ, тебѣ говорится!..

Изрѣдка Васька оглядывался назадъ и всякій разъ видѣлъ огромную темную фигуру въ армякѣ съ нахлобученной на глаза шапкой и съ кнутомъ подъ мышкой.

— А ну, какъ поймають?

Кругомъ было почти совсѣмъ темно. Накапывалъ дождикъ, небо заволокло тучами и съ Дигъпра порывами задулъ теплый, влажный вѣтеръ.

И оттого, что было пустынно и безлюдно, Васькѣ стало еще страшнѣе.

— Теперь, если бросить ихъ телѣгу и задать стрекача, такъ тотъ, что сзади идетъ, навѣрное поймаетъ и до смерти забудетъ. — Очень сурьезный, сволочь!...

Когда наконецъ взѣхали на гору, Васька замѣтилъ у памятника императора Александра городского и увидѣлъ яркіе огни Крещатика.

— Охъ, поймають!.. Накажи меня Богъ, поймають!

Но городской не обратилъ на нихъ никакого вниманія, потому что съ виду все у нихъ было въ порядкѣ:

Ѣхала порожнякомъ запоздавшая телѣга, на телѣгѣ сидѣлъ мальчишка, а сзади, съ кнутомъ подъ мышкой, грузно и лѣнливо шагаль ломовой извозчикъ.

— Сворачивай направо, сукинъ сынъ! — услышалъ за собой Васька злой шопоть. — Зѣваешь, свиненокъ?

Васька, дѣйствительно, прозѣвалъ и не замѣтилъ, какъ шедшій впереди «дворникъ» свернулъ въ переулокъ.

Васька повернулъ коня и задергалъ вожжами. А сзади опять послышался хриплый, злой и нервный шопоть:

— Еще разъ зѣвнешь — башку оторву!..

По этому шопоту Васька догадался, что и «ломовой» боится, даже очень боится и мальчику сдѣлалось такъ страшно, что хотѣлось бросить вожжи, прыгнуть съ телѣги и кинуться со всѣхъ ногъ на утекъ.

Но Васька чувствовалъ на своей спинѣ зоркій, безжалостный взглядъ «ломового» и сидѣлъ, какъ прикован.

ный. Онъ суетливо дергалъ вожжами, чмокалъ губами и безъ толку повторялъ:

— Но, впередъ! Впередъ, дьяволъ!..

Между тѣмъ, шедшій впереди «дворникъ» остановился и подаль Васекъ молчаливый знакъ къ остановкѣ. Васька сдержалъ коня и оглянулся. Ломовой стоялъ тутъ же и тяжело отдувался.

— Пріѣхали... — шепнулъ онъ Васекъ и поднесъ къ самому его носу большой, пахнувшій табакомъ, кулакъ.

— Смотри у меня, сволочь!.. Руки и ноги съ корнемъ вырываю...

А «дворникъ» тѣмъ временемъ прошелъ шаговъ сто, остановился у воротъ темнаго мрачнаго дома и тихонько стукнулъ въ маленькое оконце дворничкой.

На стукъ вышелъ настоящій дворникъ и они тихонько о чемъ-то пошептались. А затѣмъ первый дворникъ снялъ шапку и исчезъ въ подворотнѣ.

Это, очевидно, былъ сигнальный знакъ, потому что сзади ломовой тотчасъ же сказалъ:

— Трогай!..

Телѣга подъѣхала къ мрачному дому и передъ ней тихо раскрылись ворота.

Одинъ изъ дворниковъ взялъ коня подъ уздцы, ввелъ въ узенькій, темный дворъ и ворота снова безшумно и плотно закрылись.

— Ой-ой-ой!.. — тихонько, одними губами прошепталъ Васька.

Онъ понялъ, что теперь всѣ пути для него были отрѣзаны. Онъ былъ во власти — въ полной власти этихъ трехъ огромныхъ, сильныхъ людей и всѣмъ своимъ маленькимъ тѣломъ чувствовалъ эту страшную, эту жестокую и непреклонную власть.

Какъ во снѣ, сидѣлъ Васька на телѣгѣ и быстро, маленькими крестами, крестилъ себѣ грудь...

Между тѣмъ, всѣ большіе прижались къ стѣнкѣ и о чемъ-то пошептались.

— Слѣзай, Васька! — сказалъ затѣмъ переодѣтый «дворникъ» и тихонько снялъ Ваську съ телѣги и взялъ его за руку. — Гайда на работу! Фонарикъ не забылъ?

— Нѣтъ...

Вдвоемъ, крадучись вдоль стѣнки, они подошли къ небольшому слуховому окошку, гдѣ уже стоялъ ломовой и остановились.

— Здѣсь!

Окошко было на высотѣ немного больше человѣческаго роста, но внизу подъ нимъ стоялъ кухонный табуретъ. На этотъ табуретъ всталъ «ломовой» и безшумно, ловко и быстро вырѣзалъ алмазомъ стекло и спустилъ въ окно конецъ веревочной лѣстницы. Другой конецъ онъ замоталъ на руку и прижался къ стѣнѣ.

— Ну, Васька, теперь ты... — ласково и какъ будто совсѣмъ не волнуясь, сказалъ «дворникъ». — Смотри же, когда спустишься по лѣсенкѣ, остановись и сначала послушай. А потомъ, если все будетъ тихо, зажги фонарикъ, — но только на секунду, на одну секунду! — и оглянись. На лѣву руку увидишь полки, а на полкахъ штуки шелку и сукна. Ты бери по одной и подавай потихоньку въ окошко... Понялъ? И еще: если будетъ тревога, такъ ты подай знакъ, но не голосомъ, а подержай за лѣстницу. — Ну, иди сюда!

«Дворникъ» всталъ на табуретъ и, какъ перышко, поднялъ сильными руками Ваську и осторожно, ловко и мягко просунулъ его въ узенькое оконце ногами впередъ.

— Не робѣй, Васюкъ: все будетъ хорошо!..

Очутившись въ полной темнотѣ, Васька нащупалъ босыми ногами лѣсенку и тихонько, не дыша, спустился въ магазинъ.

Все было тихо, но сердце у Васьки колотилось такъ сильно, что ему казалось будто кто-то стучитъ молоткомъ.

Не выпуская изъ рукъ лѣстницу, онъ долго слушалъ

и въ этой жуткой, темной тишинѣ поворачивалъ ухо то вправо, то влево. Но все было тихо. На улицѣ слышно было дребезжаніе извозчичьихъ колесъ и глухо доносились шаги прохожихъ. Въ магазинѣ же было тихо, какъ въ могилѣ.

Дрожащей рукой Васька досталъ изъ кармана фонарикъ. Вспыхнулъ свѣтъ и погасъ. Налѣво, въ трехъ шагахъ, были полки, какъ и говорилъ «дворникъ». Но Васька все не выпускалъ изъ рукъ лѣсенки и стоялъ, прижавшись къ стѣнѣ, пока сверху изъ окошка не послышался шопотъ:

— Пора!

Васька отпрянулъ отъ стѣны и, вытянувъ впередъ руки, какъ слѣпой, пошелъ къ полкамъ. Скоро онъ нащупалъ что-то мягкое, гладкое, эластичное и потянулъ штору шелка.

— Тяжелое!..

Обернувшись, Васька увидѣлъ слабый свѣтъ окошка и, держа шелкъ на плечѣ, тихонько поднялся по лѣстницѣ и подаль.

Чьи-то руки безшумно взяли и Васька услышалъ шепотомъ сказанное слово:

— Молодчина!

Васька спустился снова, опять прижался къ стѣнѣ и, вытянувъ шею, жадно ловилъ звуки улицы. Но ничего тревожнаго не было слышно. Сквозь опущенныя, желѣзные шторы магазина звуки доносились еле-еле.

Васька опять вытянулъ впередъ руки и пошелъ къ полкамъ. Но теперь онъ уже привыкъ къ темнотѣ и безъ особаго труда различалъ направленіе.

И во второй, и въ третій, и въ четвертый разъ Васька подаль въ окно по штуркъ и каждый разъ слышалъ одобрительный, едва уловимый шопотъ:

— Ай, да Васька! Молодчага!..

Когда нижнія полки были опустошены, Васька по полкамъ же взбирался выше и тянулъ оттуда сукно и

бархатъ. Сукно было тяжелѣе шелка и работать было много труднѣе. Напрягаясь, двумя руками, стаскивалъ Васька эти тяжелыя штуки и вскидывалъ ихъ на плечо. Но онъ былъ не по лѣтамъ сильный мальчикъ и работалъ ловко, споро и безшумно.

Уже разъ пятнадцать спускался и поднимался Васька по лѣстницѣ.

Все его тѣло было въ поту. Потъ скатывался даже въ глаза и мѣшалъ смотрѣть. Постепенно прежній острый страхъ сталъ какъ будто проходить. Очень хотѣлось высморгаться, но изъ осторожности Васька не смѣлъ этого сдѣлать и только утеръ носъ и все лицо рукавомъ.

Но вотъ за желѣзной шторой магазина вдругъ слышались голоса и тяжелые шаги. Совсѣмъ близко, тутъ же, какъ будто даже въ магазинѣ.

Васька замеръ.

— Максимъ! Курить есть? — слышался за шторой стариковскій голосъ.

Въ отвѣтъ раздался протяжный долгій зѣвочекъ и другой, тоже стариковскій, голосъ проговорилъ:

— Есть, есть... Ну, и долго же тянется ночь сегодня!

Васька сообразилъ, что это ночные сторожа. Одинъ, должно быть, спалъ подъ дверью магазина, а другой, сосѣдній, захотѣлъ покурить и разбудилъ товарища.

По тону голосовъ Васька понималъ, что сторожа и не подозрѣваютъ объ его присутствіи. Но прежній острый, всепобѣждающій страхъ вдругъ навалился на грудь мальчика, и онъ судорожно задергалъ веревочную лѣстницу и быстро, какъ котъ, поднялся къ окну.

— Сторожа!.. Подъ самой дверью... Вынимайте меня!

Но «дворникъ», стоя на табуретѣ, взялъ Ваську за голову и прижавшись губами къ самому его уху прошепталъ:

— Что они говорятъ?

— Курить просилъ одинъ у другого...

«Дворникъ» переглянулся съ «ломовымъ», прислушался и опять потянулъ къ себѣ Васькину голову.

— Это ничего, вали еще!

— Дяденька, голубчикъ, довольно! — взмолился Васька.

Но въ эту минуту къ самымъ губамъ Васьки протянулся огромный кулакъ «ломового» и слышался его злой шипящій попотъ.

Васька нырнулъ внизъ и опять очутился въ темнотѣ магазина. Сердце его стучало, дыханіе спиралось въ груди.

А за желѣзной шторой все слышались протяжные зѣвки съ какимъ-то собачьимъ взвизгиваніемъ и время отъ времени раздавались голоса:

— И который бы теперь часъ могъ быть?

— Третій часъ уже: дѣвки домой потянули...

Васька прижался къ стѣнѣ и слушалъ ни живъ, ни мертвъ. Но сверху черезъ окно опять слышался попотъ:

— Пора!

Еще десять разъ онъ поднимался и опускался по лѣстницѣ. Сердце его стучало какъ молотъ. Съ лица ручьемъ лился потъ. Въ глазахъ рябило. Дыханіе со свистомъ вылетало изъ груди.

— Дяденька, довольно... Я заморился... У меня больше духу нема...

«Ломовой» опять вытянулъ свой кулакъ къ Васькиному лицу, но «дворникъ» понялъ положеніе дѣла и протянулъ руки къ окошку.

— Вылѣзай! Довольно!

«Дворникъ» посадилъ его на телѣгу, всю покрытую брезентомъ. Ворота опять безшумно открылись и пропустили добраго застоявшагося коня, сквозь этотъ узенькій, безлюдный дворъ.

— Слава Богу... Опять на улицѣ!.. Охъ, какъ хорошо!..

Васька снова нѣсколько разъ мелкими крестиками закрестилъ свою грудь.

Теперь лошадыю правилъ уже «ломовой», а «дворникъ» шелъ впереди.

— Что, уморился, сукинъ сынъ?— услышалъ Васька голосъ «ломового». Но на этотъ разъ въ голосѣ совсѣмъ не было обычной злости и слышалась только радость, большая радость.

— Ничего, пріѣдемъ къ Игнашкѣ — выпишься!.

Телѣга опять свернула изъ переулка въ маленькую боковую улицу и «ломовой» прибавилъ рыси.

Но на углу переулка какой-то ранній дворникъ уже подметалъ улицу и описывалъ своей метлой громадные полукруги.

Пришлось опять пустить коня шагомъ.

— Что за люди? — спросилъ дворникъ, когда телѣга поравнялась съ нимъ. — Что везете? Откуда?

— А тебѣ что за дѣло? — грубо огрызнулся «ломовой» и подобралъ вожжи.

— Какъ это «какое мнѣ дѣло»? Я тутъ дворникъ. — Стой!

«Ломовой» вынулъ кнутъ, но ходу не прибавилъ и только весь подобрался.

— Стой, тебѣ говорить!

Дворникъ подскочилъ къ телѣгѣ и схватился рукой за Васькино плечо. — Что везете?

«Ломовой» остановился.

— Ты что, слѣпой, что ли? Не видишь — ломовой на вокзалъ ѣдетъ? Чего привязался?

Но «дворникъ», видимо, былъ бывалый.

— Что везешь, тебя спрашиваютъ?

Дворникъ засунулъ руку подъ брезентъ, но въ ту же секунду сбоку у него выросъ другой «дворникъ» и метнулъ ему что-то въ лицо. Съ крикомъ дворникъ ухватился обѣими руками за глаза. Свистнулъ кнутъ. Лошадь рванулась

какъ бѣшеная и слышался другой, дѣтскій крикъ. Это Васька отъ неожиданнаго толчка вывалился изъ телѣги и тоже схватился обѣими руками за глаза.

Раздался пронзительный свистокъ, и Васька почувствовалъ, что кто-то желѣзной рукой схватилъ его за шиворотъ.

— Нѣтъ, не уйдешь! Хоть одинъ, да попался! Ахъ, сволочь!..

Это былъ дворникъ. Одной рукой онъ сгребъ Ваську за шею, а другой все хватался за глаза.

Еще и еще засвистѣлъ свистокъ и черезъ минуту на шумъ стали сбѣгаться люди. Прибѣжала какая-то проститутка, вся раскрашенная и пьяная, прибѣжала городской, слетѣлись ночные сторожа.

— Воры!.. Нюхательнымъ табакомъ... Въ глаза.. — объяснялъ дворникъ. — Страсть болить!.. На телѣгахъ ѣхали... съ товаромъ... и вотъ этотъ бойстрюкъ съ ними... Ему тоже въ глаза попало... Ой, и болить же!..

Городовой, какъ клещами, сжалъ трепещущую Васькину руку и сказалъ дворнику:

— Пойди, промой глаза... Въ участокъ пойдемъ!

Между тѣмъ толпа все прибывала. Васька сидѣлъ въ этомъ живомъ кольцѣ, какъ волченокъ, пойманный на травлѣ. Ноги, руки и все тѣло его дрожало мелкой дрожью. Мучительная рѣзущая боль въ глазахъ и взрывъ отчаянія въ душѣ. Огнемъ сверкала только одна мысль:

— Что-жъ теперь? Что-жъ теперь?

Кто-то изъ толпы нагибался надъ нимъ и о чемъ-то спрашивалъ. Кто-то дергалъ за ухо. Кто-то сильно трянулъ за вихры.

Но Васька не слышалъ боли. Онъ теръ кулакомъ свои глаза, а въ головѣ сверкала все та же обжигающая страшная мысль:

— Что-жъ теперь? Что-жъ теперь?..

IX.

Въ участкѣ въ этотъ часъ ночи было какъ-то особенно гнусно и скaredно. Печать окаянности чувствовалась здѣсь на всемъ.

— Неистребимая грязь и непобѣдимая вонь!

Казалось, люди поняли, что здѣсь, въ этомъ прогнившемъ мѣстѣ, бесполезно открывать окна и бессмысленно мыть полы и обметать пыльные стѣны. И понявши это, разъ и навсегда махнули рукой.

Въ пріемной комнатѣ на столѣ сильно коптѣла керосиповая лампа, а на клеенчатомъ диванчикѣ, въ полной формѣ, въ фуражкѣ и при шапкѣ, спалъ, раскрывши беззубый ротъ, дежурный околодочный надзиратель.

Это былъ, повидимому, очень пожилой человѣкъ, прятаній отъ начальства свою сѣдину и красивій бороду и усы. Но именно эта лиловая, дурно выкрашенная, борода и завалившіеся, какъ у старой лошади, глаза говорили о непобѣдимости времени.

— Ваше благородіе! Ваше благородіе! Мазурика привель!..

Городовой сталъ будить околодочнаго, а Васька не сводилъ испуганныхъ глазъ съ этой лиловой бороды и съ этого пустого, темнаго, какъ пропасть, открытаго рта.

Васька былъ увѣренъ, что сейчасъ же, по приходѣ въ участокъ, его первымъ долгомъ начнутъ бить или «мучить». Онъ много слышалъ объ «участкѣ», какъ о такомъ мѣстѣ, гдѣ людей по преимуществу бьютъ. Его отецъ, въ нетрезвомъ видѣ, раза два ночевалъ въ «части» и всякій разъ, возвращаясь домой, долго охалъ и просилъ жену привести ему костоправа.

— Большихъ бьютъ, а мальчиковъ, должно быть, порютъ! — мысленно рѣшилъ Васька и приготовился къ худшему.

Но сизый околодочный долго потягивался на своемъ диванѣ, долго зѣвалъ, кряхтѣлъ и протиралъ глаза. И на старомъ лицѣ его не видно было ничего, кромѣ безпредѣльной усталости и окончательнаго равнодушія ко всему на свѣтѣ.

— Какъ тебя зовутъ? — обратился онъ къ Васькѣ.

— Васька.

— А фамилія?

— Шаповаловъ.

— Званія какого?

Васька не вполне понялъ вопросъ, но на всякій случай отвѣтилъ:

— Низкаго званія...

— Знаю, что не высокаго. Но кто ты: мѣщанинъ, крестьянинъ?

Васька дернулъ носомъ.

— Не могу знать, ваше благородіе.

Медленно, скучно тянулось составленіе протокола. Свидѣтель-дворникъ, задержавшій Ваську, сталъ было горячо объяснять, какъ было дѣло, но тотчасъ же и потухъ: слишкомъ много усталости и скуки было на лицѣ околодочнаго.

— Я слышалъ эту повѣсть сто тысячъ разъ, — казалось, говорило это старое лицо съ лилово-сизой бородой. И было ясно, что когда протоколъ будетъ оконченъ и всѣ уйдутъ, это старое тѣло, въ мундирѣ и фуражкѣ, опять завалится на диванъ и опять раскроется, какъ темная пропасть, этотъ беззубый ротъ.

— Обыщите его! — зѣвая, приказалъ околодочный.

Городовой взялъ Ваську за плечо и провелъ рукой по всему его тѣлу. Рука наткнулась на фонарикъ въ карманѣ и вытащила его.

— Потайной фонарь, ваше благородіе!

Потомъ рука опять побѣжала по тѣлу и изъ другого кармана вытащила тряпочку, въ которой было что-то тщательно замотано...

У Васьки похолодѣло все внутри: весь его «капиталь», оставшійся отъ продажи часовъ, теперь лежалъ на столѣ и околodочный медленно считалъ деньги.

— Десять... пятнадцать... двадцать пять... Тридцать рублей денегъ...

— Отдадутъ, или нѣтъ? — съ тоской подумалъ Васька. — Нѣтъ, пропало... все пропало...

— Это я нашелъ деньги, — хриплымъ шопотомъ сказалъ онъ околodочному.

Но околodочный даже не поднялъ глазъ и молча дописывать протоколъ.

— Подпишитесь!...

Городовой и дворникъ подписались.

— Ну, води его! Въ арестантскую!

И городской съ Васькой не успѣлъ еще выйти, какъ ноги околodочнаго взметнулись вверхъ и онъ опять лежалъ уже на диванѣ въ своей прежней позѣ, съ фуражкой на головѣ.

Въ арестантской было полутемно. И здѣсь копѣла высоко на стѣнкѣ керосиновая лампочка. Сильно пахло перегорѣлой водкой и слышался тяжелый, kloкочущій и свистящій храпъ.

На полу, въ тяжеломъ, мертвомъ снѣ, валялось нѣсколько человѣческихъ тѣлъ. Два-три мазурика, ночью пойманныхъ, два-три карманныхъ вора и пять-шесть безчувственно пьяныхъ мастеровыхъ, подобранныхъ на улицѣ. Возлѣ пьяныхъ были лузги и мѣстами видна была рвота...

Все это хранило, бредило, стонало, и на блѣдныхъ лицахъ изрѣдка была замѣтна запекающаяся кровь.

Васькѣ показалось, что его бросили въ адъ. Ужасомъ и безуміемъ вѣяло отъ этихъ скорченныхъ тѣлъ и отъ этого испуганнаго, соннаго бормотанія. Однимъ казалось во снѣ, что они еще дерутся, другимъ казалось, что ихъ еще бьютъ, и злое рычаніе смѣшивалось съ плаксивыми стонами.

Какъ пойманная крыса, прижался Васька къ стѣнкѣ и, дрожа мелкой, нервной дрожью, глядѣлъ на эти тѣла.

Всѣ спали и только въ углу, ближе къ лампѣ, сидѣла какая-то темная фигура и поминутно плевалась. Этотъ не спалъ, но лицо его было такъ избито, что казалось, будто съ этого лица содрали всю кожу. Не лицо, а кровавая каша, среди которой горѣлъ воспаленный и какъ будто безумный глазъ. Другой глазъ затянуло огромной, силоватой сизой опухолью.

Избитый человѣкъ, видимо, и сейчасъ былъ пьянъ, но отъ боли не могъ спать. Онъ ничего не говорилъ, а только плевался и мычалъ. Но красное лицо его и воспаленный глазъ на этой кровавой кашѣ были страшны, и такимъ ужасомъ вѣяло отъ этого уже нечеловѣческаго лица, что Васька громко, въ голосъ, заплакалъ.

Х.

На допросъ въ сыскное отдѣленіе Ваську привели въ одиннадцатъ часовъ утра. Въ городѣ уже знали о крупной кражѣ изъ магазина и пострадавшій купецъ опредѣлилъ свои убытки въ 12 тысячъ рублей. Но никакихъ слѣдовъ преступленія сыщики еще не открыли и всѣ надежды полиціи были сосредоточены на одномъ Васькѣ.

Поэтому допрашивалъ Ваську самъ начальникъ отдѣленія, высокій, плотный мужчина, извѣстный въ воровскомъ мірѣ своей невѣроятной, почти нечеловѣческой силой.

Всѣ допросы громилъ и воровъ этотъ человѣкъ начиналъ обыкновенно съ молчаливаго, «предварительнаго» удара въ лицо, и очень нерѣдки были случаи, когда дюжіе и здоровые парни летѣли съ ногъ и падали въ об-

морокъ отъ одного этого «предварительнаго» кулака.

Но къ Васькѣ было бессмысленно примѣнять этотъ испытанный способъ ошеломленія, и сыщикъ, какъ опытный человѣкъ, рѣшилъ взять мальчика лаской.

— Ну, Васька, я уже все знаю... Ты не виноватъ, ты еще маленькій и тебя заставили полѣзть въ окно. Слушай, какъ дѣло было: ночью вы втроемъ пріѣхали на телѣгѣ... Одинъ былъ — ты, другой былъ переодѣтъ дворникомъ, а третій — ломовымъ извозчикомъ. Такъ? Потомъ тебя посадили въ окно, перекинули веревочную лѣстницу и дали тебѣ фонарикъ... Такъ? Ты таскалъ товары и подавалъ въ маленькое окошко. Такъ? И денегъ тебѣ за это дали — 30 рублей.

Васька молчалъ и смотрѣлъ въ землю.

— А теперь ты скажи намъ, откуда вы пріѣхали и гдѣ взяли лошадь и какъ зовутъ тѣхъ людей? Да ты не бойся, дурачекъ, вѣдь ты не виноватъ и тебѣ по закону ничего не будетъ. Ты еще маленькій и тебя только твоимъ родителямъ отдадутъ. Прямо отсюда и домой пойдешь... Ну? Что жъ ты молчишь?

— Я не знаю, какъ тѣхъ людей зовутъ, — прошепталъ Васька.

Васька говорилъ правду. Онъ дѣйствительно не зналъ имени своихъ соучастниковъ и могъ бы назвать только Игнашку, но объ Игнашкѣ рѣчи не было и онъ молчалъ.

— Такъ... Ты не знаешь, какъ ихъ зовутъ. Ну, хорошо... А откуда же вы пріѣхали? Вѣдь не на улицѣ же они тебя поймали?

Маленькіе острые глазки сыщика, какъ буравчики, сверлили Ваську и пристально заглядывали въ самую душу.

— Ну, такъ откуда же вы пріѣхали?

Васька понималъ, куда гнѣтъ сыщикъ и мысли его разметались, какъ испуганныя птицы.

— Накажи меня Богъ, я не знаю, какъ тѣхъ людей зовутъ...

— Не финти, Васька, не строй дурака... Я тебя о другомъ спрашиваю: откуда вы пріѣхали?

Острые черные буравчики опять впились въ Васькины глаза. И некуда было уйти и нельзя было спрятаться отъ этихъ бѣгающихъ, умныхъ, щупающихъ глазокъ. Казалось, сыщикъ все понималъ, все зналъ и могъ, какъ часы изъ кармана, вынуть всю Васькину душу и всѣ тайны ея.

Васька заплакалъ...

— Чего жѣты, дурачекъ, плачешь? Развѣ тебя бьютъ, или обижаютъ? Вѣдь тебя только спрашиваютъ: откуда вы пріѣхали?... Какъ дѣло было? Скажи правду — и я тебя домой отправлю... Къ отцу... У тебя есть отецъ?

— Есть...

— Ну, такъ не тяни, Васька, говори сразу...

Васькѣ подумалось, что если бы его били, то было бы легче. Но этотъ вкрадчивый, преднамѣренно ласковый голосъ и эти неотступные, всепроникающіе глазки — опутывали его, какъ воробья сѣткой... Васька не вѣрилъ этой ласкѣ и боялся этихъ сверлящихъ глазокъ. Но онъ чувствовалъ, что отъ нихъ нельзя уйти, что еще минута и буравчики высверлятъ изъ него тайну...

И Васька опять заплакалъ...

— Ахъ, какой ты еще дурачекъ, Васька!... Вѣдь тебѣ же русскимъ языкомъ говорятъ: *тебѣ ничего не будетъ* — понялъ? Ты — маленькій, такихъ въ тюрьму не сажаютъ... Ну, говори же сразу, а то я разсержусь!..

Васька тяжело, протяжно вздохнулъ. Сыщикъ видѣлъ, что въ душѣ мальчика происходитъ мучительная послѣдняя борьба и ласково положилъ ему на плечо руку.

— Ну, Васюкъ, выкладывай, что ли?

И, вѣроятно, Васька признался бы во всемъ, но ему помогъ случай. Онъ уже почти сдался, но какъ разъ въ

эту минуту открылась дверь и на порогъ показался полицейскій чиновникъ.

— Господинъ губернаторъ васъ къ себѣ требуютъ...
Чтобъ сію минуту...

И шопотомъ чиновникъ прибавилъ:

— Очень сердятся...

Сыщикъ сдѣлалъ нетерпѣливую гримасу и всталъ.

— Ахъ, чортъ возьми!

— Ну, Васька, ты потомъ мнѣ скажешь... Я черезъ полчаса приѣду. И обратясь къ чиновнику, сыщикъ прибавилъ намѣренно громко:

— Посмотрите, пожалуйста, чтобы этого мальчика не обижали. Пускай его накормятъ... И не сажайте его въ арестантскую, а пусть во дворѣ погуляетъ... Онъ хорошій мальчикъ...

Сыщикъ ушелъ, а Ваську, хотя и не покормили, но вывели во дворъ и какъ будто предоставили самому себѣ.

Это былъ большой и широкій дворъ, весь обнесенный высокой, въ два человѣческихъ роста, стѣной. Выходъ со двора былъ только одинъ — черезъ ворота, у которыхъ стояло на часахъ два городскихъ, съ пашками на-голо.

Было еще внутреннее крыльцо во дворѣ, на ступеняхъ котораго тоже сидѣло человѣкъ десять городскихъ, мирно и скучно бесѣдовавшихъ между собой.

Васька чувствовалъ страшную усталость во всемъ тѣлѣ и опустился прямо на землю въ сторонкѣ отъ городскихъ. Онъ весь еще былъ переполненъ допросомъ и вся душа его ныла и болѣла, какъ будто ее разрывали...

— Ласковый, сволочь... Подлизывается... — вспомнилъ онъ сыщика — А вѣдь заставить... все заставить сказать...

И Васька въ первый разъ отчетливо представилъ себѣ, что будетъ, если онъ скажетъ.

— Ихъ похватаютъ... Всѣхъ арестуютъ... И Игнаш-

ку, и тѣхъ двоихъ... А потомъ въ тюрьму... Но вѣдь Игнашка убьеть за это... Прямо убьеть... Да и тотъ, толстый, злой «ломовой» съ такимъ противнымъ, шипящимъ голосомъ... Вѣдь если они меня поймають... Не дай Богъ, что будетъ... А этотъ все подлизывается, все: «скажи, Васька, скажи, тебѣ ничего не будетъ...»

Васька чувствовалъ, что на него навалилась страшная, стѣснительная тяжесть и что она неминуемо его раздавить...

— Эхъ, если бѣ удрать... Охъ, если бѣ убѣжать... Но какъ?

Высокая глухая стѣна и городовые у воротъ ясно говорили, что о побѣгѣ нельзя было и думать. Во всемъ дворѣ былъ только одинъ внутренній выходъ, но на крыльцѣ сидѣли городовые и позѣвывая калякали.

Машинально Васька пересѣлъ поближе къ городovýmъ и сталъ прислушиваться къ ихъ бесѣдѣ. Они, видимо, давно здѣсь сидѣли и давно чего-то ждали и скучали... Одинъ изъ нихъ съ молодымъ солдатскимъ лицомъ занималъ товарищей полковыми воспоминаніями и солдатскими шутками и прибаутками.

— А азбуку солдатскую вы знаете? — спрашивалъ онъ. — Азбука такъ читается: «Ахъ, бабушка, вашъ Гавруша долженъ ѣхать жениться... На Зиночкѣ, на Ниночкѣ, на Катенькѣ, на Лизочкѣ, на Манечкѣ, на Надечкѣ, на Олечкѣ, на Пашенькѣ...

Городовые смѣялись, а веселый рассказчикъ все продолжалъ однимъ духомъ свою присказку и выходило у него такъ, что всѣ слова начинались съ очередныхъ буквъ алфавита: а, б, в, г, д.

— А на букву «пы» знаете сказку?

— А ну-ну... — поощряли слушатели.

— Чтобы всѣ слова на букву «пы» начинались?

— А ну-ну...

— Полтавскаго пѣхотнаго полка, пѣтьфебель Петръ Перепелицинъ, первый пьяница, подлець, потаскунъ

и пропойца. Портунею пропилъ, полушубокъ прогулялъ, къ потаскухамъ пошелъ и погибель свою найшелъ..

Городовые смѣялись, но Васькѣ эти полковые прибаутки показались мало занимательны. Всѣ мысли его были далеко.

— Уйти, удрать, провалиться сквозь землю, лишь бы не оставаться съ глазу на глазъ съ этимъ ласковымъ, сверлящимъ сыщикомъ...

— Но какъ это сдѣлать?

Пройти сквозь строй городскихъ, нечего было и думать... Перепрыгнуть черезъ стѣну въ два человѣческихъ роста было еще труднѣе.

Тоскующимъ, почти плачущими глазами Васька оглядывалъ широкій пустой дворъ и не находилъ исхода... Но вдругъ въ глазахъ его вспыхнули огоньки и какая-то новая, радостная мысль освѣтила все лицо. Въ углу двора онъ замѣтилъ пустую телѣгу-платформу съ длиннымъ дышломъ и это дышло осянило его надеждой.

— Телѣгу подкатить къ самой стѣнкѣ, такъ чтобы она не была видна городовымъ... Потомъ вынуть дышло и поставить концомъ въ телѣгу, а другимъ къ стѣнѣ.. По дышлу можно подняться на стѣну...

Мысль эта показалась Васькѣ такой простой и такой возможной, что у него духъ перехватило. Онъ весь подобрался и съ притворнымъ спокойствіемъ, лѣнливо пошелъ къ телѣгѣ и сѣлъ на нее. Городовые не обратили на него никакого вниманія: они все смѣялись, слушая балагура, и заставили его повторить прибаутку «на букву пы».

А Васька внимательно оглядѣлъ шкворень и съ радостью убѣдился, что онъ вынимается.

— Теперь только подкатить къ стѣнкѣ...

Толчками, осторожно, какъ будто играя, Васька выкатилъ телѣгу изъ поля зрѣнія городскихъ и поста-

вилъ у самой стѣны. И какъ только поставилъ, сейчасъ же вышелъ опять къ городovýmъ.

Здѣсь продолжалось все то же. Веселый рассказчикъ, по требованію публики, въ третій разъ повторялъ свою присказку.

— Полтавскаго пѣхотнаго полка штыфбель, Петръ Перепелицинь, первой пьяница...

Васька юркнулъ къ телѣгѣ, проворно вынулъ тяжелое дышло и укрѣпилъ одинъ концъ его на платформѣ, а другой прислонилъ къ стѣнѣ. Дышло было длинное и на цѣлый аршинъ выдавалось надъ стѣной.

Быстрымъ, воровскимъ взглядомъ окинулъ Васька дворъ, поплевалъ на руки и, какъ бѣлка, въ одну секунду очутился наверху и сѣлъ верхомъ на стѣну. Потомъ онъ заглянулъ внизъ на улицу, занесъ ногу и, какъ котъ, ловко и безшумно прыгнулъ на тротуаръ. Онъ зашибъ ногу, но не обратилъ на это вниманія и, какъ пуля, исчезъ въ ближайшемъ переулкѣ. Теперь все уже было позади: и участокъ, и сыщикъ, и допросъ. И такая безумная сверкающая радость охватила душу, что Васька не чуюлъ подъ собой земли. и бѣжалъ, бѣжалъ, бѣжалъ...

XI.

Только пробѣжавши кварталовъ пять, Васька сообразилъ, что не хорошо такъ, очертя голову, нестись во весь духъ по мостовой и что городовые, чего добраго, могутъ обратить на него вниманіе.

На углу Владимірской и Фундуклевской Васька опомнился и перевелъ духъ.

Радость — сверкающая, пьянящая радость свободы и избавленія — все еще бушевала въ его груди, какъ весенняя гроза.

— Какъ хорошо и какъ весело на улицѣ!.. А тамъ, позади — допросъ, полиція и эта страшная темная арестантская съ безчувственными тѣлами на полу. — Неужели и въ тюрьмѣ такъ: такой же загаженный, въ блевотинѣ, полъ, такое же дурманящее зловоніе и разбитыя въ лепешку лица?..

— Ахъ, какъ хорошо на улицѣ — какіе тѣнистые, высокіе каштаны, какое теплое солнышко!

Особенно пріятно было Васькѣ, что онъ ничего не наболталъ на допросѣ... Чуть-чуть было не проговорился... чуть-чуть... Еще минута — и все выложилъ бы этому проклятому барину съ такими сверлящими глазами. Но, слава Богу, все таки не сказалъ, — ничего, ничего не сказалъ!..

Какъ мальчикъ практичекій, прошедшій жестокую школу улицы, Васька, однако, отдавалъ себѣ полный отчетъ въ своемъ нынѣшнемъ положеніи:

— Ни одной копѣйки денегъ! На головѣ нѣтъ картуза. Босыя ноги и лохмотья вмѣсто штановъ и рубашки!

Васька вспомнилъ о своемъ пропавшемъ «капиталѣ» съ такимъ чувствомъ, какъ будто у него глазъ выкололи или руку отсѣкли. — Непоправимое, страшное несчастье и какая вопіющая несправедливость: вынули изъ кармана, пересчитали и спрятали... Его, Васькины, деньги!..

— Тридцать рублей!.. Тридцать рублей!..

Впереди, правда, была надежда на поправку: за ночную работу въ магазинѣ слѣдовало получить 25 рублей... Но, во-первыхъ, еще отдадутъ ли, а, во-вторыхъ, не опасно ли теперь идти на Дѣлѣрь къ Горобчику? А вдругъ тамъ полиція? А вдругъ всѣхъ уже перехватили? Вѣдь въ полиціи есть такія ученые собаки, которыя сразу все могутъ разыскать и отъ которыхъ даже подъ землей нельзя спрятаться.

Васька вѣрилъ въ полицейскихъ собакъ, какъ вѣрятъ въ волшебниковъ.

— Только слѣды обнюхаетъ — и побѣжитъ , и найдеть... и арестуетъ! Собака арестуетъ!..

Мысль, что какъ разъ сегодня полиція, можетъ быть, уже добралась со своими собаками до купальни, такъ пугала Ваську, что онъ рѣшилъ не торопиться съ визитомъ къ Горобчику.

— Можетъ быть . вечеромъ, когда стемнѣетъ , пойдѣ...

А пока Васька рѣшилъ добыть гривенникъ у мальчиковъ-газетчиковъ и пообѣдать. Можно бы, конечно, поискать этотъ гривенникъ и въ карманѣ какой-нибудь старой барыни-вороны. Но сегодня, когда только что онъ вырвался изъ полицейскихъ челюстей, страшно было даже подумать объ этомъ...

Въ самомъ концѣ Фундуклеевской, на углу Крепатака, Васька неожиданно, посомъ къ носу, столкнулся съ той самой дѣвочкой Женькой, для которой онъ третьяго дня кралъ цвѣты.

— Васька, это... ты?

Дѣвочка, съ цвѣтами въ рукахъ , остановилась, какъ вкопанная, она была несказанно поражена лохмотьями Васьки. Въмѣсто франта въ розовой рубахѣ и въ скрипучихъ сапогахъ, передъ ней стоялъ босой оборвышъ безъ шапки.

— Чего глаза выпучила? Я на работу ходилъ — не таскать же новую одежду на работу?

— И правда! — радостно и поспѣшно согласилась Женька. — Конечно, зачѣмъ же на работу новое надѣвать? Развѣ это видно?

— Ну какъ?... торгуешь?

— Да, уже два дня... Много денегъ наторговала... полный карманъ... Смотри, сколько!.. Дѣвочка трянула пятаками въ карманѣ и радостно вскинула на Ваську свои огромные сѣрые глаза.

Васька улыбнулся.

— Здорово! — А почевала гдѣ?

— Въ этой... гдѣ ты велѣлъ... въ макакатурѣ... Я сказала, что я — твоя сестра и меня никто даже пальцемъ не тронулъ. Тебя, Васька, мальчишки страсть боятся!..

Васькѣ это было очень пріятно слышать и онъ опять улыбнулся.

— А вещь понятная, что боятся: я ихъ луплю!...

По сіяющему милому личику дѣвочки было ясно видно, что она очень-очень обрадовалась неожиданной встрѣчѣ съ Васькой и что во всемъ этомъ людскомъ морѣ онъ былъ для нея ближе и роднѣе и понятнѣе всѣхъ.

Васька видѣлъ, какъ засвѣтились глаза Женьки и ему это было тоже пріятно.

— А гдѣ ты обѣдаешь? — спросилъ онъ.

— Въ обжорку вчера съ дѣвченками ходила... А сегодня еще не обѣдала...

— И я не обѣдалъ... Ъсть хочется, а денегъ нѣту, ни копѣйки.

— Такъ ты у меня возьми, Васька! Возьми, сколько хочешь!..

И Женька съ радостной готовностью, даже съ восторгомъ, запустила руку въ карманъ и вынула цѣлую горсть пятаковъ...

— Не... Мнѣ только десять копѣекъ... Завтра я тебѣ отдамъ... Ты не безпокойся: я честно, какъ сказалъ, ужъ непременно отдамъ!..

Дѣвочка настаивала и совала ему всю горсть мѣдяковъ, но Васька взялъ только гривенникъ.

— Я не люблю на чужой капиталъ разживаться... Спрячь свои деньги.

И когда дѣвочка нехотя опустила пятаки въ карманъ, Васька прибавилъ:

— А то давай вмѣстѣ пойдемъ въ обжорку... Хочешь?

Дѣвочка радостно вспыхнула.

— Да, пойдемъ, пойдемъ! На Подоль... Тамъ одна баба есть — хорошій борщъ продасть!

По дорогѣ Васька все думалъ: рассказать, или нѣтъ этой большеглазой и такой радостной дѣвочки о своихъ страшныхъ приключеніяхъ, но было сомнительно:

— Она, конечно, не разболтаетъ, но она — дурочка... И Васька промолчалъ и все озирался на прохожихъ и на городскихъ и особенно на пробѣгающихъ собакъ.

А дѣвочка, вся переполненная радостью встрѣчи безъ умолку говорила о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ улицы, гдѣ все было полно опасностей и подводныхъ камней.

Эта маленькая дочь Евы чувствовала въ Васькѣ какую-то опору, какую-то силу, на которую можно было опереться. Ей радостно было видѣть его превосходство и радостно было подчиняться ему и слушаться его.

— А на Крещатики, Васька, страсть сколько сволочей всякихъ, которые пристають!.. — тараторила Женька на ходу. — Дворникъ одинъ все меня въ дворникую заманивалъ... Но только я не дурочка — я знаю, чего онъ подлизывается, свинячій чортъ!..

— Дворники — всѣ сволочи! — рѣшительно заключилъ Васька.

— И одинъ господилъ тоже шоколаду мнѣ хотѣлъ купить. — хочешь, говорить, дѣвочка, шоколаду? — Нѣтъ, говорю, не надо мнѣ вашего шоколаду. — Отчего-жъ, говорить, дурочка? — Такъ, говорю, не желаю, говорю...

Васька очень хорошо зналъ, что могъ обозначать въ этомъ случаѣ шоколадъ, но онъ относился безразлично къ уличнымъ приключеніямъ дѣвочекъ и слушалъ рассказъ своей спутницы, какъ слушаютъ сказку.

Но Женька, вся охваченная новыми впечатлѣніями, казалось, уже почувствовала чутьемъ будущей женщины, что со всѣхъ сторонъ къ ней тянутся какія-то жадныя, цѣпкія, грязныя руки. Какъ будто эти дѣтскіе чис-

тые глаза въ первый разъ заглянули въ глубокій и во-
нючій колодезь. И было дѣвчкѣ и жутко, и мучитель-
но любопытно.

— И еще, Васька, мнѣ цвѣточницы рассказывали,
что тутъ такія женщины есть на Крещатикѣ, которыя
дѣвчечекъ поддуриваютъ и потомъ мужчинамъ продаютъ,
а деньги себѣ берутъ... «Зводницы» называются... Од-
на такая «зводница» и ко мнѣ вчера пристала. — Ты, го-
ворить, дѣвочка, гдѣ ночуешь? А я говорю: а вамъ ка-
кое дѣло, говорю? У матери, говорю, ночую. — А то ,
говорить, приходи ко мнѣ ночевать, я тебя на диванчи-
кѣ спать положу. — Нѣтъ, говорю, тетенька, меня до-
ма бить будутъ, если я почевать не приду. Какъ это мож-
но, говорю, у чужихъ людей почевать, развѣ-жъ это ви-
дано, говорю?..

Съ цѣлымъ снопомъ цвѣтовъ въ рукахъ эта босо-
ногая, оборванная дѣвочка была такъ прелестна, что
Васька, самъ того не замѣчая, все засматривалъ въ ея
оживленное, тонкое личико. По ея сѣрымъ, лучистымъ
глазамъ Васька видѣлъ, что дѣвочка рада ему, и онъ съ
удовольствіемъ слушалъ ее.

А дѣвочка все тараторила на ходу и захлебывалась
словами:

— А одной нашей дѣвченкѣ, Васька, цвѣточницѣ,
«зводница» обѣщала сапожки новые купить и юбку спра-
вить, и рубашки пошить... Опѣ страсть какія хитрыя,
Васька!... Такъ подлизываются, такъ подлизываются!..

Въ обжоркѣ, у толкучаго рынка на Подолѣ, стоялъ
чадъ и дымъ. Шипѣла на сковородахъ жареная рыба и
колбаса, булькала въ котлахъ кипящій борщъ и соблаз-
нительно дымилась на противняхъ подрумяненная жа-
ренная картошка. Никакихъ столовъ и стульевъ здѣсь
не было, а люди сидѣли на корточкахъ или располага-
лись прямо на землѣ и ѣли.

Въ чаду и дыму слышались зазывающіе голоса тор-
говокъ:

— А ну, борщу, хлопцы! А ну, борщу! кто хочет! Сальникъ замѣчательный! Сальникъ!

— Холодецъ, холодецъ, холоде-ецъ! Наваливайся, хлопцы, на холодецъ!

Между шипящими сковородами и кастрюлями, Женя провела Ваську къ знакомой бабѣ, и баба налила имъ миску борщу и дала двѣ деревянныхъ ложки.

— Кушайте, діты, кушайте, голубчики, на доброе здоровье, такого борщу и царь не кушалъ!

Борщъ, дѣйствительно, былъ великолѣпный — съ головизной, съ помидорами и съ укропомъ. Необыкновенно вкуснымъ показался и черный хлѣбъ — теплый, пахучій, съ дубовыми листьями, прилипшими къ нижней коркѣ.

Дѣти присѣли на корточки тутъ-же, возлѣ котловъ, и ѣли съ тѣмъ здоровымъ аппетитомъ, какой бываетъ только у уличныхъ ребятъ.

— А послѣ борщу, Васька, давай еще холодцу возьмемъ — я тебя буду угощать...

— Не... холодецъ — дорого: картошки возьмемъ.

— Ну, картошки,...

Всю большую миску дѣти съѣли до послѣдней капли и почувствовали, что они совсѣмъ сыты, до отвалу сыты. Но раздражающіе запахи этой народной уличной кухни такъ щекотали нервы, что они взяли еще и картошки.

— А я страсть люблю въ обжоркѣ объдать — хорошо! — сказалъ Васька, обжигаясь огненно-горячей картошкой. — А ты?

— И я люблю... Тутъ тебѣ, по крайней мѣрѣ, никто не морочить голову, никто на тебя не кричитъ и не ругаетъ, какъ дома...

Когда и картошка была уничтожена, дѣти подошли къ водопроводу и напились прямо изъ-подъ крана. Сначала напился Васька и утеръ ротъ рукавомъ.

Потомъ прильнула губами къ крану Женька и тоже, совсѣмъ какъ Васька, утерла ротъ рукавомъ...

Женькѣ пора уже было итти на Крещатикъ — торговать цвѣтами. Но ей не хотѣлось уходить, и маленькая дочь Евы выдумала предлогъ, чтобы оттянуть часъ разлуки.

— Надо бы цвѣты мои въ Днѣпрѣ помочить, чтобы не завяли... Поможешь мнѣ, Васька?

Вмѣстѣ они пошли на берегъ рѣки и усѣлись на тепломъ, золотистомъ песочкѣ.

Васька спросилъ:

— А ты, Женька, чи думаешь, чи не думаешь домой вертаться? Къ матери къ твоей?

— Не... чего я туда пойду? Что я дурочка, что ли? Чтобъ опять били?

— А дома били здорово?

— Ого! И палкой, и плеткой, и кулаками, и ногами... Вотъ смотри, еще знаки есть...

Она разстегнула воротъ своей рваной кофточки, обнажила плечо и у лѣваго соска совсѣмъ еще не развившейся груди показала большой круглый синякъ.

— Это сапогомъ... А вотъ это палкой...

И дѣвочка приподняла свою дырявую коротенькую юбочку и показала выше колѣнъ большой, длинный рубецъ сизаго цвѣта.

— Я бъ тебѣ еще показала, какъ они меня плеткой сѣкли, да только мнѣ стыдно, нельзя показать...

Васька внимательно, какъ докторъ, осмотрѣлъ синяки и рубцы (онъ зналъ толкъ въ синякахъ) и философски умозаключилъ:

— Всѣ — сволочи!..

— Вотъ видишь, а ты говоришь, чтобъ домой вертаться... Чего я буду вертаться — мнѣ уже наскучило.. Каждый день пьяные, каждый день кричать, ругаются, дерутся, даже городской приходилъ къ намъ и сказалъ, что протоколъ сдѣлаетъ... А ты говоришь — вертаться!..

— Нѣтъ, когда такъ, такъ лучше цвѣтами торгуй...

— А понятно лучше!... На что это похоже, чтобы одежду пропивать? У меня былъ новый платокъ — попропивали, была шуба — попропивали... И все, что я зарабатываю бывало — все пропьютъ.

— А ты гдѣ работала?

— А я чулки штонала, мѣники шила, салфетки на трактиръ стирала...

Васькѣ было жалко слушать эту женькину повѣсть и онъ еще разъ подвелъ итогъ ея разсказу:

— Всѣ — сволочи!... — А у тебя брата или сестры не было?

— Была сестра Манька, но тоже утѣкла... Уже большая была, ей четырнадцать лѣтъ было... Говорять, «гуляется» гдѣ-то ажъ въ Екатеринославѣ... Безъ вѣсти пропала... Очень хорошая Манька была, такая добрая... И очень красивенькая, не то, что я: вотчину за нее пятьдесятъ рублей «зводницы» давали... А она утѣкла...

Разсказъ дѣвочки дышалъ такой искренностью и такой простотой, что Васькѣ тоже захотѣлось разсказать и про свою жизнь въ родительскомъ домѣ. Никому онъ не разсказывалъ объ этомъ и даже стыдился бы при чужихъ вспоминать. Но Женькѣ разсказалъ все: и про отца, и про мать, и про порки и про страшныя порки «шпандыремъ»... И такъ какъ судьба у Васьки была приблизительно такая же, какъ у Женьки, то оба они не замѣчали, какъ бѣжитъ время. Имъ было тепло и радостно, и горько, и весело, и не хотѣлось уходить.

— Посидимъ, Васька, тутъ до вечера...

— Посидимъ... Только дай я еще намочу твои цвѣты, чтобы не пропали...

Васька подкачалъ выше колѣна штаны, вошелъ въ Днѣпръ и бережно сталъ освѣжать цвѣты. Но когда онъ собирался уже выходить, его зоркіе глаза замѣтили вдали на Днѣпрѣ легкій черный челнокъ, который, какъ стрѣла, несясь внизъ по теченію.

— Дядя Игнать! Дядя Иг-на-ть! — вдругъ во весь голосъ закричалъ Васька. — Погоняйте сюда, дядя Игнать!

Это дѣйствительно былъ Игнашка Горобчикъ. Могучій, плечистый, сильный, какъ медвѣдь, онъ гналъ свою легкую лодочку съ невѣроятной быстротой. Однако, онъ все-таки слышалъ и узналъ Ваську и повернулъ къ берегу.

Возбужденный и взволнованный, Васька выскочилъ изъ воды и отдалъ Женкѣ цвѣты.

— Это мой хозяинъ. Женька, мнѣ надо поговорить... Ты теперь иди... Иди, Женька.. А вечеромъ можетъ быть и я въ макулатуру почевать приду. А если не приду, такъ ты не забудь, скажи хлопцамъ, что ты моя сестра... Васька, скажи, головы всѣмъ поотвертаеть, если что... Ну, прощай, Женька... Нема время... А десять копѣекъ я тебѣ завтра отдамъ. Я честно...

Легкій черный челнокъ Игнашки до половины выскочилъ на песокъ...

— Ну, скажи пожалуйста! — взволнованно и даже радостно началъ Игнашка. — Мы его по всему городу ищемъ, а онъ съ дѣвчатами прохлаждается... Ну, и жукъ!. Садись скорѣй, въ слободку поѣдемъ!

Васька сдвинулъ челнокъ въ воду и ловко легко вспрыгнулъ на носъ.

— Цѣлый день его, паршивца, ищемъ, а онъ вонъ гдѣ... Ну, и хлюсть!...

И покосившись на Женьку, Игнашка подмигнулъ и тихонько прибавилъ:

— Мы отъ нашихъ людей знаемъ, что ты утекъ... Все знаемъ...

Лодка повернула по теченію и вся вздрогнула отъ могучаго взмаха весла...

А Женька, перекинувъ черезъ руку цвѣты, долго долго стояла на пескѣ и смотрѣла ей вслѣдъ.

И была печаль въ ея прекрасныхъ дѣтскихъ глазахъ..

ХІІ.

Горобчикъ и его воровскіе компаньоны знали все, что случилось съ Васькой послѣ его ареста. Свой чело-вѣкъ въ полиціи разсказалъ имъ даже кое-какія подро-бности допроса.

Но и зная, что Васька не назвалъ ни одного имени и никого не выдалъ, они все-таки трепетали за его участь.

Ваську искали сыщики. Вся полиція была поставле-на на ноги и начальникъ сыскаго отдѣленія поклялся губернатору, что онъ достанетъ мальчишку изъ-подъ земли. Въ дѣло были пущены и полицейскія собаки, о чемъ, однако, Игнашка еще не зналъ.

Собакамъ дали обнюхать отобранныя у Васьки день-ги, завернутыя въ тряпку, и затѣмъ привели ихъ на то мѣсто, откуда Васька спрыгнулъ со стѣны.

Одна изъ собакъ, крупная овчарка «Кіевлянка», очень бойко пошла по слѣду и увѣренно довела поли-цейскихъ до Крещатика. Но на Крещатикѣ множество слѣдовъ и человѣческихъ запаховъ, очевидно, сбили собаку съ толку, и она стала метаться изъ стороны въ сто-рону и скоро потеряла слѣдъ.

Начальникъ сыскаго отдѣленія былъ въ отчаяніи. Единственная нить къ раскрытію преступленія высколь-знула у него изъ рукъ, и онъ чувствовалъ себя въ самомъ смѣшномъ, невозможномъ положеніи.

— Мальчикъ одурачилъ!..

Чтобы поправить дѣло, онъ разыскалъ Васькинаго отца и даже надавалъ ему въ полиціи пощечинъ. Но зло-получный сапожникъ доказалъ, что сынъ уже четыре мѣсяца, какъ убѣжалъ, и съ тѣхъ поръ ни разу не появ-лялся въ родительскомъ домѣ.

Всѣ эти подробности еще не были извѣстны Игнаш-кѣ. Но кое о чемъ онъ догадывался.

И легко себѣ представить, какъ боялась вся эта темная компанія за участь Васьки.

— Если мальчика опять поймають — все пропало, Онъ выдасть, непременно выдасть всѣхъ!

Подъ вліяніемъ страха, Игнашкины компаньоны рѣшили даже удрать въ Одессу или въ Екатеринославъ, тѣмъ болѣе, что свою добычу они уже успѣли продать (за четыре тысячи рублей) и деньги подѣлили. Но Игнашка настоялъ, чтобы они подождали еще сутки, доказывая, что мальчикъ непременно сыщется.

И вотъ слѣпой случай блестяще оправдалъ эти предположенія: Васька нашелся.

Съ большимъ торжествомъ везъ теперь Игнашка своего юнаго компаньона къ себѣ въ Слободку.

По своему обыкновенію онъ мало говорилъ, но въ глазахъ его свѣтилась улыбка.

— Ну, и жукъ!

Зная нравы маленькихъ воровъ и уличныхъ дѣтей, Игнашка не сомнѣвался, что дѣвочка, которую онъ видѣлъ на берегу вмѣстѣ съ Васькой, была Васькина любовница, или «маруха». Но онъ считалъ ниже своего достоинства вмѣшиваться въ это частное Васькино дѣло и заговорилъ о другомъ.

— Удралъ ты ловко... Это вѣрно... Молодецъ... А все-таки дуракъ...

— Отчего дуракъ, дядя Игнатъ?

— Первое, зачѣмъ фамилію свою въ участкѣ сказалъ?

— Дуракъ! Второе, зачѣмъ деньги съ собой на работу взялъ? — Дуракъ! А третье, если убѣждалъ, отчего не далъ знать въ артель, а побѣждалъ къ своей шмарѣ? Выходить — опять дуракъ! Развѣ нѣтъ? Развѣ не понимаешь, что тебя полиція теперь, должно быть, съ собаками ищетъ?

Васькѣ было страшно и жутко слышать, что его ищутъ.

— Правда, дядя Игнатъ, ищутъ?

— А то что-жъ!

- Съ собаками?
- А вещь понятная...

Сердце у Васьки упало. Онъ даже поблѣднѣлъ весь. Ничего на свѣтѣ онъ такъ не боялся, какъ полицейскихъ собакъ. Эти собаки казались ему сверхъестественными, всезнающими, всемогущими.

- Значить, пропало дѣло, дядя Игнатъ?
- Ничего не пропало... Спрячу...
- Нѣтъ, собаки найдутъ... Собаки знаютъ...
- Дуракъ!..

Челнокъ несея по самой срединѣ Днѣпра съ быстротой парохода. Въ могучихъ рукахъ Игнашки кленовое весло изгибалось, какъ тросточка, и каждую минуту казалось, что оно вотъ-вотъ переломится пополамъ. Не было на всемъ Днѣпрѣ гребца, равнаго Игнашкѣ.

Въ Слободкѣ Игнашка жилъ, какъ живутъ богатые рыбаки. У него была собственная хорошая хата, была корова, свиньи, гуси и утки, и вообще полное хозяйство, которымъ завѣдывали Игнашкина жена и ея сестра.

Вотъ здѣсь-то, въ этой уединенной хатѣ, закрытой со всѣхъ сторонъ яблонями и черешнями, и рѣшилъ Игнашка спрятать Ваську.

Когда челнокъ выскочилъ съ разбѣгу на грязный иловатый берегъ у самого сада, съ яблони раздался дѣтскій голосъ невидимаго мальчика:

- Мамка! Батъка пріѣхалъ!

Изъ хаты вышла худенькая хозяйка, въ малороссійской рубахѣ, съ вышитыми рукавами, въ монистахъ и лентахъ, и взяла изъ рукъ Игнашки весло и армякъ.

- Вотъ это и есть тотъ Васька?

Но Игнашка не отвѣтилъ ни слова и даже брови приподнялъ, какъ будто ему было странно слышать, что жена его спрашиваетъ о чемъ-то.

Вошли въ хату, гдѣ хорошо пахло сухими травами и цвѣтами.

— Здравствуйте! — застычиво поздоровался Васька съ хозяйками.

А Игнашка, никому не кивнувъ даже головой, какъ былъ въ картузѣ, молча прошелъ въ кухню и молча сѣлъ за столъ. И тотчасъ же обѣ женщины, въ своихъ мало-россійскихъ рубахахъ, безшумно и быстро собрали ему обѣдать и усадили къ мискѣ и Ваську.

— Вотъ тутъ ты и жить будешь... — отрывисто объяснялъ Васькѣ Игнашка. — Недѣли двѣ-три... На улицу не ходи... Съ хлопцами не водись... живи смирно... Если хочешь купаться, купайся въ Днѣпрѣ.

Васькѣ очень хотѣлось спросить про деньги, которыя ему обѣщали заплатить, но онъ не рѣшился спросить прямо:

— А денегъ, дядя Игнатъ, у меня нѣту ни копѣйки...

— Знаю... Деньги будутъ... Сто рублей получишь... Завтра привезу и деньги и твою одежду.

Васькѣ показалось, что онъ ослышался.

— Сто, дядя Игнатъ?

— Сто...

— Ишь, какой богатый будешь, Васька! — вставила свое слово и жена Игнашки. Но Игнашка опять приподнял брови и даже ѣсть пересталъ. По лицу его было видно, что ему ужасно странно, даже дико, что жена его о чемъ-то говоритъ въ его присутствіи. Однако, онъ ни слова ей не сказалъ и продолжалъ разговоръ съ Васькой.

— Кормить тебя будутъ тутъ хорошо... Спать положить въ кухнѣ... Обиды никакой не будетъ... А если что, такъ мнѣ скажи и я, кому надо, головы поотвертаю!..

Послѣ борща подали великолѣпные гречаные вареники со сметаной — такіе вкусные, что и Васька на нихъ навалился. Но онъ не могъ ѣсть много. Въ душѣ его огнемъ сверкала мысль:

— Неужели сто рублей? Неужели такъ принесутъ

и дадутъ? И куда же ихъ спрятать?... А вдругъ украдутъ? Не закопать ли гдѣ-нибудь въ землю?

А Игнашка тѣмъ временемъ доѣдалъ огромную миску варениковъ и молчалъ. Онъ находилъ, что все нужное было сказано и послѣ обѣда молча перекрестился и поднялся, чтобы идти спать на сѣноваль. И когда онъ всталъ во весь свой ростъ среди маленькой кухни — такой огромный, плечистый и грудастый — то было страшно на него смотрѣть. Казалось, что это слонъ стоитъ въ канареечной клеткѣ.

ХІІІ.

Игнашкина супруга, Анна Горобчиха, была женщина маленькая, худенькая, некрасивая, не молодая и вдобавокъ еще на одинъ глазъ косая. Тѣмъ не менѣе, эта женщина пользовалась у дѣлцовскихъ кавалеровъ совершенно неслыханнымъ успѣхомъ. Даже до невѣроятности. Любовниковъ своихъ она считала десятками и называла ихъ «мои гусаки». Это были рыбаки, матросы, воры, городовые, шулера, плотовщики, охотники, еврей-приказчики и всѣ, вообще, кто въ Бога вѣровалъ.

Никому отказа не было.

Горобчиха не была проституткой въ обычномъ значеніи слова: за свою любовь она не требовала денегъ, но сувениры въ любви очень цѣнила.

«Гусаки» носили ей сало, рыбу, свинину, дикихъ утокъ, муку, водку, краденныя дрова, платки, ботинки и т. д. И оттого домъ Горобчихи былъ, что называется, полная чаша. На всю Слободку домъ этотъ славился жирными борщами, изумительными пирогами и замѣчательной водкой, настоящей на березовыхъ почкахъ.

Конечно, для Игната не было тайной поведеніе его супруги. Но только въ первый годъ сожителства онъ билъ и даже сѣкъ жену кнутомъ и наставлялъ безчислен,

ные фонари «гусакамъ». Но скоро онъ понялъ, что темпераментъ жены непобѣдимъ, что эта ненормальная, истерическая чувственность была сильнѣе ея. Да и съ «гусаками» не было никакого сладу. Они такъ разлакомились и было ихъ такое множество, что почти каждый день приходилось хвататься за «дрючекъ» и костылять кому-нибудь шею.

Въ концѣ концовъ, однако, Игнашка плюнулъ и на жену и на «гусаковъ» и замолчалъ. Онъ «не вникалъ» больше въ это дѣло, и когда сосѣди и сосѣдки намекали ему на поведеніе жены, онъ такъ и говорилъ имъ:

— Я не вникаю!..

Цѣлыми годами онъ не говорилъ съ женой и жилъ, какъ живетъ въ лѣсу кабанъ-одиноцъ: отдѣльно отъ всѣхъ и ни въ комъ не нуждаясь. Женщинъ онъ презиралъ молча, разговаривалъ только съ мужчинами, а женщинъ косыхъ считалъ развратными отъ природы и презрительно называлъ ихъ «косыми блямбами», хотя и самъ не зная, что значить это слово — «блямба».

Однако Игнашка все-таки не порвалъ съ женой окончательно, такъ какъ признавалъ за ней и достоинства. Она была прекрасная хозяйка и очень заботливо воспитывала ихъ пятилѣтняго сына Гаврюшку. Да и въ воровскихъ дѣлахъ лучшей помощницы и сбытчицы краденаго нельзя было бы и придумать.

Кромѣ жены, въ домѣ Игнашки жила еще одна женщина — молодая, 22-хъ лѣтняя сестра жены, Катька (тоже съ легкой косинкой въ лѣвомъ глазу). Катька считалась «шмарой», т. е. воровской любовницей и занималась и проституціей и воровствомъ сразу.

Но странная вещь: хотя Катька была чуть не вдвое моложе своей сестры, хотя она была недурна собой и хорошо сложена, но у мужчинъ, она не пользовалась успѣхомъ, и воры (очень разборчивые въ женщинахъ) пренебрегали ею. Правда, и у Катьки были свои «гусаки», но это были «гусаки» совсѣмъ въ другомъ родѣ: они не

только ничего не носили Каткѣ, но требовали подарковъ отъ нея же и водку пили всегда на ея счетъ.

Вотъ къ этимъ-то двумъ женщинамъ и попалъ Васька на воспитаніе. Въ первые дни онъ держалъ себя волченокъ и смотрѣлъ изподлобья. Но обѣ женщины относились къ нему ласково и очень заботливо. Онѣ начали съ того, что велѣли своему постояльцу вымыть голову, и Васька (въ первый разъ за послѣдніе полгода) побывалъ въ домашней банѣ. Потомъ ему выстирали рубаху, устроили постель въ кухнѣ на лежанкѣ и дали подушку и одеяло.

Эта непривычная роскошь по началу даже изумляла Ваську. Ему было странно обѣдать за столомъ, потому что, въ своемъ уличномъ быту, онъ всегда обѣдалъ на мостовой или на тротуарѣ. Ему было странно сидѣть на стулѣ, потому что онъ обыкновенно сидѣлъ только на землѣ или на уличной тумбѣ. А своя постель и свое одеяло, послѣ типографской макулатуры, казались чѣмъ-то сказочнымъ и даже маловѣроятнымъ. Въ особенности неправдоподобно, казалось, что во время сна никто не тыкалъ въ него желѣзной палкой и не выбрасывалъ на улицу въ непогоду и дождь.

Иногда Васька даже философствовалъ:

— Страсть, какъ ловко придумали люди — сидѣть на стульяхъ! Это тебѣ не камушекъ!

Но вскорѣ Васька пошелъ еще дальше по части комфорта. Однажды Катка предложила купить ему рубашки, исподнее и носовые платки.

— Что ты такой скупой, Васька: деньги есть, а бѣлья себѣ не купишь? Я за тебя и замужъ не пойду, когда такъ.

Она всегда говорила съ Васькой шутливо и игриво, но Васька глядѣлъ на нее изподлобья.

— А зачѣмъ бѣлье? У меня-жъ есть розовая рубашка?

— Одна? А какъ въ субботу ее стирать отдадутъ, въ чемъ же ты ходить будешь?

— А зачѣмъ въ субботу?

— А то не стирать? Кто-жъ за тебя замужъ пойдетъ, за грязную?

Въ концѣ концовъ, Ваську убѣдили, и онъ согласился на эту трату.

Теперь у него было три рубашки, были подштанники, которыхъ онъ прежде никогда не носилъ, было два носовыхъ платка, и вся эта собственность была аккуратно уложена въ новой корзинкѣ, тоже для него купленной.

— Ну, теперь, Васька, ты прямо, какъ помѣщикъ! — все заигрывала съ мальчикомъ Катька. — Теперь присылай сватовъ и я за тебя замужъ пойду!

Васька по обыкновенію смотрѣлъ въ землю и ничего не отвѣчалъ.

— Не хочешь?

Катька кокетничала, играла глазами, теребила волосы на головѣ Васьки и все незамѣтно подталкивала его своей высокой, крѣпкой грудью, на которой гремѣли бусы.

— Такъ не хочешь сватать?

Васька краснѣлъ и дергалъ носомъ. Непонятная ненависть — острая и непримиримая — поднималась въ его душѣ къ этой румяной, толстощекой дѣвушкѣ съ косящимъ глазомъ.

— И чего она лѣзетъ, толстомордая? — самъ себя спрашивалъ Васька.

А Катька, точно не замѣчая этихъ злыхъ глазъ, все тормошила мальчика и теребила его.

— Ну, не хочешь сватать, такъ хоть поцѣлуй?..

Иногда Катьку останавливала старшая сестра и, смѣясь, говорила:

— Ну, скажите, пожалуйста: къ хлопчику привязалась!.. Мало ей гусаковъ, такъ онъ за дите взялась.

Но Катька какъ-то загадочно посмѣивалась и не то шутила, не то серьезно говорила:

— Хочу въ любовники взять... Тебѣ какое дѣло?..

Сестра возмущалась.

— Ваську? Чи ты съ умоу? Вѣдь ему-жъ 12 лѣтъ?..

— А что-жъ... На содержаніе къ нему поступлю...
Ха-ха!..

— Къ Васькѣ?

— А что-жъ?..

— Да какія же у него деньги?

— Теперь нѣту, потому что вы ему грошъ платите, а какъ я при немъ буду, такъ вы его и въ шайку возьмете, и долю платить будете... Другой разговоръ будетъ.

Сестра плевалась и возмущалась, но Катька все такъ же загадочно посмѣивалась и нагло ухмылялась.

Между тѣмъ, полиція все не прекращала своихъ поисковъ. Мѣстные газеты рассказывали фантастическія подробности о побѣгѣ 12-ти лѣтняго мальчика изъ участка, и это вниманіе прессы приводило въ бѣшенство и полицій-местера и губернатора. Выходить какъ-то такъ, что маленький мальчикъ одурачилъ всю городскую администрацію и поставилъ въ самое дурацкое положеніе сыскную полицію.

Каждый день въ газетахъ появлялись все новыя и новыя замѣтки подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ:

— «Неуловимый Мальчикъ».

Репортеры плели околесицу. Они сдѣлали изъ Васьки «атамана дѣтскихъ воровъ», рассказывали чудеса о его подвигахъ и о его кутежахъ «съ любовницами» и не безъ яда намекали, что начальнику сыскной полиціи съ такимъ «атаманомъ» не справиться.

Губернаторъ, читая эти замѣтки, чувствовалъ себя «смѣшнымъ» и напрямикъ заявилъ начальнику сыскной полиціи:

— Или вы найдете этого маленькаго мерзавца, или вы подадите въ отставку.

Игнашка, черезъ своихъ полицейскихъ друзей, очень хорошо зналъ, что въ полиціи среди сыщиковъ каждый день происходятъ бури и что на ноги поставлено все, что

было можно поставить. И Игнашка говорилъ съ философскимъ спокойствіемъ:

— Еще счастье, что никто изъ воровъ не знаетъ хлопца въ лицо: навѣрное продали бы, чортовы дѣти.

Однако, Игнашка видѣлъ, что вокругъ его купальни и вокругъ дома въ Слободкѣ роємъ вьются сыщики.

— А вѣдь надо хлопца перепрятать въ другое мѣсто, здѣсь накроютъ, — говорилъ онъ. — Но куда, къ чорту, его спрячешь?

Однако, въ концѣ концовъ, Игнашка нашелъ «спокойное» мѣсто. Въ качествѣ «днѣпровскаго пирата», онъ былъ убѣжденъ, что «на Днѣпрѣ» все можно спрятать и что никакой чортъ не найдетъ, если «хорошо постараться».

Игнашка зналъ, что на Днѣпрѣ стоитъ прекрасная, большая яхта «Чайка», принадлежащая одному изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ людей въ городѣ. Про эту «Чайку» въ воровскомъ мірѣ ходили баснословные слухи. Говорили, что тамъ даже «умывальники серебряные» и Игнашка давно точилъ зубы на эти богатства. Онъ даже дружбу свелъ съ единственнымъ матросомъ яхты и все склонялъ его къ воровству. Матросъ не былъ воромъ, но былъ игрокомъ и все свое жалованье регулярно проигрывалъ въ купальнѣ Игнашки. Были даже случаи, что матросъ принималъ участіе въ рукопашныхъ схваткахъ Игнашки съ шулерами.

Вотъ къ этому-то матросу, на барскую яхту и опредѣлили Ваську.

Дня три продержки, пока туча пройдетъ, — говорилъ Игнашка. Ваську помѣстили въ кубрикъ и строго запретили выходить на палубу до наступленія темноты.

— А если что пропадетъ на яхтѣ, такъ голову откручу! — внушительно прибавилъ матросъ.

На другой день въ домѣ у Игнашки былъ обыскъ и полиція обшарила даже чердаки и погребъ. Но никакихъ слѣдовъ «неуловимаго мальчика» здѣсь не было и все обошлось благополучно.

Произвели обыскъ и въ купальнѣ, но тоже безрезультатно.

Игнашка попробоваль было даже пошутить надъ полицейскими неудачами, но получилъ въ зубы и обиженно замолчалъ.

Большого значенія зуботычинамъ Игнашка, впрочемъ, не придавалъ, но его обижало, что ударили у него же въ хатъ и «при народѣ»...

А дня черезъ три, когда надъ Днѣпромъ спустились сумерки и на пароходныхъ мачтахъ задрожали огоньки, къ яхтѣ подъѣхала на лодкѣ жена Игнашки и тихонько вызвала Ваську.

— Ну, садись въ лодку, все обошлось. Брехали собаки, да не укусили!...

Затомившійся въ тѣсномъ кубрикѣ, Васька легко и ловко спрыгнулъ въ лодку и взялся за весла. Но игнашкина жена все благодарила матроса и все пересмѣивалась съ нимъ.

— Приходите къ намъ, я васъ борщомъ накормлю...

Васькѣ очень хотѣлось узнать, что это значитъ «брехали собаки, да не укусили», но жена Игнашки все пересмѣивалась съ матросомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сказалъ:

— А ну, кума, полѣзайте на яхту, я вамъ что-то скажу.

Все съ тѣмъ же кокетливымъ смѣшкомъ, Анна протянула руку матросу и вскочила на палубу. Васька видѣлъ, какъ высокій темнолиный матросъ обнялъ ее за талію и увелъ въ кубрикъ. Но Васька былъ занятъ своимъ:

— Навѣрное была полиція... А можетъ быть, и съ собаками. А ну, какъ и еще придуть?..

Минуть пятнадцать не было ни Анны, ни матроса. Васька совсѣмъ соскучился въ лодкѣ, но, наконецъ, все съ тѣмъ же кокетливымъ смѣшкомъ Анна опять показалась у борта и пересѣла въ лодку.

— Пстой, кума! — остановилъ ихъ матросъ. — Не

отчаливай! Онъ сбѣгалъ опять въ кубрикъ, вынесъ оттуда какой-то свертокъ и не безъ игривости протянулъ Аннѣ.

— Нате вамъ гостинца, мадамъ: три фунта сала вашей милости и головка сахару.

Лодка отчалила.

А дома Игнашка разсказалъ подробности обысковъ и, какъ могъ, успокоилъ Ваську.

— Теперь шабашъ. Больше не придутъ.

И началась опять жизнь въ маленькой хатѣ, гдѣ такъ славно пахло сухими травами и гдѣ за обѣдомъ люди съѣдали по тридцать и по пятьдесятъ варениковъ.

Начались снова и заигрыванія Катьки.

— Ну, когда жъ ты приплешь сватовъ? — подмигивая косыми глазами, спрашивала она Ваську.

Но заигрыванія «толстомордой» Катьки вызвали въ душѣ Васьки бурное, непобѣдимое отвращеніе. Онъ возненавидѣлъ эту дѣвушку непримиримой отроческой ненавистью. Ея улыбка, ея лицо, малороссійская рубаха съ вышитыми рукавами и въ особенности ея трясущійся на ходу бюстъ — вызвали въ немъ омерзеніе, даже какое-то удушье, но вмѣстѣ съ тѣмъ и любопытство.

— Блямба косая! — съ содроганьемъ шепталъ Васька, и все-таки смотрѣлъ ненавидящими глазами, смотрѣлъ — и на это улыбающееся лицо, и на этотъ трясущійся бюстъ. — А, чтобъ ты издохла, кобыла проклятая!..

А Катька, между тѣмъ, все настойчивѣе и все упорнѣе шла къ своей цѣли. Въ особенности это бросалось въ глаза послѣ ночныхъ экспедицій на дачу, за которыя Васькѣ снова дали 50 рублей.

Однажды, когда старшая сестра уединилась съ какимъ-то очереднымъ «гусакомъ» на сѣновалѣ и маленькій сынъ ея былъ у отца въ купальнѣ, Катька осталась съ Васькой совсѣмъ наединѣ и предприняла рѣшительную атаку.

Молча, со своей загадочной улыбкой на толстыхъ губахъ, она пришла къ Васькѣ, сидѣвшему въ кухнѣ, и

молча же обхватила его своими сильными руками и прижала къ себѣ.

— Вотъ когда я тебя поцѣлую!.. А что, попался, который кусался? Ну, что ты теперь со мной сдѣлаешь, что?

Васька весь ошетинился, точно волчонокъ, котораго укусили.

— Пусти! Пусти, тебѣ говорить!

Онъ вырывался, дергался, брыкался ногами, но Катъ-ка все сильнѣе прижимала его къ своей круглой груди и тянулась къ нему толстыми, смѣющимися губами.

— Блямба косая! Пусти, тебѣ говорить! Стерва!..

— А вотъ и не пущу... Ну, что ты со мной сдѣлаешь, что? Пока не поцѣлую, не пущу!..

— Въ морду плюну!

Васька громко отхаркнулся и ненавидящими глазами такъ и обжигалъ свою мучительницу. Но Катъ-ка, уллучивъ моментъ, прильнула къ его губамъ горячимъ, долгимъ поцѣлуемъ и сразу почувствовала какъ подъ этимъ пьянящимъ, безконечнымъ поцѣлуемъ, Васька сталъ затихать... Все тѣснѣе и тѣснѣе прижимала она маль-чика къ своей горячей груди и все тише и тише становился въ ея рукахъ Васька.

— Ну, что, обмякъ? — задыхаясь шептала она.

Но Катъкъ на этотъ разъ помѣшала старшая сестра. Съ «гусакомъ», очевидно, было уже покончено, и Анна принесла въ кухню большой кусокъ ветчины. Она видѣла, однако, какъ Катъка оттолкнула отъ себя Ваську, видѣла ихъ красныя лица и искренно возмутилась:

— Чи ты съ умомъ, Катъка? Что ты дѣлаешь съ хлопцемъ, паскуда проклятая? Накажи меня Богъ, кон-чится тѣмъ, что Игнашка всѣмъ намъ морды понабиваетъ!.

Взѣрошенный, красный, весь дрожащій отъ ненависти и стыда, Васька забился въ уголъ и на глазахъ его блестѣли слезы.

А Катъка смотрѣла на него смѣющимися, торжест-

вующими, все понимающими глазами и, улучивъ моментъ, когда сестра снова вышла, тихонько шепнула:

— Ну, что, «попался, который кусался?» Ночью придѣ къ тебѣ въ кухню...

— Стерва проклятая!.. — со скрежетомъ прошипѣлъ ей въ лицо Васька.

И она, дѣйствительно, пришла къ нему ночью. Пришла въ одной рубашкѣ, вся горячая, полуголая, безстыдная, и сдѣлала съ мальчикомъ все, что хотѣла...

XIV.

Цѣлый мѣсяцъ прожилъ Васька въ домикѣ Игнашки. Полицейскіе поиски за это время затихли и почти прекратились, и Васька мечталъ о перемѣнѣ квартиры.

Ему было душно въ этой уютной чистенькой хатѣ, гдѣ такъ хорошо пахло сухими травами. Мучительная ненависть къ своей развратительницѣ, Каткѣ, не покидала его ни на одинъ день. Это было похоже на жестокую перемежающуюся лихорадку: утромъ и днемъ треплетъ, а къ вечеру затихаетъ... Злобное отвращеніе къ этой дѣвушкѣ наполняло всю жизнь Васьки. Онъ не могъ видѣть безъ содроганія, какъ Катка пьетъ чай, какъ она ѣстъ, какъ чешетъ свои длинныя косы. Когда она напѣвала пѣсенку, Васкѣ хотѣлось ударить ее по толстымъ, влажнымъ губамъ. Когда она гадала на картахъ (а Катка постоянно гадала) онъ злобнымъ шопотомъ повторялъ ея слова:

— «Карточки мои любя, карточки мои милыя, скажите мнѣ, карточки, истинную правду: что меня ждетъ на квартирѣ, на постели, въ людяхъ и вдома?...»

Но и за всѣмъ тѣмъ, когда приближался вечеръ, откуда-то, со дна души, вставалъ неожиданный вопросъ: придетъ, или не придетъ она ночью?

Особенно нестерпимо было для мальчика, что его новыя, такія ужасныя, стыдныя и грязныя отношенія съ этой дѣвушкой, были извѣстны всѣмъ окружающимъ.

Въ домѣ Игнашки всѣ знакомые воры и даже «гусакки» встрѣтили Васькину связь бурнымъ хохотомъ. Ваську теперь называли «Катькинъ хахаль», «Катькинъ мужъ», а Катьку — «Васькина шмара».

Одинъ Игнашка встрѣтилъ эту новость безъ всякой улыбки. Тяжелымъ взглядомъ онъ окинулъ Катьку съ ногъ до головы и процѣдилъ сквозь зубы:

— Батрака нашла, косая блямба?

Катька знала, что воры надъ ней смѣются. Но она ихъ обезкураживала тѣмъ, что и сама смѣялась. А между тѣмъ, за Васькиными «дѣлами» она смотрѣла очень зорко. Въ дѣлежахъ добычи она теперь принимала самое остервенѣлое участіе, и Васька не могъ не видѣть, что его доля значительно возросла. Не оставляла Катька безъ вниманія и Васькину внѣшность. У него теперь былъ приличный костюмъ, была шляпа, были рубашки съ галстуками и даже серебряные часы. Отдѣльная корзина Васькина теперь наполнилась до верху его вещами. Иногда, поймавъ на себѣ все тотъ же тяжелый, ненавидящій взглядъ, Васьки, Катька, даже раздражалась его неблагодарностью;

— Что смотришь, волчонокъ? А кто тебя человѣкомъ сдѣлалъ, сукинъ сынъ?

На каждомъ шагѣ Катька давала понять мальчику, что безъ нея онъ пропадетъ, что съ ней ему выгодно, что только она «вырветъ изъ глотки» его долю.

Васька не могъ не понимать этого, но, когда видѣлъ, какъ трясутся на ходу ея круглыя бедра, его охватывало все то же злобное отвращеніе и хотѣлось бить, кулаками бить по этому круглому румяному лицу и по этимъ вѣчно влажнымъ пухлымъ губамъ.

— У-у, гадюка проклятая!..

Только тогда и отдыхалъ Васька отъ своей ненависти,

когда Катька пропадала на цѣлые дни и почи со своими взрослыми «гусаками» или уходила «на дѣло» (Катька была дѣтская воровка и, заманивая въ подворотни ребятъ, раздѣвала ихъ).

Въ этихъ случаяхъ Васька искалъ общества мужчинъ. Онъ очень хорошо чувствовалъ себя съ Игнашкой и еще лучше со своимъ компаньономъ по первой большой кражѣ — съ господиномъ въ бѣломъ костюмѣ, котораго всѣ въ шайкѣ называли «Доріанъ Грей».

Этотъ «Доріанъ Грей» когда-то учился въ гимназіи и до сихъ поръ очень любилъ читать. Въ шайкѣ думали, что это его настоящее имя и не догадывались, что это только псевдонимъ. А Игнашкина жена думала даже, судя по такому нерусскому прозвищу, что «Доріанъ Грей» былъ изъ «жидовъ».

Но онъ былъ русскій. Его настоящее имя было — Платонъ Ивановичъ Куликовскій.

Съ Васькой у «Доріана Грея» установились отношенія очень дружескія и добродушно шутливыя. Свою страсть къ чтенію «Доріанъ Грей» старался привить и мальчику и всякій разъ, навѣдываясь къ Игнашкѣ, доставалъ изъ кармана тоненькія брошюрки Шерлока Холмса и шутливо говорилъ:

— Обращаю ваше вниманіе, молодой человѣкъ, на замѣчательнаго англійскаго сыщика; если бы онъ жилъ въ Кіевѣ, мы всѣ подошли бы съ голоду...

Иногда изъ кармана доставался томикъ Чехова, и «Доріанъ Грей» снова рекомендовалъ книгу «вниманію» молодого человѣка:

— Это мой любимый писатель! Жалко, что померъ, бѣдняжка... Антонъ Павловичъ его звали... Дай Богъ царство небесное...

Васька съ упоеніемъ набрасывался на Шерлока Холмса и не могъ понять, почему «Доріанъ Грей» предпочитаетъ Чехова.

— Про Шерлока, когда читаешь, дядя Доріанъ, такъ

мурашки по спинѣ бѣгаютъ, — вотъ хитрый, сволочь, былъ!... А тотъ, другой, Чеховъ... что въ немъ такого?

«Доріанъ Грей» никогда не спорилъ съ Васькой. Онъ только улыбался и, поговоривъ о книгахъ, переходилъ на другое:

— А теперь, молодой человѣкъ, займемся дѣломъ. Попробуйте у меня часы изъ кармана украсть!...

Вѣчно шутя и вѣчно улыбаясь, этотъ красивый, нарядный человѣкъ училъ мальчика ... литературѣ и воровству и самъ потѣшался надъ этимъ.

— Дядя, Доріанъ Грей,—жадно допытывался Васька, — а это въ самомъ дѣлѣ было? Былъ такой Шерлокъ Холмсъ, или это выдумки? Вотъ, сукинъ сынъ, умный былъ: скрозь землю все видѣлъ!...

— Былъ, былъ... Конечно, былъ, — смѣясь говорилъ «Доріанъ Грей»!.. — Но, довольно о литературѣ!.. Попробуйте теперь вытащить изъ моего кармана часы!...

И «Доріанъ Грей», заложивъ руки въ карманы, изображалъ фланирующаго барина, а Васька, какъ котъ, подкрадывался къ нему сзади и тихонько нащупывалъ часы.

— Нѣтъ, молодой человѣкъ, вы не воръ, а сволочь! Кто же такъ тянетъ? Такъ собаку на веревкѣ тянуть, а не часы... Еще разъ!..

И онъ опять прогуливался, а Васька повторялъ опытъ.

— Теперь лучше... Но зачѣмъ вы вашей лапой мнѣ въ животъ ткнули! На работѣ вы уже получили бы за это по мордѣ и я уже кричалъ бы городского!...

По пяти и по десяти разъ заставлялъ «Доріанъ Грей» продѣлывать опыты и почти никогда не былъ доволенъ.

— Теперь вы недурно подошли и очень недурно вытащили... Но зачѣмъ вы сопите носомъ, какъ сукинъ сынъ? Надо быть послѣдней сволочью, чтобы на работѣ такъ сопѣть!

Въ результатѣ этихъ уроковъ Васька зналъ всего

Шерлока Холмса и очень недурно сталъ таскать кошельки и часы.

«Доріану Грея» нравились эти уроки и онъ, съ обычной шутливостью, посвящалъ своего ученика въ подробности ремесла. Отъ него Васька узналъ, что на карманную работу лучше всего ходить вдвоемъ; одинъ тащить, другой вещи уносить, что для чистоты работы надо «точить пальцы», развивая осязаніе, что красть всего безопаснѣе въ толпѣ и суетѣ: на вокзалѣ, въ церкви, въ большихъ магазинахъ, на почтѣ, въ театрѣ.

— Въ театрѣ всего лучше работать послѣ спектакля, молодой человѣкъ, когда люди толпятся у вѣшалки. Знаменитый воръ Целендеръ, король карманщиковъ, всегда у вѣшалки «покупалъ» часы, булавки и бумажники... Ударить «нечаянно» котелкомъ въ носъ и извиняется: — «Ахъ, ради Бога, простите, я васъ, кажется, ушибъ. Тысячу извиненій, ваше пенснэ, кажется, упало!»... И пока извиняется и шаркаетъ ножкой — часы уже улетѣли... Целендеръ говорилъ, что красть надо на первыхъ представленіяхъ. Лучше всего — опера или фарсъ, драма хуже... Впрочемъ, что же я распространяюсь... Вы въ театрѣ-то бывали, молодой человѣкъ?

— Нѣтъ, дядя Доріанъ Грей, сроду не былъ.... Въ балаганѣ былъ...

— Какъ же это вы такъ, молодой человѣкъ? Вы уже, можно сказать, женатый и никогда въ театрѣ не были? Отчего бы вамъ не съѣздить въ оперу съ супругой..?

При этихъ урокахъ «Доріана Грея» часто присутствовалъ Игнашка, но онъ былъ противъ того, чтобы изъ Васьки дѣлать карманщика.

— Какой онъ карманщикъ — онъ форточникъ! Посмотри, какой тонкій — прямо въ щель влѣзетъ! И силенка въ рукахъ есть! А карманщикъ изъ него не выйдетъ: онъ лѣзетъ въ карманъ, какъ собака въ воду!..

Но Васька мечталъ именно о карманной работѣ.

Она ему рисовалась веселой, легкой, быстрой. И менѣе всего онъ хотѣлъ быть «форточникомъ». Обворовывать квартиры, забираться въ жилища помѣщенія, гдѣ люди спятъ — казалось такъ страшно и жутко. Ваську брали однажды на эту работу и она показалась ему нестерпимой. На вѣки, навсегда онъ будетъ ее помнить. Темной ночью его заставили влѣзть въ окошко и ощупью ходить по чужой квартирѣ въ полной темнотѣ. Надо было найти кабинетъ и залѣзть въ письменный столъ, но Васька по ошибкѣ забрелъ въ спальню, гдѣ спали мужъ и жена... Это было ужасно — слышать, какъ они дышатъ и какъ похрапываетъ мужъ... А когда подъ Васькой скрипнула половица и сонный женскій голосъ спросилъ: — «Кто тамъ?» Васькѣ показалось, что онъ тутъ же, сію минуту умереть... Такъ страшно заколотилось сердце и задрожали ноги. Полуживой, Васька закутался въ портьеру и притаился, какъ мышь. А когда сейчасъ же вспыхнула электрическая лампочка и молодая женщина въ рубашкѣ тревожными глазами окинула спальню, Васька думалъ, что насталъ его послѣдній часъ.

— Кто тамъ? — еще разъ спросила женщина... — Сережа, ты не слышишь, какъ будто кто-то въ комнату ходить?

Но мужъ недовольнымъ, соннымъ голосомъ проворчалъ:

— Полно тебѣ, Маша, дай спать, пожалуйста!...

Лампочка снова потухла, а Васька, закутанный въ портьеру, стоялъ и самъ себя зажалъ ротъ, чтобы унять прерывистое дыханіе. Это были такія страшныя, такія потрясающія и долгія-долгія минуты! Но когда затѣмъ голоса въ спальнѣ затихли и дыханіе спящихъ опять стало ровнымъ, Васька уже не могъ идти въ кабинетъ. Тихонько, затаивъ духъ, не помня себя, онъ переступалъ босыми ногами по мягкому ковру и еле добрался до открытаго окна. Онъ не помнилъ, какъ вылѣзъ на

улицу. Но когда, наконецъ, выльзъ, сердце у него колотилось мучительно, въ ушахъ звенѣло и стало такъ тошно, что его тутъ же вырвало...

XV.

Когда Васька въ первый разъ получилъ позволеніе выйти въ городъ, Игнашка и «Доріанъ Грей» преподали ему подробное наставленіе, какъ себя вести, чтобы «не засыпаться».

— Въ типографію, гдѣ ты ночевалъ прежде, — вразумлялъ Игнашка, — ходить и не думай! И съ хлопцами прежними не водись!... А когда случаемъ съ кѣмъ встрѣтишься, такъ говори мальчикамъ, что ты теперь... (Игнашка немножко подумалъ) говори, что ты теперь въ коммерческомъ банкѣ служишь, разсылнымъ мальчикомъ... Жалованье — 25 рублей, на своихъ харчахъ...

— Только, пожалуйста, не говори, что ты — директоръ банка! — ввернулъ «Доріанъ Грей».

— Не мѣшай! — остановилъ его Игнашка и въ серьезномъ тонѣ продолжалъ:

— И фамилія твоя теперь не Шаловаловъ будетъ, а скажемъ...

— Пѣшедраловъ! — ввернулъ веселый «Доріанъ Грей».

— Не мѣшай, пожалуйста... Фамилію надо смирную, попроще... Ну, скажемъ... Петрученко...

— Петрученко похоже на Бойстрюченко... — все не унимался «Доріанъ Грей».

Игнашка, наконецъ, вспылилъ и выругался.

— Да ну тебя къ... — Петрученко будешь, какъ я сказалъ... — твердо повторилъ онъ Васькѣ. — Какъ? Повтори!

— Василь Петрученко, — повторилъ Васька.

— Такъ... Петрученко... Служишь въ коммерческомъ банкѣ... жалованье — 25 рублей... — Въ какомъ банкѣ служишь? Повтори!

— Въ коммерческомъ... Жалованья 25 рублей...

— Такъ... И еще : если увидишь на улицѣ скандалъ , или драку — не путайся , а то еще въ участокъ попадешь... Держи себя смирно, чтобъ никто и не слышалъ про тебя... Въ карты будешь играть съ мальчиками — набыю морду. Пьяный напьешься — набыю морду. Однимъ словомъ, чтобъ тише воды, ниже травы!... Понялъ?

— Понялъ.

— И когда будутъ спрашивать, гдѣ живешь — говори : на Рыбной улицѣ, домъ Карасика, квартира Леща... Что хочешь говори, только мой адресъ не смѣй называть. А назовешь — набыю морду. — Понялъ?

— Понялъ.

— Ну, повтори все сначала. — Кто ты такой? Какъ звать?

— Василь Петрученко... Служу въ коммерческомъ банкѣ... Жалованья 25 рублей, на своихъ харчахъ...

— Гдѣ живешь?

Васька дернулъ носомъ и хитро улыбнулся.

— Гы... гы... На Рыбной улицѣ, домъ Карасика, квартира Леща...

— Такъ... Все вѣрно... Ну , ступай, погуляй въ городѣ!...

Когда Васька былъ уже на порогѣ, «Доріанъ Грей» кинулъ ему вдогонку:

— И по трактирамъ не шляйся... А если захочется въ трактиръ зайти, такъ приходи лучше всего въ «Золотой Якорь» — тамъ и мы всѣ будемъ...

При этихъ словахъ Игнашка укорительно посмотрѣлъ на своего компаньона, но «Доріанъ Грей» только улыбнулся.

— А почему нѣтъ?

Въ новомъ костюмѣ и въ новой шляпѣ, при галстухѣ и при часахъ, Васька былъ такъ ослѣпительнъ, что съ трудомъ вѣрилъ собственнымъ глазамъ.

— Всѣ будутъ думать, что купеческій сынъ... — говорилъ онъ, проходя мимо оконъ магазиновъ и видя въ нихъ собственное отраженіе.

Быль августъ мѣсяцъ. Нарядный, прелестный Кіевъ нѣжился въ золотыхъ лучахъ осенняго солнца. Огнемъ горѣли купола Владимірскаго собора и въ истомѣ раскинулись городскіе парки и сады. Пахло цвѣтами и созрѣвшими фруктами. Разодѣтая толпа тянулась къ Купеческому саду, гдѣ уже плакали скрипки симфоническаго концерта, и на улицѣ попадалось до странности много красивыхъ дамъ и дѣвушекъ. Казалось, всѣ кіевлянки были красавицы и еще казалось, что это онѣ, ихъ жемчужный смѣхъ и ихъ молодыя лица, наполняютъ весь городъ радостью жизни и виномъ юности.

Васька тоже почувствовалъ на себѣ эту волшебную власть прекраснаго города и нарядной толпы.

— А хорошо какъ въ Кіевѣ! — подумалъ онъ. И безотчетно, самъ не зная почему, Васька вспомнилъ маленькую цвѣточницу Женьку.

— А гдѣ она теперь?

Но на Крещатикѣ ея не было. Не было и на Фундуклеевской, гдѣ она всегда продавала цвѣты. Васька узнавалъ на улицахъ своихъ товарищей-газетчиковъ, но они его не узнавали. Это его очень смѣшило, но помня показъ Игнашки, онъ держалъ себя, какъ «купеческій сынъ», и въ разговоры не пускался.

Соскучившись, однако, въ одиночествѣ, Васька вспомнилъ, что въ карманѣ у него лежитъ десять рублей и очень смѣло зашелъ въ кофейню и усѣлся на террасѣ за мраморнымъ столикомъ.

— Дайте мнѣ, пожалуйста, кофею съ булками!..

— Со сладкими булочками?

— Со всякими...

Лакей пожалъ плечами и поставилъ передъ Васькой корзинку съ булками и стаканъ кофе съ битыми сливками. Эти сливки, нѣжной пѣной поднимавшіеся въ стаканѣ, точно шапка, смущали Ваську — онъ никогда такого кофе не пилъ. Но оглядѣвшись, онъ увидѣлъ, какъ управляется съ такимъ же стаканомъ элегантная дама — сосѣдка и быстро понялъ, въ чемъ тутъ дѣло. Васкѣ совсѣмъ не хотѣлось ѣсть, но кофе показалось ему такимъ замѣчательно вкуснымъ, что онъ выпилъ его съ жадностью и не замѣтилъ, какъ съѣлъ шесть булокъ. Онъ съѣлъ бы и больше, но элегантная сосѣдка, все время смотрѣвшая на него веселыми, смѣющимися глазами, вдругъ прыснула и Васька понялъ, что это надъ нимъ.

— Смѣется, стерва!..

Это испортило настроеніе и, зардѣвшись, Васька торопливо расплатился и почти убѣжалъ изъ кофейни. Но на улицѣ было такъ оживленно и такъ весело, что дурное впечатлѣніе скоро прошло и въ душѣ опять зазвенѣла безотчетная дѣтская радость. Хотѣлось пѣть и хотѣлось сдѣлать что-нибудь необыкновенное.

— Поѣду немножко на извозчикѣ! — неожиданно рѣшилъ Васька. — Извозчикъ! Подавай!

— Куда прикажете?

— На Владимірскую горку!

Васкѣ было очень странно и очень лестно, что извозчикъ сказалъ «куда прикажете?». Такъ еще никто и никогда Васкѣ не говорилъ. Но, оглядѣвъ свой костюмъ и свои новыя ботинки, онъ сообразилъ, что извозчикъ по платю встрѣчаетъ.

— Думаетъ, что купеческій сынъ!...

На Владимірской горкѣ Васька съѣлъ четыре порціи шоколаднаго и клубничнаго мороженнаго.

— Вотъ бы теперь, если бы Женька была — угоstilъ бы и ее! — подумалось ему. Но Женьки не было, она точно въ воду канула и Васкѣ стало грустно. Без-

отчетно онъ вспомнилъ о началѣ своей самостоятельной жизни.

— Какъ странно!.. Вотъ здѣсь , на этой же Владимірской горкѣ, вотъ въ этомъ зеленомъ газонѣ, онъ лежалъ на животѣ, весь исполосованный отцовскимъ «шпандыремъ». Тогда онъ былъ безъ шапки , босой, и, пропитавшіеся кровью, штаны мучительно прилипали къ истерзанному тѣлу. И сторожъ гналъ его съ травы, какъ паршивую собаку... Вонъ и сторожъ тотъ самый идетъ съ трубкой въ зубахъ... А теперь и сторожъ, и мороженщикъ навѣрное думаютъ, что Васька — «купецкій сынъ», и что онъ каждый день ѣстъ по четыре порціи мороженного...

Уже зашло солнце, когда Васька , не зная , куда себя дѣвать и соскучившись въ одиночествѣ, забрелъ въ «Золотой Якорь».

Это былъ третьестепенный трактиръ съ грязной, гдѣ любили собираться кіевскіе воры и ихъ «шмары» и гдѣ, однако, кормили не только хорошо, но велоколѣпно (воры щедро платятъ, но и требуютъ строго).

За большимъ столомъ, нарядно накрытымъ, Васька увидѣлъ всю воровскую аристократію, которая въ этотъ день привѣтствовала обѣдомъ короля карманныхъ воровъ, Целендера, только что отбывшаго въ Москвѣ двух-годовичное тюремное заключеніе. Здѣсь былъ и Игнашка, и «Доріанъ Грей», и толстый «ломовой извозчикъ», съ которымъ Васька ходилъ на «первое дѣло», и еще человѣкъ десять мужчинъ и дамъ. Всѣ были одѣты съ иголки, какъ очень богатые господа, а дамы были одна другой красивѣе и на ихъ обнаженныхъ рукахъ и шеяхъ сверкало золото и дорогіе камни. Только Игнашка, въ своемъ рыжемъ пиджакѣ и соломенной шляпѣ, казался переодѣтымъ дачнымъ воромъ, затесавшимся не въ свою компанію.

Въ центрѣ стола сидѣлъ изящный брюнетъ съ холмою черной бородой и съ матовымъ усталымъ лицомъ. По наружности его можно было принять за моднаго про-

фессора. Всѣ глаза и всѣ руки съ бокалами тянулись къ нему и казалось, что всѣ эти нарядныя полногрудыя дамы влюблены въ него и не могутъ наглядѣться.

Это и былъ «король» Целендеръ. Онъ принималъ всѣ поздравленія и всѣ улыбки съ усталымъ видомъ путешественника, только что возвратившагося изъ кругосвѣтнаго плаванія, и протягивалъ друзьямъ свои изумительныя, замѣчательной красоты, «композиторскія» руки...

Васька никогда не видалъ вблизи такого элегантнаго общества и даже оробѣлъ и хотѣлъ было обратиться въ бѣгство. Но торжественный обѣдъ, видимо, уже кончился. «Король» поднялся съ мѣста и, перецѣловавъ ручки дамамъ, раскланивался съ мужчинами. Затѣмъ, взявъ подъ руку замѣчательно красивую женщину, залитую брилліантами и всю взволнованную и радостную, онъ направился къ выходу и на ходу, какъ артистъ, которому устраиваютъ овацію, разсылалъ во всѣ стороны воздушныя поцѣлуи. И мужчины и женщины провожали его до самого автомобиля.

Когда затѣмъ все общество снова вернулось въ залъ, Васька замѣтилъ, что «Доріанъ Грей» все увивается за какой-то полуголой статной барыней и очень безцеремонно обнимаетъ ее на ходу за талію. Васька не вѣрилъ своимъ глазамъ, онъ не могъ даже и представить себѣ, что такую «княгиню» можно при всѣхъ обнимать. Но онъ не повѣрилъ и своимъ ушамъ, когда проходя мимо него, «княгиня» улыбнулась «Доріану Грею» и шутливо выругалась матерно:

— Или брошка, или ступай къ...

«Доріанъ Грей» не хотѣлъ или не могъ пойти на это условіе и «княгиня» уѣхала одна, а ея незадачливый кавалеръ, печальный и одинокій, сѣлъ въ уголъ и спросилъ бутылку вина.

Постепенно все общество стало таять и въ трактирѣ осталось лишь нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Игнашка и «Доріанъ Грей».

Только теперь лакеи обратили, наконецъ, вниманіе на Ваську и подали ему карточку кушаній.

Весь зардѣвшись, Васька долго смотрѣлъ въ эту карту и наугадъ ткнулъ пальцемъ въ первое попавшееся кушанье.

— Вотъ этого...

— Бефъ Строгановъ?

— Да, да, этого самага...

Отъ смущенія, Васька очень хотѣлъ было подойти къ «Доріану Грею» и уже поднялся было съ мѣста, какъ замѣтилъ, что въ трактиръ вошли новые поѣтители — мальчикъ и дѣвочка. Васька вглядѣлся въ нихъ и такъ и замеръ на мѣстѣ. Это были Ванька прачкинъ и Женька-цвѣточница. Но въ какомъ неузнаваемомъ видѣ! Ванька былъ одѣтъ еще наряднѣе Васьки, а у Женьки было ярко накрашены щеки и былъ на ней матросскій костюмъ, новые сапожки и шляпа соломенная.

Вошедшіе не узнали Ваську и сѣли за столикъ рядомъ, но Васька подошелъ къ нимъ и молча, въ упоръ посмотрѣлъ.

— О, Васька! Откуда!..

— Господи, да это-жъ Васька!..

— Гдѣ ты пропадалъ, Васька? А я зашелъ съ твоей сестрой покушать...

Ванька былъ смущенъ до послѣдней степени и лепеталъ вздоръ. Каждую минуту онъ ожидалъ пощечины, такъ какъ считалъ Женьку Васькиной сестрой. Подъ предлогомъ заказать кушаніе, онъ сію же минуту улетучился и больше не появился. А Васька, изумленный, точно непонимающій, все смотрѣлъ на Женьку и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Ты, Женька?

— Я, Васенька...

Въ голосъ Женьки ясно зазвенѣли слезы.

— Гулять стала?

— Я, Васенька, не виноватая... Накажи меня Богъ, Васенька...

— И морду даже покрасила?..

— Такъ, Васенька-жъ... Я-жъ... Накажи меня Богъ, Васенька... Я тебѣ все скажу... ты, Васенька...

Что-то — темное, горькое, тяжкое навалилось на душу Васьки. У него даже губа нижняя задрожала.

— Давно?

— Такъ, Васенька, голубчикъ... ты-жъ пропалъ... Я тебя такъ искала... Такъ долго искала... А эти звездницы... онѣ меня обпоили... дурманомъ какимъ-то обпоили... И продали...

— Кому?...

— Лакей губернатора меня купилъ, Васенька... И насильничалъ меня сонную... А я, Васенька, накажи меня Богъ, Васенька, даже не знала... Утромъ проснулася и смотрю: что такое? Я вся въ крови и рядомъ мужчина какой-то лысый спитъ. Я какъ закричу, Васенька... И теперь всѣ дѣвки на улицѣ меня «Женька-губернаторша» называютъ... А я, Васенька, развѣ-жъ я хотѣла? Я тебя такъ искала, такъ долго искала, Васенька...

Женька уже давно плакала и, захлебываясь своими слезами, все торопилась рассказать, объяснить, договорить до конца.

У Васьки въ глазахъ тоже стояли слезы и нижняя губа все еще дрожала.

— Бефъ-Строгановъ! — дѣловымъ тономъ объявилъ лакей и поставилъ на столъ дымящееся блюдо...

XVI.

Недѣли двѣ Васька былъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ своей неожиданной встрѣчи съ Женькой.

Онъ не могъ забыть ея накрашенныхъ щекъ и ея коротенькаго рассказа обо всемъ, что съ ней случилось. —

«Утромъ проснулась и смотрю, что такое? Я вся въ крови и рядомъ мужична лысый спить...»

Эти слова Женьки гвоздемъ зашли въ Васькиной головѣ, и новое, непонятное и волнующее чувство поднялось въ его душѣ. Когда онъ видѣлъ накрашенные щеки дѣвочки, ему было противно и хотѣлось уйти, убѣжать и навсегда отвернуться отъ нея. Но когда онъ вспоминалъ ея большіе, такіе прелестные, сѣрые глаза, въ которыхъ дрожали дѣтскія слезы, ему было такъ жалко ее, что хотѣлось плакать вмѣстѣ.

Нѣсколько разъ Васька видѣлся съ Женькой и говорилъ ей:

— Хочешь, я найму комнату и будемъ жить вмѣстѣ? У меня двѣсти рублей есть. Хочешь? Скажемъ хозяйкѣ, что мы — братъ и сестра, что мы безъ отца, безъ матери. Идетъ? Можно такую комнату найти, что и паспорта не спросять...

Но, къ удивленію Васьки, Женька всякій разъ точно убѣгала отъ этой мысли. Она краснѣла, смущалась и видимымъ образомъ пряталась въ какую-то скорлупу, точно улитка въ раковину.

Это и въ самомъ дѣлѣ было странно. Эти дѣти улицы уже были не дѣти. Оба уже жили половой жизнью, и маленькая Женька уже прошла черезъ десятки мужчинъ, или «пассажировъ», какъ она называла ихъ по уличному. Но она даже и представить себѣ не могла, чтобы на мѣстѣ «пассажира» былъ Васька. — Лучше умереть! Весь свой дѣтскій стыдъ, всю чистоту своего дѣтскаго цѣломудрія она сохранила только для Васьки. «Пассажиры» оттучили ее отъ стыда передъ ними, и когда ее раздѣвали мужскіе руки, она стояла, какъ деревянная. Но она и подумать не могла, чтобы жить въ одной комнатѣ съ Васькой.

Не думалъ о «гадостяхъ» и Васька, когда предлагалъ Женькѣ поселиться вмѣстѣ. Между этимъ маленькимъ карманнымъ воромъ и этой маленькой уличной прости-

туткой не было даже намека на чувственность. Ни разу онъ не взялъ ее за руку. Ни разу не пришла ему мысль — поцѣловать ее. Тамъ, въ Игнашкиной кухнѣ, въ душныхъ объятіяхъ жирной Катки, Васька уже не былъ ребенкомъ. Но рядомъ съ Женькой онъ еще былъ мальчишкой своего возраста — застенчивымъ, очень стыдливымъ, двѣнадцатилѣтнимъ.

О «пассажирахъ» своей подружки Васька думалъ безъ малѣйшей ревности. Они всѣ сливались для него въ одно лицо которое казалось какъ бы нереальнымъ. Они приходили и уходили. Всѣ бездомныя дѣвочки, торгующія на улицахъ цвѣтами, обыкновенно этимъ кончаютъ. Кончила этимъ и Женька. — Что-жъ дѣлать?

Въ сущности, Женькины «пассажиры» ничѣмъ не отличались отъ Васькиныхъ «пассажировъ», у которыхъ онъ таскалъ кошельки. И тамъ и здѣсь былъ карманъ и въ карманѣ были деньги. Только дѣвочки иначе, по другому, находятъ доступъ къ этому карману, чѣмъ мальчики. Вотъ и все.

И оттого о «пассажирахъ» Васька и говорилъ и думалъ беззлобно, почти такъ же, какъ о пробѣгающихъ по улицъ собакахъ. Но зато, когда онъ вспоминалъ Ваньку прачкинаго и всѣ подробности своей печальной встрѣчи съ нимъ въ «Золотомъ Якорѣ», — брови Васьки всегда хмурились и въ глубинѣ души онъ твердо рѣшилъ:

— Гдѣ ни встрѣчу — набью морду!

О Ванькѣ Васька даже спрашивалъ обинякомъ у Женьки и очень облегченно вздохнулъ, когда узналъ, что между ними ничего не было.

— А все-таки морду набить надо! — безноворотно опредѣлил Васька. — Присосѣдиться хочеть, сволочь!.. Я тебѣ такихъ фонарей наставлю, что изъ тебя дымъ поидеть!..

Но Ванька, точно чуя, что его ждетъ, ни разу не попался на глаза Васькѣ, и ревность, лишенная виѣшнихъ раздраженій, сама собой погасла, какъ догорѣвшій ко-

стеръ. И оставалось только смутное, дѣтское, неопредѣленное и радостное чувство къ этой маленькой сѣроглазой дѣвочкѣ, тоненькой и стройной, какъ былинка.

Засыпая, Васька часто думалъ о Женкѣ и всегда улыбался.

— Вотъ смѣшная!.. Страсть, какая смѣшная!.. И совсѣмъ еще дурочка!..

XVII.

Нѣсколько разъ Васька былъ у Женки на квартирѣ въ качествѣ ея брата.

Женька жила въ трущобной части города, въ маленькой подвальной квартиркѣ, принадлежавшей ея хозяйкѣ. — Это была старая, растерявшая кліентуру, проститутка, уже перешедшая на сводничество.

Въ мірѣ сутенеровъ и уличныхъ жепщицъ Женкина хозяйка была извѣстна подъ странной кличкой. Ее звали по уличному — «Мандаримонда», хотя никто не могъ объяснить, что собственно значило это удивительное названіе. Настоящее же имя ея было Прасковья Семиткина. Но это «крещенное» имя она и сама давно забыла.

«Мандаримондѣ» было уже за пятьдесятъ лѣтъ. Она сильно кашляла, была худа какъ палка, любила выпить, и, выходя по вечерамъ на улицу, безобразно бѣлилась и подкладывала, въ видѣ грудей, два мохнатыхъ полотенца, искусно сложенныхъ. Но домой она почти всегда возвращалась безъ «пассажировъ» и, вынимая потомъ свои полотенца, грустно, со слезами въ голосѣ, говорила сама себѣ:

— Кто тебя, такую холеру, возьметъ?

Но, потерявъ спросъ на собственное тѣло, «Мандаримонда» стала торговать чужими тѣлами и преимущественно дѣтскими. У нея была крошечная квартира въ двѣ комнаты съ кухней и въ этой квартирѣ всегда жили двѣ-три уличныя дѣвочки изъ самыхъ бездомныхъ. Когда къ дѣ-

вочкѣ приходилъ «пассажиръ», «Мандаримонда» съ другой дѣвочкой тихо сидѣли въ сосѣдней комнатѣ. Когда же приходило сразу два «пассажира», и обѣ дѣвочки были заняты, «Мандаримонда» вязала въ кухнѣ чулки.

По натурѣ «Мандаримонда» была женщина не злая и къ «дѣвчатамъ» своимъ относилась заботливо и не безъ доброты. Она ихъ очень хорошо кормила, не плохо одѣвала, но почти всѣ ихъ заработки, конечно, постуцали въ ея пользу.

Когда Васька въ первый разъ пришелъ къ Женкѣ, онъ былъ удивленъ опрятностью ея маленькой комнаты. Весь уголъ этой комнаты былъ уставленъ большими, стараго письма, иконами, передъ которыми тихо мерцала синяя лампадка. Полъ былъ только что вымытъ, кровать была чистенькая и на кровати сидѣла въ матросской рубашечкѣ Женька и дѣлала маникюръ, полируя замшевой подушечкой свои дѣтскія руки.

Было часа три дня и Женька была одна въ комнатѣ.

— Васька? Ты? Пришелъ?

Женька такъ и засіяла вся, увидѣвши наряднаго Ваську въ его новомъ костюмѣ, съ новой шляпой въ рукѣ.

Она бросила въ корзинку замшевую подушечку.

— Это ты тутъ и живешь въ этой комнатѣ?

— Я и дѣвочка Зоська... Я на кровати сплю, а Зоська на диванчикѣ... Ты знаешь, Васька, Зоську: она тоже цѣвѣточница была и тоже въ «макулатурѣ» прежде ночевала?

— Знаю... Такая паршивенькая была...

— Нѣтъ, отчего-жъ она паршивенькая?.. Она славенькая, все съ Ванькой путалась, она... Помнишь? Хорошая дѣвочка, только водку любить пить.

— А ты?

— А я, Васька, ненавижу водку... Очень противная.. Лучше-бъ меня по мордѣ били, чѣмъ водку заставляли пить...

— А заставляютъ?

— Когда какъ... Если въ ресторанъ берутъ, такъ заставляютъ...

— И была ты уже пьяная?

Женька потупилась.

— Два раза была, Васька... Одинъ разъ очень крѣпко...

Разговоръ оборвался.

Женькѣ было непріятно сознаться передъ Васькой и она застѣнчиво потупилась. Но такъ какъ Женька была большая болтушка и любила много и быстро говорить, то черезъ минуту она уже щебетала о другомъ.

— А у насъ, Васька, на Крещатикѣ, у одной дѣвочки «фисились» сдѣлался... Въ больницу ее уже отвезли. Такая есть болѣзнь — «фисились» называется... Отъ мужчинъ она бываетъ...

— Я знаю...

— А неужели, Васька, это правда, что у тебя 200 рублей денегъ есть?

— Правда...

— Охъ, какой же ты богатый, Васька!... Страсть, сколько денегъ! А у меня только рубль одинъ есть...

— Можетъ, тебѣ надо денегъ?

— Нѣтъ, Васька, зачѣмъ? У меня все есть... Я теперь богатая... — А откуда же, Васька, ты столько денегъ досталъ — заработалъ на должности?

Васькѣ былъ непріятенъ этотъ вопросъ. Онъ все еще не сказалъ Женькѣ, чѣмъ онъ занимается, хотя и не было больше резоновъ таиться отъ нея.

— Я тебѣ когда-нибудь послѣ скажу, какъ я зарабатываю...

— А отчего, Васька, не сейчасъ? Ты скажи, Васька, не бойся... Можетъ ты, Васька, какъ Ванька прачкинъ, съ ворами связался?

Васька угрюмо кивнулъ головой.

— Ну да... А ты и не знала?..

— Ой, Васька, какъ страшно!..

Женька всплеснула даже руками. — А ну, какъ тебя поймають городовые и въ полицію?

— Не бойсь, не поймають...

— Отчего не поймають? Навѣрное поймають!.. — Охъ, Васька, какъ я теперь буду бояться!.. Все время буду бяться!..

— Ты еще дурочка, Женька.

— Отчего — дурочка? Развѣ-жъ я не понимаю? Охъ, Васька, какъ это странно, Господи, какъ страшно!.. Подумать только, Васька, какъ тебя хватають городовые и потомъ въ полицію!.. Господи, я теперь всю ночь не засну... А ты, Васенька, лучше брось это, голубчикъ... Это такъ нехорошо... такъ погано... Право, ей-Богу... Брось это, голубчикъ... Подумай, у тебя теперь столько денегъ — 200 рублей!.. Зачѣмъ тебѣ еще? Вотъ бы и бросить теперь, чтобы не поймали...

Но разговоръ опять оборвался.

Въ комнату вошла Женькина хозяйка и за ней дѣвочка Зоська, бѣлобрысая, некрасивая, съ явно обозначившимися уже грудями.

Хозяйка встрѣтила Ваську чрезвычайно радушно.

— Ну, скажите, пожалуйста, у нея гость сидитъ, а она и не скажетъ! — Здравствуй, мальчикъ, здравствуй, голубчикъ! Ты братъ Женькинъ? Знаю, знаю, она мнѣ говорила.

Хозяйка протянула Васькѣ худую руку съ желтыми, сильно закуренными пальцами и сейчасъ же заторопила по части угощенія.

— Зосичка-дѣточка, свари намъ кофею поскорѣе, надо-же гостя напоить!..

Васька только теперь поднялъ глаза на эту женщину. Ея сѣдѣющіе жалкіе волосы были въ напильоткахъ, во рту дымилась папираса и подъ запухшими глазами висѣли мѣшки. Все лицо ея было желтое, нездоровое, какія бываютъ у привычныхъ пьяницъ и у долголѣтнихъ

курильщиковъ, страдающихъ сердцемъ. Голосъ у хозяйки былъ хриплый, бронхитный.

— Вотъ и хорошо, мальчикъ-голубчикъ, что ты зашелъ, тебя какъ звать? Васенька? Вотъ и хорошо, я говорю, Васенька, что ты самъ пришелъ... Можешь теперь своими глазами посмотрѣть, какъ твоя сестричка у меня живетъ.

Хозяйка говорила съ той приторной ласковостью, какая встрѣчается только у малороссіянокъ. Слова «голубчикъ», «голубонька», «сердце мое», «дѣточка» такъ и летѣли съ ея устъ.

— Про меня люди говорятъ, что «Мандаримонда» — вѣдьма, а ты сестричку свою спроси, какая я вѣдьма... У другихъ людей дѣвчонокъ работой морять, а мои больше въ куклы играютъ... И нехай играютъ, — развѣ я запрещаю? Когда-жъ и погулять дѣтямъ, какъ не теперь, пока маленькія... Да, Господи, развѣ я сама не была маленькой? Развѣ не понимаю?

Хозяйка была изъ тѣхъ женщинъ, которыя умѣютъ говорить, но совершенно не умѣютъ слушать.

— И спроси ее, нехай она тебѣ сама скажетъ, что она ѣстъ у меня. Каждый день обѣдъ варю изъ трехъ блюдъ: борщъ бываетъ, котлеты съ макаронами, кисель съ молокомъ... А по воскресеніямъ и мясо-филей дѣлается и пирожки... Ты самъ у нея спроси... Развѣ-жъ она такая была, когда ко мнѣ пришла? Господи! Жалко смотрѣть было на дѣвчонку, прямо у мене сердце болѣло, когда я ее видѣла: босая, оборванная, въ головѣ — воши, рубашонка драная, грязная, и все тѣло въ синякахъ... А теперь ты видишь — барышня сидитъ, генеральская дочка!.. Матросская рубашечка на ней, ботиночки на пуговичкахъ, вся чистенькая, бѣленькая — прямо какъ дворяночка какая... — А бѣлье ея посмотри, а одежду... Вотъ смотри, смотри самъ, вотъ комодъ съ бѣльемъ стоитъ. Верхній ящикъ Женичкинъ, а нижній ящикъ Зосичкинъ. Видишь? Вотъ четыре рубашки Женичкины, панталон-

чики, чулочки, видишь? Развѣ-жъ она сроду когда такъ одѣвалась, такъ кушала? Развѣ за ней такъ ходили? Да, Господи, да я сама и не досплю и не доѣмъ, а дѣточекъ пожалѣю... У мене онѣ, какъ у матери родной живутъ...

Принесли кофе — горячій, вкусный, съ чудесными сливками, съ теплыми поджаристыми бубликами.

Дѣти ѣли и пили, а хозяйка все говорила, говорила. И казалось, что рѣчь ея не имѣетъ ни конца, ни начала. Тряслись на головѣ папильотки, дымила папироса и безъ удержи лились слова.

— Кто правду любить, тотъ и самъ скажетъ, что у меня «дѣвчачки» живутъ, какъ у Христа за пазухой. Развѣ-жъ лучше было, когда Женья въ типографіи въ ящикахъ спала? А Зосичка развѣ-жъ не ночевала на вокзалахъ, въ нужникѣ, всю зиму? А мало Зосичка отъ котовъ муки приняла? Мало ее били? Да, Господи, куда-жъ такимъ маленькимъ дѣвчушкамъ съ котами хорооводиться? Развѣ долго ножикомъ подъ бокъ получить? Развѣ котъ имѣетъ жалость, развѣ онѣ съ понятіемъ? Всякая сволочь, прости Господи, всякая послѣдняя паскуда бьетъ, мучить, тиранствуетъ. А у мене? Спроси самъ у Женички, ударилъ ее кто-нибудь хоть пальцемъ? Да я глаза за нихъ выдеру! У меня коты въ струнѣ ходятъ. .. Я одному коту голову пробила...

Часа два слушалъ Васька эту музыку и все молчалъ. Онѣ помнилъ, очень помнилъ, что это вотъ здѣсь, на этой кровати, Женька проснулась вся въ крови, рядомъ съ лысымъ лакеемъ губернатора... Но Васька молчалъ. А хозяйка, словно поощряемая этимъ молчаніемъ, все изливалась, какъ соловей. Дымила папироска, прыгали на головѣ папильотки и лились, лились слова безъ начала и безъ конца...

XVIII.

Васька не совсѣмъ понималъ, почему Женька не хотѣла жить съ нимъ вмѣстѣ, въ одной комнатѣ. Но такъ какъ въ этомъ случаѣ (и только въ этомъ) Женька была удивительно упорна и проявляла свою волю, то Васька не настаивалъ и остался на своей старой квартирѣ у Игнашки.

Его пакостныя отношенія съ Каткой продолжались, хотя и было въ нихъ теперь что-то новое. Часто, чтобы избѣжать почныхъ посѣщеній «толстомордой», Васька бралъ челнокъ, переѣзжалъ на ту сторону Днѣпра и ночевалъ у Игнашки въ купальнѣ. Въ тѣ дни, когда Васька видѣлся съ Жепькой, онъ особенно избѣгалъ всякаго прикосновенія къ Каткѣ и даже не заходилъ домой обѣдать, а прямо ѣхалъ въ купальню и болтался тамъ до слѣдующаго утра.

Игнашка замѣтилъ эту перемѣну въ Васыкѣ и только ухмылялся въ усы.

— Что, братъ, надоѣло коту сало? То-то... Не надо было связываться съ косою блямбой!

Васька обыкновенно не отвѣчалъ на такія замѣчанія Игнашки, но онъ и самъ чувствовалъ въ себѣ какую-то перемѣну. Часто съ грустью онъ смотрѣлъ на мальчиковъ-однолѣтокъ и тоска по какой-то другой жизни щемила ему сердце. Завидно было видѣть, какъ мальчишки съ ранцами за плечами идутъ изъ школы. Хотѣлось играть съ ними въ лапту, очень хотѣлось ловить съ ними рыбу на Днѣпрѣ и до смерти, больше всего на свѣтѣ, хотѣлось пѣть въ церковномъ хорѣ Софіевского собора. Васька зналъ, что регентъ этого хора ищетъ его, что во всемъ хорѣ у Васыки былъ лучшій альтъ. Но онъ боялся пѣть, потому что именно въ Софіевскій соборъ ходилъ его отецъ съ матерью, которые сейчасъ же по голосу узнали бы сына.

При томъ же, Васька былъ очень занятъ по своей профессіи. Его часто посылали на предварительныя развѣдки: осмотрѣть расположеніе «намѣченного» двора, лѣстницъ, чердака, узнать, въ какой трактиръ ходятъ швейцары и дворники и много ли пьютъ. Кромѣ того, Васька очень часто ходилъ на карманную «работу» вмѣстѣ съ Катькой. Это была работа легкая и очень прибыльная, потому что Катька придумала новый трюкъ, имѣвшій большой успѣхъ въ переполненныхъ трамваяхъ и особенно въ дачныхъ поѣздахъ. Этотъ новый способъ Катька называла довольно живописно: «работа на скоромное». Онъ состоялъ въ томъ, что Катька смывала со своего лица все проституціонное и являлась подъ видомъ хорошенькой, свѣжей, скромной мѣщанки, которая затѣваетъ дорожный флиртъ съ приличными старичками. Въ толпѣ и въ давкѣ Катька такъ близко прижималась къ этимъ «солиднымъ» отцамъ семействъ и такъ много позволяла и себѣ и имъ, что старички окрылялись самыми несбыточными надеждами и совершенно обалдѣвали. А Васька въ это время ревизовалъ ихъ карманы съ такой простотой, что часто, вытащивъ бумажникъ, успѣвалъ еще «купить» и часы.

Въ этой «работѣ» Катька была положительно неподражаема. Она такъ хорошо притворялась «темпераментной простушкой» и была такъ находчива, такъ смѣла и дерзка, что Васька не могъ не цѣнить ея сотрудничества. И, однако, видъ «работы» Васька по прежнему испытывалъ къ ней мучительное отвращеніе, даже гадливость и все больше и больше уклонялся отъ ея «любви».

Съ своей стороны, Катька тоже замѣтила это явное охлажденіе и, какъ женщина, объяснила его по своему:

— Завелъ, сукинъ сынъ, новую шмару!..

Это странно сказать, но Катька стала даже ревновать Ваську. Занимаясь профессионально проституціей и имѣя двухъ постоянныхъ любовниковъ — трамвайнаго кондуктора и акробата изъ цирка — она все-таки, по настоящему, жестоко ревновала этого маленькаго, двѣ-

надцатилѣтняго мальчика. Такъ сильно говорить въ женщинахъ чувство собственности!

Тайно отъ Васьки, чуть не каждый день, Катька пересчитывала его деньги, спрятанныя въ корзинѣ, и все поражалась, что деньги были цѣлы.

— Если новая шмара, такъ что-жъ она не беретъ съ него денегъ? Или, можетъ быть, любовь крутить?

Часто по утрамъ Катька неожиданно являлась въ купальню Игнашки, чтобы дознаться, гдѣ ночевалъ Васька и не приходилъ ли къ нему кто-нибудь. Но все было напрасно, Васька былъ безупреченъ.

И однако же, Катька женскимъ чутьемъ своимъ не только догадывалась, но безошибочно знала, что «тутъ что-то есть».

И, въ концѣ концовъ, она дозналась и дѣло окончилось грандіознымъ скандаломъ.

Какъ-то Васька зазвалъ Женьку въ «Золотой Якорь». Въ этотъ день онъ былъ у нея на квартирѣ и подарилъ ей золотое колечко съ камушкомъ. Но присутствіе словоохотливой «Мандаримонды» такъ надоѣло ему, что онъ позвалъ дѣвочку въ свой излюбленный трактиръ, чтобы угостить ее пожарскими котлетами.

Въ «Золотомъ Якорѣ» была въ это время обычная воровская компанія. Былъ Игнашка, былъ «Доріанъ Грей» былъ изящный и барственный Целендеръ... У взрослыхъ шла большая игра въ карты и они едва ли даже замѣтили появленіе Васьки съ его маленькой дамой.

Дѣти усѣлись въ самомъ дальнемъ уютномъ уголкѣ и, въ ожиданіи котлетъ, тихонько, но очень оживленно бесѣдовали. У Васьки въ этотъ день было какъ-то особенно свѣтло на душѣ. Онъ не могъ забыть, какъ радостно кинулась къ нему навстрѣчу Женька, когда онъ вошелъ въ ея комнатку и какъ безсознательно и безотчетно поцѣловала его. Два раза поцѣловала и не сконфузилась, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ братъ пришелъ.

— Васенька! Родненькій, голубчикъ!

И эти слова, сами собой вырвавшіяся, все звенѣли теперь въ Васькиной душѣ. И казалось ему, что во всемъ Кіевѣ не было такой «славненькой» и такой «смѣшной» дѣвочки, какъ эта Женька въ матросской блузкѣ и въ кругленькой соломенной шляпкѣ.

— А помнишь, Женька, какая ты была смѣшная, когда я тебѣ цвѣты въ саду кралъ?

— Смѣшная, Васька?

— Страсть, смѣшная... Ты всегда смѣшная. Я, когда тебя вспомню, такъ постоянно смѣюсь...

— А помнишь, какъ я тебѣ 10 коп. дала и мы въ обжоркѣ борщъ ѣли?

— Конечно, помню... Ты и тогда такая смѣшная была...

— Смѣшная, Васька?

— Страсть, смѣшная!..

Они оба смѣялись, и свѣтились ихъ глаза, и непонятно-весело и безотчетно радостно было у обоихъ на душѣ.

Подали котлеты и Васька очень заботливо угощала свою даму.

— Ышь, Женька, Ышь какъ слѣдуетъ. Съ хлѣбомъ Ышь!

Но когда котлеты были уже окончены и дѣти принялись за компотъ, въ трактирный залъ вошли новые поѣстители.

Это была Катька и ся акробатъ.

Катька была сильно пьяна и замѣтно пошатывалась, а акробатъ, что называется, не стоялъ на ногахъ. Онъ былъ въ томъ градусѣ опьяненія, который на языкѣ пьяницъ называется «ни папа, ни мама». Такимъ и въ трактирахъ лакеи всегда говорятъ: «вамъ довольно».

Вошедшіе остановились посреди зала и мутными глазами обводили столы, ища свободнаго мѣста.

Васька замѣтилъ, въ какомъ состояніи была Катька, и инстинктивно насторожился.

И не напрасно, потому что едва только мутные глаза

Катьки остановились на юной парочкѣ, какъ на весь залъ раздался ея пьяный хохоть.

— Такъ вотъ оно что!.. Ха-ха-ха! Шмара новая? Ха-ха-ха!.. Двѣ любовницы у такого поросенка!..

Васька не успѣлъ и опомниться, какъ Катька однимъ прыжкомъ очутилась у его стола и на весь залъ раздалось двѣ страшныхъ пощечины. Первую получила Женька, вторую — Васька.

Съ крикомъ ужаса, не помня себя, Женька кинулась къ выходу и исчезла въ темнотѣ ночи.

А Васька весь встрепенулся, весь подобрался и съ какимъ-то подскокомъ, ловко и быстро, залѣпилъ пощечину Катькѣ.

Началась драка...

Васька дрался съ замѣчательнымъ искусствомъ. Въ его коротенькой жизни рѣдкій день обходился безъ этихъ упражненій и теперь въ каждомъ его движеніи, въ каждомъ прыжкѣ, чувствовался большой мастеръ дѣла.

Пощечины, одна за другой, такъ и щелкали на весь трактиръ. Пьяная Катька, поднявъ высоко руки, кидалась всей своей тяжестью на Ваську, но ловкій, какъ обезьяна, мальчикъ увертывался и пощечины — быстрыя, звонкія, молніеносныя — все щелкали и щелкали.

Сбѣжалась прислуга. Оставили карты игроки. Выскочилъ изъ-за стойки лысый хозяинъ.

— Прекратите безобразіе!

Но въ дѣло неожиданно вмѣшался Игнашка. Мощной рукой онъ отшвырнулъ полдюжины лакеевъ.

— Дай додраться! Не мѣшай!..

Хозяинъ протестовалъ и кричалъ что-то о полиціи и протоколѣ, но Игнашка на него цыкнулъ :

— Не мѣшай, тебѣ говорить! Хлѣпецъ шмару свою поучить хочетъ!... — Какая полиція — здѣсь все свои люди!..

Широкой, какъ паромъ, спиной Игнашка загоро-

диль дерущихся и, растопыривъ руки, съ наслаждениємъ считаль удары.

— Шестъ... Семь... Восемь... Девять...

Съ головы Катьки уже давно слетѣла шляпа, волосы были растрепаны и вдоль спины треснула во всю длину блузка. Но не помня себя, съ иѣной у рта, она какъ бѣшенная кидалась на своего противника и пронзительно визжала:

— Убью!.. Убью воренка паршиваго!..

А Васька все увертывался и все щелкаль и щелкаль. **Игнашка** пришелъ въ азартъ и все считаль:

— Десять, одиннадцать, двѣнадцать!..

Вокругъ дерущихся образовалось живое кольцо. Слышался хохотъ, крики, даже свистъ. «Доріанъ Грей» громко апплодироваль и хохоталь на весь залъ.

А Катька уже съ окрававленнымъ носомъ рычала, какъ пьяный звѣрь. Въ воздухѣ летали тарелки, банки съ горчицей и ложки. Горчицная банка сильно ударила Ваську въ лобъ и по лицу его побѣжала кровь. Тарелка рикштомъ задѣла его по зубамъ и окрававила губы.. Но когда Катька схватила со стола ножъ, лакеи и хозяинъ прорвались, наконецъ, сквозь цѣпь зрителей и расшвыряли въ стороны дерущихся.

Окрававленную, пьяную, визжащую, Катьку увели въ дамскую комнату, а хозяинъ съ поднятымъ кулакомъ бросился на Ваську. — Я тебя, собачій сынъ! Но **Игнашка** схватилъ хозяина за руку.

— Не тронь своихъ!..

И ухмыляясь, довольный и счастливый, **Игнашка** протянулъ блѣдному, какъ стѣнка, окрававленному Васькѣ, свою огромную лашу съ растопыренными пальцами:

— Вашу руку, молодой человѣкъ!

XIX.

Послѣдствія этого побоища были самыя неожиданныя и для Васьки весьма ощутительныя. Въ день драки Васька почевалъ въ купальнѣ, но, когда на утро онъ явился въ домъ Игнашки, то замѣтилъ въ своей корзинѣ полный разгромъ. Замокъ былъ вывороченъ, всѣ деньги (больше 200 рублей) пропали и всѣ вещи были изрублены топоромъ и растерзаны въ клочья. Рубашки, бѣлье, костюмъ, желтые ботинки — все было въ кускахъ и безпорядочной кучей было свалено назадъ въ корзину.

Катьки не было, а жена Игнашки, увидѣвши работу сестры, всплеснула руками.

Васька стоялъ надъ своей корзиной, какъ надъ раскрытой могилой дорогого покойника, и тихо плакалъ.

Это было страшное несчастье: столько трудовъ, столько опасностей, столько невыносимыхъ мученій было потрачено, чтобы пріобрѣсти эту корзину. И вотъ, въ одну ночь, все точно на пожарѣ сгорѣло. Игнашка былъ внѣ себя, когда узналъ о событіи.

— Когда это у меня въ хатѣ бывало, чтобъ деньги крали?.. Живъ не буду, а искалѣчу твою Катьку! — кричалъ онъ женѣ.

Но Катьки не было. Не оставалось въ домѣ и ея вещей. Очевидно, она ушла, чтобы больше не возвращаться.

Цѣлый день Васька сидѣлъ въ купальнѣ, возлѣ Игнашки, который ловилъ на удочку огромныхъ, золотистыхъ язей. Мальчикъ тихо плакалъ, дергая поминутно носомъ.

Игнашка тоже сидѣлъ мрачный и подавленный. У него были и свои непріятности. Наканунѣ ночью онъ проигралъ шулерамъ всѣ свои деньги (больше тысячи рублей), проигралъ часы и кольцо и на развѣтъ принялъ участіе въ грандіозной дракѣ. Одинъ противъ шайки въ восемь шулеровъ, Игнашка одержалъ блестящую побѣ-

ду. Онъ подбилъ нѣсколько глазъ, раскроилъ нѣсколько паръ губъ и щекъ, но и самъ ушелъ съ поля брани не безъ урона. Шулера пробили ему голову, растерзали на немъ рубаху, а одинъ изъ нихъ нанесъ камнемъ такой страшный ударъ Игнашкѣ въ носъ, что больше часа лилась кровь. Всякій другой человѣкъ, получивъ такой ударъ, непремѣнно лежалъ бы въ больницѣ. Но нечеловѣческое здоровье Игнашки все выносило шутя. Онъ только немножко «починилъ» голову, наложивши пластырь, заклеилъ «спускомъ» носъ и даже не перемѣнилъ своей въ ключья разорванной рубахи...

— Что-жъ теперь дѣлать, дядя Игнать? Ни копѣйки денегъ нема?...

— И у меня нема... Декохтъ, братъ, настаетъ...

Въ довершеніе несчастія, всѣ другіе члены шайки, во главѣ съ «Доріаномъ Грейемъ», уѣхали съ утреннимъ пароходомъ въ Екатеринославъ, куда ихъ вызвали для взлома кассы («Доріанъ Грей» считался большимъ специалистомъ по этой части) и не у кого было искать поддержки.

— А съ нея нельзя стребовать, дядя Игнать? — допытывался Васька. — Развѣ это законъ — всѣ вещи топоромъ?

— Ну, что съ нея возьмешь, съ косою блямбы?

— Такъ какъ же я теперь буду, дядя Игнать?

— Декохтъ, братъ, декохтъ настаетъ... Ну, да какъ-нибудь поправимся...

Вечеромъ Васька пошелъ къ городскому театру, чтобы поправить обстоятельства. Но онъ отвыкъ «работать» въ одиночку и былъ слишкомъ подавленъ своимъ несчастіемъ, чтобы «работать» хорошо. Никакого успѣха въ этотъ вечеръ Васька не имѣлъ, а, возвращаясь съ пустыми руками домой, онъ видѣлъ въ трамваѣ Катку, которая уже «работала» съ Ванькой прачкинымъ.

На другой день Васька опять былъ «безъ почина» и для него потянулась длинная полоса неудачъ. Дни

шли за днями и жалкіе никелевые часы, испорченные и грошовые, были единственнымъ трофеемъ за цѣлую недѣлю.

Печальный и разстроенный, Васька возвращался въ купальню и цѣлыми часами сидѣлъ возлѣ Игнашки, который все ловилъ язей.

— Декохть, братъ, декохть, — повторялъ Игнашка свое любимое словцо. — Такая полоса пришла... Невезеніе... А у меня, братъ, носъ-то, кажется, перебитый будетъ. Хрящъ спортился...

Чтобы отплатить своей обидчицѣ, Васька счелъ долгомъ предупредить Ваньку на счетъ «катыкиной подлости».

— Ты, Ванька, кажется, съ Катькой путаешься теперь?

— Да кто съ ней, съ этой стервой, не путается? Она, кажется, со всѣми кievскими собаками жила. — Я съ ней больше на «работу» хожу...

— Смотри, братъ!...

И Васька рассказалъ все, что сдѣлала Катька съ его корзиной.

Оказалось, однако, что Ванька былъ въ курсѣ дѣла.

— Она говоритъ, что только вещи твои порубила топоромъ за то, что ты ей морду при всемъ народѣ набилъ.. А деньги, говоритъ, Игнашкина жена украла.

— Вреть, сволочь! И деньги она!..

— А можетъ и вреть: бабы всегда брешутъ... На мой характеръ, я бы за такую штуку ножикомъ подкололъ... А только теперь она на тебя не сердится больше: она не знала, говорить, что Женька — твоя сестра...

— Не знала, сволочь!.. — Смотри, Ванька, она и тебѣ такой «тарарамъ» сдѣлаетъ!.. Это гадюка!

— Не бось, не сдѣлаетъ... Да я съ ней и не живу почти, у меня своя шмара есть — Зоська, — знаешь, что вмѣстѣ съ твоей сестрой у «Мандаримонды» живетъ?..

— Зоську я знаю...

Мальчики заговорили о женщинах вообще.

Ванька говорил о них грубо, съ бранью и всѣхъ считалъ проститутками. Но видно было, что въ жизни этого хорошенькаго, свѣжаго мальчика женщины играютъ огромную роль.

Не смотря на свои 14-ть лѣтъ, Ванька уже считалъ женщинъ десятками и, какъ это ни странно, даже зналъ въ нихъ толкъ. При дѣвочкахъ онъ уже сутенерствовалъ.

Рядомъ съ нимъ Васька казался совсѣмъ младенцемъ. За второй и третьей кружкой пива, когда «бабская» тема была исчерпана, Ванька перешелъ въ конфиденціальный тонъ и, приблизившись къ Васькѣ вплотную, началъ довѣрительно:

— Слушай, Васька, я давно хотѣлъ съ тобой объ одномъ дѣлѣ поговорить... Отчего бы намъ съ тобой не поработать вдвоемъ?... Ванька опасливо оглянулся во всѣ стороны и продолжалъ уже шепотомъ:

— Есть тутъ одинъ «пассажиръ», бо-гатый, сволочь!.. Штейнъ его фамилія... Если его какъ слѣдуетъ выпотрошить, такъ мы съ тобой въ одинъ день богачами сдѣлаемся. Тысячами будемъ бросать!.. Я, тебѣ говорю: тутъ не сотняжкой пахнетъ, а тысячами! Большими тысячами!

И Ванька вошелъ въ подробности.

Не то банкиръ, не то сахарозаводчикъ, Штейнъ жилъ одинъ въ багатомъ особнякѣ и предавался дешевенькому и скучному разврату. Два раза въ недѣлю къ нему приходили дѣвченки. Обязательно маленькія, несовершеннолѣтнія и обязательно не меньше десяти штукъ сразу. Поставляла ему «товаръ» Мандаримонда... Штейнъ никогда не прикасался къ дѣвченкамъ, но заставлялъ ихъ танцевать въ чемъ мать родила и заставлялъ купаться въ большомъ, тепломъ бассейнѣ, который былъ устроенъ въ его квартирѣ. Дѣвчечекъ онъ угощалъ конфетами, фруктами и ликеромъ и давалъ имъ по пяти рублей за-вечеръ. Въ тѣ дни, когда Штейнъ устраивалъ эти танцы, никакой прислуги въ его домѣ не было—только дворникъ

дремаль у подъѣзда. Отворяль двери и впускаль дѣвочекъ самъ Штейнъ.

— Вотъ я и думаю, — перешель Ванька къ дѣлу.
— Дѣвченки у него бываютъ все наши: Зоська, Манька, твоя сестра...

— И Женька бываетъ?

— А какъ же... Всѣ, что когда-то въ макулатурѣ ночевали...

— Я не зналъ, что и Женька...

Васькѣ было очень стыдно и больно это слышать.

А Ванька, не замѣчая настроенія Васьки, продолжалъ:

— Вотъ я и говорю, а что, если и мы съ тобой переодѣнемся дѣвченками?

Мимо дворника пройдемъ незамѣтно, на лѣстницѣ подождемъ, а потомъ твоя сестра или Зоська откроютъ намъ дверь и на часокъ-другой впустятъ въ квартиру? У него, говорятъ, кабинетъ есть и въ кабинетѣ несгораемая касса...

— Ну что жъ, попробовать можно... Только Женьку не надо въ это дѣло путать...

— А почему? Для брата родного не постарается?

— Не годится она... Дурочка еще и боится очень... Зоська годится.

— Ну Зоська, такъ Зоська. Не хотѣлось бы мнѣ съ ней связываться, да что жъ дѣлать...

— А отчего не хотѣлось бы?

— Ревнивая сволочь... Сейчасъ проходу не дастъ, все Каткой глаза мнѣ колетъ... Ну, одначе, она послушная. Что велю—все сдѣлаетъ, какъ собаченка побѣжить...

У Ваньки, оказывается, планъ былъ разработанъ уже во всѣхъ подробностяхъ. Онъ зналъ расположеніе комнатъ особняка, зналъ входы и выходы, зналъ, что при домѣ есть большой садъ, выходящій на пустынную улицу. Ему не хватало только товарища.

— Слушай, Васька... Тутъ нечего и думать... Это дѣло вѣрное... Сволочи мы будемъ, если не управимся. Имѣй въ виду, что вокругъ этого дома уже и Целендеръ ходитъ и еще одна шайка... Но имъ войти трудно. А мы войдемъ... Разъ плюнуть... Довольно намъ на шайку работать, будь они прокляты! Хоть разъ на себя поработаемъ! И помни: не сотняжка, не часы — а тысячи! Тутъ тысячами пахнетъ! Въ одинъ часъ богачами будемъ! — Такъ идетъ, что ли?

Ваську очень зажегъ этотъ планъ, а дѣла его были въ такомъ состоянїи, что онъ не колеблясь согласился. Ванька протянулъ ему руку:

— Послѣзавтра у него танцы будутъ... Будь готовъ!..

— Послѣзавтра, такъ послѣзавтра!

Одного только Ванька не сказалъ Васькѣ — что въ этомъ дѣлѣ участвовала и Катька и что планъ, отъ начала до конца, принадлежалъ ей.

XX.

Стоялъ уже сентябрь мѣсяцъ и Кїевъ былъ переполненъ осеннимъ очарованїемъ.

Дни были теплые, ласковые, золотистые, ночи — прохладныя и хрустальныя.

Въ садахъ и въ паркахъ уже осыпались багряные, бронзовые, желтые листья и высоко прыгали по дорожкамъ падающіе каштаны.

Вода въ Днѣпрѣ была уже синяго, небснаго цвѣта — совсѣмъ какъ въ морѣ у Крымскихъ береговъ.

Еще перепалили теплые, лѣтніе дожди и шумѣли запоздалыя короткія грозы. Но въ воздухѣ уже стояла тишина осени и молодыя ласточки весело учились летать.

По осеннему захлопоталъ и человѣческій муравейникъ. Уже съѣхались съ дачъ на городскія квартиры,

уже открылись гимназіи, и на улицахъ замелькали въ бѣлыхъ пелеринахъ маленькія гимназистки съ наивными, прыгающими косичками сзади.

Какъ всегда, мелькало множество красивыхъ женскихъ головокъ, и на открытыхъ верандахъ ресторановъ, въ бѣлыхъ кителяхъ, съ бронзовыми лицами, сидѣли вернувшіеся съ маневровъ офицеры.

Особенно нарядна и какъ-то по усадебному тиха была осень въ Липкахъ — въ самомъ аристократическомъ уголкѣ Кіева, гдѣ жили только богатые люди.

Здѣсь, старо-барскіе просторные особняки, съ александровскими колоннами, перемежались съ маленькими дворцами новаго стиля. И трудно было сказать, что было лучше: эти увитыя плющемъ и утопувшіе въ садахъ свидѣтели прошлаго вѣка, или эти стройныя, легкія каменные сказки, созданныя капризомъ таланта и прихотью изысканной моды.

И особняки и дворцы соперничали между собой огромными, совсѣмъ деревенскими садами и парками. Казалось невѣроятнымъ, чтобы въ городѣ, съ почти миллионнымъ населеніемъ, могли быть такіе сады въ частномъ владѣніи. Но въ Липкахъ вся жизнь строилась по другому масштабу.

Улицы здѣсь были тихія, прохожіе солидные, городовые почтительные, дворники вѣжливые, собаки воспитанныя. Печать сытости, довольства и безпредѣльнаго изобилія здѣсь чувствовалась на всемъ. Нигдѣ не было такихъ раскормленныхъ лошадей, такихъ мордастыхъ кучеровъ и такихъ отфѣвшихся, полнотѣлыхъ кухарокъ и пышныхъ горничныхъ, шуршавшихъ шелковыми юбками.

Было около десяти часовъ вечера и въ небѣ тонкимъ золотымъ серпомъ висѣлъ двурогій мѣсяцъ.

По чистенькой, совсѣмъ пустынной Левашовской улицѣ, шли необычные здѣсь прохожіе — двѣ дѣвочки въ ситцевыхъ платьяхъ и въ одинаковыхъ бѣлыхъ пла-

точкахъ. языко надвинутыхъ на глаза. Дѣвочки шли молча, не спѣша, и какъ-то не по-дѣвичьи широко и неуклюже шагали. Одна была побольше, другая поменьше, но обѣ казались подростками.

Постовые городовые подозрительно провожали ихъ глазами, а сидящіе у воротъ дворники изрѣдка бросали по ихъ адресу игривыя замѣчанія.

Но дѣвочки пугливо сторонились дворниковъ и шли молча.

Онѣ миновали огромный заборъ, за которымъ чуть, чуть шепталъ во снѣ старый садъ и свернули въ безлюдный темный переулокъ.

— Страсть курить хочется! — сказала старшая дѣвочка хриплымъ баскомъ.

— И не думай! — строго сказала младшая. — На работу пошелъ, такъ тутъ ужъ къ чорту папироски!

— А который часъ? —

— Безъ десяти минутъ десять.

— Значить, еще десять минутъ... Зоська сказала, чтобы ровно въ десять!..

Старшая дѣвочка достала папироску и чиркнула было спичкой, но младшая вырвала у нея изо рта папироску и изломала.

— Брось, Ванька, тебѣ говорить!..

— А ты, Васька, не очень-то команду! Вѣдь никого нѣтъ, дура!..

— Все равно!

Они помолчали и еще разъ взглянули на часы. Было безъ восьми минутъ десять...

— Вонъ кто-то идетъ, Ванька!.. Перейдемъ лучше на другую сторону.

Съ Левашовской улицы пырнула въ темноту переулочка какая-то ковыляющая фигура и, наталкиваясь на деревья и заборы, пыльной походкой брела куда глаза глядятъ...

Фигура замѣтила дѣвочекъ и остановилась...

— Цыпочки!.. Идите ко мнѣ, миленькія! Цыть-цыть-цыть-цыть!..

Пьяненькій смѣшно, какъ скликають хозяйки цыплятъ, звалъ дѣвочекъ и тянулся къ нимъ руками.

— Цыть-цыть-цыть-цыть!.. — Вы не думайте, канареечки, что у Севастьянова денегъ нѣтъ. — Неправда! Еще шесть рублей осталось. Пропилъ Александръ Петровичъ Севастьяновъ свое жалованье, но не все. — Ъдемъ ужинать, чортъ возьми! Цыть-цыть-цыть-цыть!.. Извозчикъ!

Пьяный заоралъ на весь переулокъ, а «цыпочки» пустились отъ него бѣгомъ и выскочили на освѣщенную Левашовскую улицу.

Было безъ четырехъ минутъ десять.

— Пора!

Оба мальчика подобрались, еще ниже надвинули на глаза платочки и не спѣша, дѣловой походкой, подошли къ одноэтажному особняку, у воротъ котораго сидѣлъ, какъ истуканъ, толстый и, какъ камень, молчаливый дворникъ.

Безъ словъ, ни о чемъ не спрашивая, пришедшія взошли на крыльцо и открыли незапертую наружную дверь. Дворникъ покосился на нихъ глазами, но не промолвилъ ни слова, а они поднялись по широкой, темной лѣстницѣ въ десять ступеней и остановились у второй двери.

— Здѣсь...

Мальчики перевели духъ и замерли въ молчаливомъ ожиданіи.

Было безъ одной минуты десять. Ванька приложилъ ухо къ запертой двери и, сдерживая дыханіе, сталъ прислушиваться. Въ квартирѣ игралъ граммофонъ, но, должно быть, гдѣ-то въ самыхъ дальнихъ комнатахъ, потому что звуки доносились совсѣмъ заглушенные, еле слышные.

Тихонько, однимъ пальцемъ, Ванька поскребъ дверь и опять приложилъ ухо. На этотъ разъ очень отчетливо и звонко слышался бой часовъ. Было десять. Полный, густой, красивый бой, походилъ на башенный и долго еще гудѣлъ на лѣстницѣ, когда часы уже перестали бить.

Ванька опять тихонько, однимъ пальцемъ, поскребъ дверь.

— Никого... Что такое?..

Теперь каждая минута казалась вѣчностью и оба мальчика слышали, какъ колотились въ груди ихъ сердца.

Прижался ухомъ къ двери и Васька. Заглушенный, едва уловимый звукъ граммофона и больше ничего. Ни шороха, ни движенія...

— Что такое?

Такъ прошла одна, двѣ и три минуты... Мальчики не дышали и уже оба припали ушами къ двери.

— Пропало дѣло... Что-нибудь случилось... — чуть слышно шепнулъ Ванька. Но Васька зажалъ ему ротъ рукою и въ самое ухо сказалъ:

— Подождемъ еще...

Уходить было нельзя, потому что это могло вызвать подозрѣніе дворника. Но и стоять на лѣстницѣ, прижавшись къ двери, было невыносимо.

А секунды ползли одна за другой, мучительныя, долгія, непередаваемые. Ванька опять поскребъ дверь пальцемъ и вдругъ отпрянулъ и застылъ безъ движенія.

Внизу на улицѣ слышались шаги дворника, потомъ раскрылась нижняя дверь и показалось въ полутьмѣ бородатое лицо дворника.

— Что, барышни, не открываютъ вамъ? А вы еще позвоните... Посильнѣе, позвоните!... А то дайте, я вамъ позвоню!...

Тяжелой поступью дворникъ поднялся на одну или двѣ ступени, но какъ разъ въ эту секунду дверь пріот-

крылась и оба мальчика нырнули въ полутемную прихожую и слышно было, какъ за ними шелкнулъ французскій замокъ.

Сердце у мальчиковъ колотилось такъ сильно, что они едва переводили духъ.

— Охъ, чортъ возьми!..

А Зоська, вся голая и только завернутая въ простыню, точно она сію минуту вышла изъ ванны, даже не замѣтила ихъ волненія.

— Какіе вы смѣшные!... Не похоже на дѣвочекъ...

— Ключи есть?

— Вотъ ключи... Ступайте смѣло... Охъ, какіе смѣшные!..

Въ углу едва освѣщенной передней виднѣлось чучело огромнаго медвѣдя. Медвѣдь стоялъ на заднихъ лапахъ и держалъ блюдо съ визитными карточками. Полъ былъ устланъ толстымъ мягкимъ ковромъ и шаги заглушались совершенно.

— Тутъ, направо, большая гостиная, потомъ еще маленькая диванная, потомъ большая столовая, корридоръ, опять комната и кабинетъ... Окошки изъ кабинета въ садъ выходятъ...

Зоська вся закуталась въ свою простыню, стараясь запахнуть голыя ноги. Она тоже, какъ и мальчики, очень волновалась и ея бѣлобрысое лицо съ тусклыми зеленоватыми глазами было блѣдно, какъ ея простыня.

— Боязно... Ни для кого я не стала бы... Только для тебя, Ванька...

— Лучше проводи, а то мы заблудимся тутъ...

Зоська нырнула въ неосвѣщенную гостинную и, какъ привидѣніе, быстро скользнула вдоль стѣнъ, все кутаясь въ простыню. Комнаты, повидимому, были ей хорошо знакомы. Мальчики крались за ней, затаивъ дыханіе...

Съ улицы черезъ окна едва пробивался слабый свѣтъ

фонарей и явственно слышался гдѣ-то въ дальнихъ комнатахъ граммофонъ.

Одна, другая и третья комната. Все такія богатая, огромная, но молчаливая. Тусклымъ блескомъ свѣтился въ углу черный рояль. Висѣли въ чехлахъ люстры, на стѣнахъ картины еще по лѣтнему были затянуты холстомъ.

Вотъ и корридоръ. Быстро мелькаютъ босыя ноги Зоськи и подпрыгиваютъ на ходу ея бѣлобрысыя, растрепавшіеся волосы.

— Здѣсь.. Дай Богъ часъ, Ванюшка...

Зоська исчезла какъ привидѣніе, въ своей простынѣ, а мальчики юркнули въ кабинетъ и оглядѣлись. На одну секунду вспыхнулъ потайной фонарикъ и все освѣтилъ.

Большая, даже огромная комната. Сплошной толстый коверъ. Кожаная мебель и въ углу статуя голой негритянки съ курительнымъ приборомъ въ рукахъ. Въ другомъ углу — нестораемая высокая касса и подлѣ окна — большой письменный столъ.

Опытной рукой мальчики живо разобрали ключи и Васька сталъ возиться у стола, а Ванюшка у кассы.

Тихо, беззвучно, выдвинулъ Васька большой ящикъ стола и снова на одну секунду вспыхнулъ его фонарикъ. Ящикъ былъ почти пустъ. Въ немъ лежало только нѣсколько фотографическихъ карточекъ (совершенно непристойныхъ), золотой браслетъ и неприличная статуэтка, изображавшая голую женщину и лошадь.

Васька опустилъ браслетъ въ карманъ и взялъ въ руки статуэтку.

— Золотая, или бронзовая? Нѣтъ, кажется, бронзовая!..

Васька бросилъ статуэтку и выдвинулъ другой, боковой ящикъ. Здѣсь лежалъ кожаный портфель, запертый на ключъ, и сверху на портфель виднѣлся большой перстень. Васька опустилъ перстень въ карманъ,

досталъ отмычку, вскрылъ портфель и на мгновеніе снова зажегъ фонарь. Въ портфель были деньги — штукъ пятнадцать сотенныхъ билетовъ и столбикъ золотыхъ монетъ, завернутыхъ въ бумажку.

Въ одну секунду Васька опустилъ все это въ свой бездонный воровской карманъ и принялся за другіе ящики стола. Но въ нихъ ничего интереснаго для Васьки не было. Неприличныя статуэткі, гнусныя карточки, какія-то бумаги, письма. Одна статуэтка, изображавшая женщину и тигра, была серебрянная и Васька приобщилъ ее къ дѣлу.

Только, когда весь столъ былъ обследованъ, Васька оглянулся на Ваньку.

А у Ваньки не клеилось. Съ него уже ручьемъ катился потъ, а касса не поддавалась. Ключъ какъ будто подходилъ и все какъ будто было въ порядкѣ, но замокъ не открывался.

— Ну, какъ? — шепнулъ Васька.

— Замокъ съ секретомъ. Ключъ не беретъ...

Ванька уступилъ мѣсто Васькѣ, но результаты были все тѣже. Ключъ поворачивался, но ходилъ въ замкѣ на холостомъ ходу.

— Пробуй отмычкой!

Эти наивные воры, еще не имѣвшіе дѣла съ новѣйшими кассами, думали, что секретный замокъ поддастся ихъ примитивной отмычкѣ.

Торопясь, нервничая, они поочередно совали всѣ свои инструменты, но касса стояла, какъ заколдованная.

— Плюнуть надо! — посоветовалъ Васька.

Но Ванька возился, какъ бѣшеный. Всей своей силой онъ налегалъ на отмычки, сопѣлъ, смахивалъ потъ со лба и снова налегалъ.

Вдругъ Васька схватилъ за руку Ваньку. Мимо двери кабинета, какъ привидѣніе, мелькнуло что-то бѣлое, и послышался едва уловимый предостерегающій звукъ.

— Тссс!

Мальчики, какъ коты, отпрянули въ разныя стороны и застыли, напряженно , всѣмъ существомъ своимъ прислушиваясь.

Вдали раздались чуть уловимые голоса. Мужской и дѣтскій. Васыкѣ показалось, что говорила Женька...

— Сюда идутъ!..

Въ одно мгновение Васька очутился подъ большимъ кожанымъ диваномъ, а Ванька завернулся въ толстую, двойную портьеру позади голой негритянки, и оба застыли , зажавъ рты рукой, чтобы унять дыханіе.

Голоса все приближались. Еще нельзя было различить отдѣльных словъ, но уже ясно было слышно, что это говорить Женька...

Ванька нацупалъ острый воровской ножикъ, который онъ всегда носилъ съ собой въ карманѣ.

Гдѣ-то въ сосѣднихъ комнатахъ вспыхнулъ электрическій свѣтъ, въ одной и другой комнатѣ, и голоса были теперь уже совсѣмъ ясны.

Говорилъ мужской голосъ:

— Такъ тебя по-уличному называютъ «Женька-губернаторша»? Ха-ха!..

— Это оттого, баринъ, что лакей губернаторовъ меня спасильничалъ... Съ тѣхъ поръ всѣ дѣвочки на Крещатикѣ такъ и прозвали меня — «Женька-губернаторша»...

— Ха.-ха!... Я знакомъ съ губернаторомъ и непременно расскажу ему...

Минуя кабинетъ, свѣтъ вспыхнулъ въ корридорчикѣ, потомъ въ столовой...

Ванька облегченно перевелъ духъ.

— Охъ, Господи!...

— Ну, кажется, проѣхало мимо!.. — Съ облегченіемъ подумалъ Ванька, всматриваясь въ темноту.

Но нѣтъ... Шаги хозяина явно направились къ кабинету. Въ сосѣдней комнатѣ вспыхнулъ огонь и тот-

часть же погасъ. Потомъ ослѣпляющій, яркій, какъ солнце, свѣтъ вспыхнулъ въ кабинетъ и Ванька увидѣлъ на порогъ хозяина. Это былъ небольшого роста, совсѣмъ лысый человекъ, съ аккуратно подстриженной сѣдьющей бородкой и съ приподнятыми усами. Одѣтъ онъ былъ въ шелковую пижаму и въ мягкія туфли.

Инстинктивно Ванька зажалъ въ рукѣ свой длинный острый пожикъ — ножикъ суттенера — и затаилъ дыханіе.

А хозяинъ постоялъ среди кабинета съ забытой улыбкой на лицѣ, потомъ потянулся, хрустнулъ пальцами и пошелъ прямо къ Ванькѣ.

— Что это? Неужели? — какъ молнія мелькнуло въ головѣ Ваньки.

— Зоська? Предала?

А хозяинъ все съ той же забытой улыбкой на лицѣ подошелъ къ голой негритянкѣ, державшей курительный приборъ, досталъ сигару, обрѣзалъ ее и не спѣша закурилъ.

Онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ Ваньки и Ванька ясно слышалъ запахъ его духовъ и дымъ сигары.

— Нѣтъ, не знаетъ... Нѣтъ... Кажется, нѣтъ.

Два-три раза хозяинъ пыхнулъ сигарой, потомъ снова потянулся, хрустнулъ пальцами и пошелъ къ двери. Свѣтъ погасъ и звенящая полная тишина опять наполнила комнату...

Ванька спряталъ ножъ въ карманъ.

Минутъ пять мальчики еще не двигались. Въ головѣ ихъ стучало, сердца бились усиленно, руки и ноги дрожали. Первымъ опомнился Васька и изъ-подъ дивана показалась его голова, потомъ развернулъ свою портьеру и Ванька. Еще не смѣя говорить, они оба стояли у стѣнки, прижавшись другъ къ другу и тяжело дыша.

И вдругъ опять у дверей мелькнуло что-то бѣлое и послышался шопотъ.

— Это я... Не бойтесь..

Зоська, завернутая въ простыню, встала передъ мальчиками, точно живая статуя.

— Пора вамъ уходить... Идемъ...

Послушно, робко, безшумно мальчики скользнули въ дверь за своей проводницей.

По предварительному условію, было рѣшено, что обратный выходъ изъ квартиры будетъ продѣланъ черезъ садъ (чтобы не вызвать подозрѣнія дворника) и теперь Зоська, какъ тѣнь, скользила по корридорамъ и комнатамъ хорошо извѣстной ей квартиры.

Они прошли пять или шесть комнатъ, пока, наконецъ, Зоська остановилась передъ дверью, выходившей на террасу въ садъ.

— Здѣсь... Идите потише... Въ саду живетъ садовникъ съ женой... Собакъ нѣту.

Безшумно раскрылась дверь балкона и мальчики, крадучись, какъ коты, прижались за толстыми александровскими колоннами террасы и озираясь всматривались въ темноту сада.

Но что это? Въ десяти шагахъ отъ нихъ, ясно послышались голоса. Двѣ темныя фигуры, прижавшись къ ставнямъ, заглядывали внутрь квартиры въ маленькую свѣтлую шелку и обмѣнивались замѣчаніями.

— Теперь купаются, — шепталъ мужской голосъ...
— Въ бассейнѣ плаваютъ... А онъ сидитъ на креслѣ, сукинъ сынъ, и любитъ... — И что это за вкусъ, скажи пожалуйста?

И Ванькѣ и Васькѣ было ясно, что это садовникъ съ женой подсматриваютъ въ щелочку и любятъ развлеченіями своего барина. Но они стояли такъ близко и голоса ихъ раздавались такъ явственно, что мальчики не рѣшались даже пошевелиться. Прижавшись за колоннами, они стояли, какъ неживые, и не знали, что дѣлать...

А садовникъ тѣмъ временемъ продолжалъ:

— Хоть убейте меня, а я этого не понимаю...

Васька первый нашелъ выходъ изъ положенія. Сдѣлавъ знакъ Ванькѣ, онъ опустился на полъ, подползъ къ краю террасы, свалился безшумно въ кусты сирени и, какъ ужъ, тихо поползъ между кустарниками тѣи по узенькой дорожкѣ и скрылся въ темнотѣ сада.

За нимъ тоже самое продѣлалъ и Ванька.

А черезъ пять минутъ, прижимаясь къ забору, мальчики были уже далеко и безъ труда перелѣзли черезъ этотъ невысокій заборъ и скрылись въ темнотѣ переулка.

XXI.

При дѣлежѣ добычи вышла крупная ссора.

Ни Васька, ни Зоська не знали, что въ дѣлѣ принимаетъ участіе ненавистная имъ Катька-толстомордая.

Но Катька пришла и съ крикомъ, съ бранью, съ угрозами потребовала свою долю, во-первыхъ, за идею и, во-вторыхъ, за разныя легкія услуги, оказанныя ею по сбыту краденнаго и по разработкѣ плана кампаніи.

Ссора носила совершенно площадной характеръ. Невѣроятная, трехъэтажная брань наполняла доверху маленькій отдѣльный кабинетъ въ ресторанѣ «Золотой Якорь».

Особенно неистовствовали женщины. Катька такъ и обливала презрительной руганью маленькую Зоську, которая вся кипѣла ревностью и негодованіемъ.

— Такъ это я для твоей «шмары» работала? — взвизгивала Зоська, набрасываясь на Ваньку. — Такъ это я для твоей дѣвки старалась?

Эта четырнадцатилѣтняя истеричка, преждевременно истощенная своей ужасной жизнью, еще носила на головѣ дѣтскій гребешокъ ободкомъ, отчего ея бѣлобрысыя волосы стояли на макушкѣ вѣеромъ, — но въ мут-

ныхъ бѣлесоватыхъ глазахъ ея видна была далеко не дѣтская ненависть и рѣшимость.

Зоська была давнишней любовницей Ваньки, и весь протитуціонный Крещатикъ считалъ Ваньку ея «котомъ». Поэтому повая «шмара», нахально втершаяся въ чужое дѣло и требовавшая свою долю, доводила ревнивую Зоську до неистовства. Дѣвушки обмѣнялись плевками, а потомъ и пощечинами. Но властная, наглая, циничная Катька осталась все-таки побѣдительницей. Она вырвала свою долю «изъ глотки» и, подъ истерическіе взвизги Зоськи, оставила поле сраженія.

Зоську пришлось отпаивать водой и больше часу урезонивать, но когда она пришла въ себя, то Ванька поразился рѣзкой переměной въ ея настроеніи. Спокойно, какъ будто принявъ какое-то окончательное рѣшеніе, она поправила на головѣ своей гребешокъ, застегнула пуговицы блузки и сказала:

— Ну, попомните же вы меня!... И ты, Ванька, и «шмара» твоя новая!.. До смерти будете помнить!...

Ванька слишкомъ хорошо зналъ свою маленькую подругу, чтобы пропустить мимо ушей эти полновѣсныя и такія значительныя слова. Въ своей практикѣ начинающаго «кота» онъ видѣлъ случаи, когда именно такіе подростки, именно такія проститутки-истерички бывали безпощадны и даже неистовы въ своей мести. Вотъ такія, какъ Зоська, чаще всего пускали въ дѣло сѣрную кислоту, подсыпали въ кушанья мышьяку и даже поджигали дома въ надеждѣ истребить огнемъ спящаго врага.

Но Ванька зналъ и другое. Ванька зналъ, что Зоська любитъ его безъ памяти и что до сихъ поръ его власть надъ этой дѣвочкой-истеричкой была безгранична. Ему случалось нѣсколько разъ бить Зоську (даже «при народѣ»), случалось отнимать у нея часы, кольца и деньги, — но всякій разъ, вся избитая и обобранная, она при-

ползала къ нему, какъ высѣченная собаченка, и просила прощенія.

Ванька помнилъ эту собачью преданность своей подруги и очень надѣялся на свою власть надъ ней. Но на этотъ разъ надежды его не сбылись.

Нѣсколько разъ онъ искалъ примиренія съ Зоськой и даже приносилъ ей подарки.

Но Зоська какъ-то загадочно улыбалась своими блѣдными тонкими губами и, не вступая въ разговоры, подарки отклоняла.

— Отнеси лучше Каткѣ, мнѣ не надо!

Ванька божился и клялся, что онъ съ Каткой только «работалъ» и, чтобы эта ложь вышла убѣдительнѣе, обнималъ и цѣловалъ Зоську съ неистовствомъ четырнадцатилѣтняго «кота». Но и поцѣлуй не имѣли теперь власти надъ Зоськой. Прежде эта дѣвочка-истеричка млѣла отъ одного присутствія своего хорошенькаго курносаго любовника. За его ласку она готова была итти на костеръ. Но теперь ея тонкія блѣдныя губы не отвѣчали на поцѣлуй и, снимая со своей талии руки Ваньки, она говорила:

— Иди къ Каткѣ... Катку обнимай!...

Ванька бѣсился.

— Чего же ты наконецъ, хочешь, паскуда проклятая?

— А я ничего не хочу... Развѣ я тебя звала? — Иди къ Каткѣ!...

И когда Ванька уходилъ, Зоська даже не оборачивалась въ его сторону и только молча, загадочно улыбалась...

— Опоздалъ, голубчикъ!

Дней черезъ пять послѣ дѣлежа добычи, Ванька сталъ замѣчать, что за нимъ слѣдитъ полиція. Какіе-то темные субъекты все заговаривали съ нимъ, подсаживались къ нему въ трактирахъ и даже провожали до дому.

Это заставило Ваньку насторожиться.

Катка была внѣ себя отъ бѣшенства и набросилась на Ваньку, какъ фурія:

— Соня паршивая! И ты еще спрашиваешь, чья это работа? Настоящій воръ на твоёмъ мѣстѣ уже давно подколотъ бы эту холеру бѣлобрысую и забылъ бы объ этомъ, а ты меня спрашиваешь, что дѣлать? Сволочь, щенокъ несчастный!

Ванька еще не думалъ о такихъ крайнихъ средствахъ. Ему казалось чудовищнымъ попасть въ «работы» и, можетъ быть, надѣть кандалы изъ-за какой-то Зоськи! Но Катка никакихъ другихъ средствъ не видѣла и не хотѣла видѣть.

— Съ такими, что въ полицію доносятъ, всегда одинъ разговоръ — пришить!

И Катка вошла даже въ подробности.

— Если ты боишься, заяцъ паршивый, такъ ты хоть позови ее на лодкѣ кататься и привези ее мнѣ въ Черторой! А я на другой лодкѣ подъѣду и поговорю, ха-ха!.. Небось, живо пойдеть на дно раковъ ловить!

Ванька зналъ, что по неписаннымъ воровскимъ законамъ предательство карается безъ малѣйшей пощады и что ножъ въ этихъ случаяхъ считается простѣйшимъ средствомъ. Но онъ еще сомнѣвался и хотѣлъ доказать.

— А можетъ быть совсѣмъ не Зоська? А можетъ быть полиція за наши трамвайныя дѣла принялась? Чтобы найти выходъ для своихъ сомнѣній, Ванька побѣжалъ къ Зоськѣ на квартиру.

— Я по одной мордѣ ея узнаю: она, или не она?

Но Зоськи Ванька не засталъ дома. Въ квартирѣ «Мандаримонды» онъ нашелъ только Ваську и Женьку, которые вдвоемъ ставили въ кухнѣ самоваръ.

Ванька мигнулъ Васькѣ и вызвалъ его въ комнату дѣвочекъ.

— Плохо дѣло, братъ... Полиція слѣдитъ... Ты не замѣчалъ, за тобой шпики не ходятъ?

Васька отъ неожиданности даже поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, за мной, кажется, никого... не слѣдятъ.

— А за мной и за Катькой по пятамъ ходять... — Это, я такъ думаю, не иначе, какъ Зоська подсыпаетъ, ея работа. — Ты вотъ что: ничего не говори Женькѣ и давай Зоськины вещи обыщемъ. Гдѣ ея вещи?

— Что жъ, вещи?.. Развѣ на вещахъ написано? Вотъ ея комодъ...

Ванька выдвинулъ ящикъ и первое, что бросилось ему въ глаза былъ довольно большой пузырекъ съ сѣрной кислотой...

— Во! Видишь? Видишь? Это она для Катьки приготовила... А, можетъ и для меня? О, ты и не знаешь, какая это гадюка!

Нервной рукой Ванька перебиралъ дѣвичьи вещи: чулки, бѣлье, пудру, какія-то косыночки, книжки Шерлока-Холмса. Особенно подозрительно показалось Ванькѣ, что въ Зоськиномъ ящикѣ была нѣсколько конвертовъ и почтовая бумага.

— Кому, она можетъ писать? Какія письма? — Теперь я знаю, что это она!... Должно быть писала въ полицію!... Доносъ писала... Можетъ и на тебя, Васька?

— Ну, конверты... Что жъ такое конверты? Мало ли кому письмо можно написать?

Среди книгъ Шерлока-Холмса Ванька замѣтилъ одну страницу съ подчеркнутымъ мѣстомъ. Это было письмо, адресованное мистеру Холмсу, гдѣ значилось:

«Извѣщаю Васъ, дорогой мистеръ Холмсъ, что кража въ домѣ эсквайра О'Греди совершена опаснымъ преступникомъ Оскаромъ Уайтомъ и его сожительницей, опасной воровкой, Катериной Смитъ. Если мистеру Холмсу потребуются доказательства, то онъ можетъ найти ихъ, обыскавши квартиру Уайта и Катерины Смитъ...»

Перелистывая подозрительную книгу Ванька такъ и ахнулъ, когда среди ея страницъ нашелъ черновой листокъ почтовой бумаги, написанный рукой Зоськи.

На листкѣ значилось:

«Извѣщаю Васъ, господинъ приставъ, что кража въ домѣ Штейна совершена опаснымъ преступникомъ Ванькой Прачкинымъ и его сожительницей, опасной воровкой, Катькой. Если господину приставу потребуются доказательства....»

— Теперь ты видишь?

Васька тоже перемѣнился въ лицѣ, читая бумажку.

— Похоже на то... А можетъ и не похоже... Можетъ, написала, да въ комодъ и сунула и никуда не отправляла...

— А полиція, дуракъ? А чего же ходить за мной полиція? За мной и за Катькой, а за тобой нѣтъ?.. Отчего?.. Дура!..

Васька не зналъ, что отвѣчать. А Ванька засунулъ въ карманъ бумажку и тоненькую книжку Шерлока Хольмса и, не прощаясь, бросилъ на ходу Васькѣ:

— Чуръ, ничего не говорить! Ни Женкѣ, ни Зоскѣ!.. А вечеромъ приходи въ «Золотой Якорь» потолкуемъ...

Х Х I I.

И Каткѣ и Ванкѣ было непонятно только одно:

— Если полиціи все извѣстно, то почему же ихъ не арестуютъ, почему только ходятъ по пятамъ и нюхаютъ, какъ гончія собаки?

Они не знали и не могли знать, что, получивъ анонимный доносъ, начальникъ сыскной полиціи звонилъ по телефону потерпѣвшему Штейну и наводилъ справки о кражѣ. Но Штейнъ категорически заявилъ, что никакой кражи у него въ домѣ не было.

— У меня? Кража? Въ первый разъ слышу!... Ничего подобнаго. — Нѣтъ, нѣтъ, дорогой, это недоразумѣніе. И разсмѣявшись самымъ непринужденнымъ образомъ, Штейнъ еще прибавилъ:

— Даю вамъ слово, что, если меня, когда-нибудь обокрадутъ, я первому сообщу вамъ...

Хитрый и хорошо знающій людей, начальникъ полиціи понялъ, что Штейнъ не желаетъ огласки и что больше всего на свѣтѣ онъ будетъ огорченъ, если ему возвратятъ пропавшія деньги и вещи и начнутъ дѣло. Зналъ начальникъ полиціи и причины, почему Штейнъ не желаетъ огласки. И оттого въ полиціи рѣшили, не начиная дѣла, просто выслѣдить Ваньку и Катьку и на всякій случай держать ихъ на примѣтѣ.

Но ничего этого не знали ни Катька, ни Ванька. Видя, что полиція ходитъ за ними по пятамъ, они думали, что сыщики домогаются узнать всѣхъ соучастниковъ, чтобы забросить большой неродъ и выловить всю компанію сразу. И оттого каждый день, ожидая катастрофы, и Катька и Ванька чувствовали себя, какъ на горячей плитѣ. — Если не сегодня, такъ завтра. Если не днемъ, такъ ночью.

И засыпали, и просыпались они съ этой мыслью.

Отъ постоянного напряженія и постоянной опасности они не могли даже «работать», и сознание, что ихъ «закопала» паршивая дѣвченка, «бѣлобрысая Зоська», доводило обоихъ до зубоваго скрежета.

Особенно клокотала злостью Катька.

— Слышать ничего не хочу! Сегодня же привези мнѣ на лодкѣ эту шкуру въ Черторой! Слышишь, сегодня! — кричала она Ванькѣ.

Ванька тоже находилъ, что вывести Зоську на Днѣпръ, въ пустынное мѣсто, было бы прямо необходимо.

— Только тамъ, когда ей ножикъ показать, она скажетъ всю правду!...

Нѣсколько разъ, подавляя въ себѣ злобу, онъ подсыпался къ Зоськѣ и прикидывался влюбленнымъ.

Но когда рѣчь заходила о катаньѣ на лодкѣ, Зось-

ка по прежнему улыбалась одними своими тонкими блѣдыми губами и говорила:

— Ты съ Катькой покатайся... Я воды боюсь...

А полиція, между тѣмъ, все тѣснѣе и тѣснѣе смыкала свое кольцо вокругъ подозрѣваемыхъ. Катька уже не ночевала дома и прятала въ тайникахъ всѣ свои деньги и золотыя вещи. О «работѣ» въ трамваяхъ, которая была такъ доходна, нечего было и думать: какъ работать на глазахъ у сыщика? Даже занятіе проституціей, которое было не такъ прибыльно, казалось теперь опаснымъ, потому что въ каждомъ неизвѣстномъ «гостѣ» невольно подозрѣвался сыщикъ.

— Когда же ты привезешь ее въ Черторой, сволочь? — набрасывалась Катька на Ваньку. — Что же намъ въ тюрьму идти изъ-за твоей паскуды?

— Сама привези! — огрызнулся Ванька. — Не хочешь она, не дурочка!

Не разъ и не два Катька готова была расправиться съ Зоськой на глазахъ у всѣхъ, на улицѣ или въ трактирѣ, но каторга, это единственное сдерживающее начало въ этой средѣ, всякій разъ держала ее въ уздѣ.

— Таковую вошь надо убить такъ, чтобъ никто не видалъ!

Въ концѣ концовъ, однако, это полинейское томленіе было такъ невыносимо, что, вѣроятно, месть и злоба нашли бы себѣ выходъ и дѣло окончилось бы уличной свалкой и ударомъ ножа.

Но случай устроилъ все иначе.

Неожиданно для самого себя, Ванька узналъ, что Зоська «крутитъ любовь» съ какимъ-то хорошенькимъ юнкеромъ и что по утрамъ они бываютъ въ Царскомъ саду, гдѣ въ это время совсѣмъ не встрѣчается публики. Юнкеръ удиралъ на эти свиданія изъ училища и потому часто опаздывалъ, а случалось, что, прождавши его часъ, Зоська уходила домой ни съ чѣмъ.

Объ этомъ открытіи Ванька сообщилъ Катькѣ и оба

они стали каждый день навѣдываться въ тѣнистыя аллеи этого чудеснаго, пустыннаго, во-истину царскаго сада.

— Надо хоть допросить ее, хоть узнать, что она писала! — горячился Ванька.

Въ первый день, однако, это тайное наблюденіе не привело ни къ чему.

Зоська была въ саду, но былъ и юнкеръ. Они цѣлый часъ сидѣли вдвоемъ на скамейкѣ и цѣловались. А когда нацѣловались, то ушли тоже вдвоемъ въ городъ.

Во второй разъ было тоже самое... Опять скамейка, опять юнкеръ и опять поцѣлуй — такіе безконечные и такіе ненасытные, какіе бываютъ только у юнкера.

Но въ третій разъ Зоська сидѣла на скамейкѣ одна и все поглядывала на часы. Юнкера, очевидно, посадили, наконецъ, подъ арестъ за эти незаконныя отлучки.

Больше часу сидѣла Зоська и поглядывала въ глубину длинной аллеи, а въ дальнихъ кустахъ, притаившись, сидѣли Ванька съ Катькой и не спускали съ нея глазъ. Но когда Зоська, наконецъ, поднялась, чтобы уходить, передъ ней, какъ изъ-подъ земли, выросъ Ванька...

Зоська поблѣднѣла и невольно оглянулась во всѣ стороны.

— Ты что здѣсь дѣлаешь? Здравствуй!

Зоська поблѣднѣла и невольно оглянулась во всѣ стороны.

— Я гуляю... А тебѣ что?

— Садись, поговорить надо!..

— Не желаю я садиться... Ты съ Катькой поговори...

Ванька схватилъ Зоську за руку и силой пригвоздилъ ее къ скамейкѣ.

— Садись, тебѣ говорить!..

Зоська сразу стала блѣднѣе стѣнки.

— Что тебѣ надо?

- Мнѣ надо знать, что ты писала въ полицію?
- Въ какую полицію? Я ничего не знаю!
- Сволочь! А это что?

Ванька вынулъ изъ кармана бумажку и ткнулъ въ лицо Зоськѣ.

— Такъ это ты у меня изъ комода укралъ? Но, дуракъ, комодъ — это еще не полиція...

— Зоська! Лучше говори все, если тебѣ жизнь не надоѣла!

— Ты что оренъ, думаешь, здѣсь людей нѣту? Думаешь...

Но Зоська не договорила, потому что въ эту минуту изъ-за кустовъ вынырнула Катька и подошла къ скамьѣ

Все лицо Зоськи сдѣлалось какъ восковое и по тѣлу пробѣжала дрожь...

— Такъ вы вдвоемъ?.. Вдвоемъ? Напали?..

— Ну, пташечка, скажи и мнѣ, что ты въ полицію на меня писала?

Зоська, какъ рыба на пескѣ, раскрыла ротъ, что-то хотѣла сказать, но звукъ не вылетѣлъ изъ ея горла.

— Такъ и не скажешь? Такъ и будешь молчать? — прошипѣла Катька и совсѣмъ приблизила свое пылающее лицо къ самымъ глазамъ Зоськи. — И сѣрную кислоту для меня припасла? — Ну, говори, сволочь!.. Катька грубо, по матросски выругалась и откинулась на спинку скамьи.

А Зоська все открывала ротъ и подносила ко рту дрожащую руку. И даже рука ея стала совсѣмъ какъ восковая. И вдругъ однимъ прыжкомъ Зоська сорвалась со скамьи и какъ пуля кинулась по аллеѣ. И Катька, и Ванька сразу вскрикнули и пустились вдогонку.

Аллея была прямая и ровная, какъ стрѣла, но совершенно безлюдная. Не видно было ни сторожа, ни гуляющихъ, ни дѣтей съ няньками — никого. Только птицы щебетали въ густой листвѣ. Молодые ноги Зоськи неслись съ быстротой вѣтра. Только бы перебѣжать эту

аллею, только бы миновать мостикъ, переброшенный черезъ крутой оврагъ, а тамъ — будка сторожа, тамъ люди, тамъ спасеніе... Зоська напрягала всѣ силы и буквально летѣла, не чуя подъ собой земли. Но сзади себя она чувствовала все ближе и ближе свистящее дыханіе.

— Кара-уль! Хотѣла закричать Зоська, но изъ груди ея вылетѣлъ только хрипъ. Вотъ и мостикъ, вотъ совѣмъ близко... Она хорошо знаетъ этотъ мостъ, а тамъ будетъ будка... Но что это? Что такое? Зоська была уже на мостикъ, когда свистящее дыханіе сзади стало совѣмъ близко и она со всего разбѣга тяжело упала лицомъ на доски моста. Это была Ванькина подножка. И въ ту же минуту сильный ударъ въ лицо ошеломилъ Зоську.

— Ка-ра-уль!.. — еще разъ прохрипѣла она, и на четверинкахъ, какъ животное, сдѣлала два шага впередъ. Что-то липкое побѣжало по лицу и страшный новый ударъ погою въ бокъ подбросилъ ее на мосту. Зоська даже крянула отъ этого удара, какъ-то по звѣриному крякнула, какъ будто у нея была отрыжка. И, крякнувши, всетаки вскочила на ноги и, перегнувшись нѣзъ бокъ, попробовала бѣжать. Но что-то липкое все текло по лицу и застилало глаза, и ноги не слушались, и не было звука въ горлѣ, чтобы закричать. Шаговъ пять Зоська еще проковыляла по мосту. Но въ эту минуту послышалось еще одно свистящее дыханіе и на мостъ вбѣжала Катъка съ большимъ слесарнымъ молоткомъ въ рукѣ. Со всего размаха Катъка ударила молоткомъ, но промахнулась и попала по плечу...

— Съ моста ес... Съ моста... !

Это Катъка первая опомнилась и показывала Ванькѣ глазами, что надо дѣлать. Мостикъ былъ узенькій, всего въ три шага, по впазу была глубокая, метровъ въ 15, пропасть, по которой проходила мостовая.

— Ну!.. съ моста, тебѣ говорить!..

Но Ванька стоялъ какъ вкопанный и остановившимся глазами смотрѣлъ на неподвижное тѣло.

Катька сама нагнулась къ Зоськѣ и стала ее поднимать. Но Зоська вдругъ очнулась и довольно громко крикнула:

— Ка-ра-уль!..

Сильная, какъ мужчина, Катька приподняла ее и, напрягась, попробовала перебросить черезъ перила внизъ. Верхняя, подгнившая перекладина периль подломилась подъ тяжестью тѣла, но Зоська ухватила руками за нижнюю перекладину и повисла въ воздухѣ надъ пропастью. По лицу ея текла кровь и мѣшала ей видѣть. Кровь была и на головѣ. Но дѣтскій гребешокъ ободкомъ все еще приподнималъ вѣеромъ свѣтлыя волосы на макушкѣ.

— Ка-ра-уль!.. — еще разъ пронеслось въ пустынномъ паркѣ.

— А, сволочь!.. Живучая гадюка! — Катька подскочила и каблуками стала изо всей силы бить по тонкимъ дѣтскимъ пальцамъ, уцѣпившимся за перекладину.

Одинъ, два, три, чстыре яростныхъ удара.

Но вотъ окровавленные пальцы разжались сначала на одной рукѣ, потомъ на другой, и голова съ гребешкомъ исчезла и что-то шлепнулось потомъ внизу — глухо, мягко, далеко, шлепнулось, и все стало тихо, необыкновенно тихо кругомъ. Только дыханіе еще свистѣло на мосту.

— Теперь скорѣй! На Днѣпръ!..

На другой день вечеромъ Катька и Ванька были арестованы по обвиненію въ убійствѣ.

А еще черезъ день были арестованы Васька, Женька, Женькина хозяйка и всѣ дѣвочки, танцовавшія у Штейна по ночамъ.

Самъ Штейнъ спѣшно выѣхалъ по дѣламъ за границу.

XXIII.

Въ мірѣ кіевскихъ воровъ и проституткоѣ убійство Зоськи и послѣдовавшіе затѣмъ аресты произвели огромное впечатлѣніе.

Въ мертвецкой, гдѣ лежала Зоська, еще до вскрытія ея тѣла (ее выставляли для опознанія) перебивало множество народа. Всѣ проститутки и почти всѣ воры спѣшили заглянуть въ это мертвое, неузнаваемое и страшно раздувшееся лицо дѣвочки.

Женщины смотрѣли съ ужасомъ, мужчины сдвинувъ брови. Всѣ крестились, шептались и бросали деньги въ деревянную миску «на погребеніе».

Лицо Зоськи было такъ страшно, что многія женщины вскрикивали и отворачивались. Другія, наоборотъ — съ напряженнымъ вниманіемъ остановившимися, круглыми глазами такъ и впивались въ это разбухшее, уже желтовато-сизое лицо.

Особенно вниманіе зрителей привлекалъ круглый гребешокъ ободкомъ, такъ и оставшійся въ свѣтлыхъ волосахъ Зоськи.

— И гребешочекъ!.. — говорили уже пожилыя проститутки и смахивали слезы. — А все коты!.. Ихъ работа, больше никому!..

Пришли взглянуть на убитую и Игнашка съ «Доріаномъ Греемъ». Огромный, какъ слонъ, Игнашка наполнилъ собой всю мертвецкую и набожно крестился. Онъ уже зналъ, что въ этомъ дѣлѣ обвиняется Катька, и только крутилъ своей стриженной, круглой, какъ шаръ, головой.

— Ну-ну... Господи, помилуй!..

Игнашка зналъ, что среди толпы, набившейся въ мертвецкую, непременно есть сыщики и сыщицы, и оттого по привычкѣ дѣлалъ видъ, что совсѣмъ незнакомъ съ «Доріаномъ Греемъ».

Но на улицѣ, когда они вышли изъ этой вздыхаю-

щей и молитвенно настроенной толпы, онъ только взглянулъ въ глаза товарищу и покрутилъ головой:

— Видаль? Ну-ну!.. — Наконецъ-то хоть на одну «косую блямбу» надѣнуть желѣзные браслеты!.. Дай Богъ часъ!...

«Доріанъ» зналъ, что на каторжныхъ женщинъ кандалы не надѣваются, но онъ былъ слишкомъ подавленъ впечатлѣніемъ и молчалъ. Только въ трактиръ, куда они забрели совсѣмъ машинально и больше по привычкѣ, онъ спросилъ:

— А какъ ты думаешь — нашъ Васька тоже?.. Тоже съ Катькой?..

— Ни-ни-ни...

— Да вѣдь и его къ этому дѣлу припили? Арестованъ, какъ соучастникъ?

— Глупости... Подержать и выпустятъ. Въ этотъ день Васька у меня въ купальнѣ ночевалъ и съ утра до вечера мы рыбу ловили. Свидѣтели есть: я, городской Павелъ и судебный приставъ Прохоровъ — всѣ вмѣстѣ ловили... Да и Васька не такой хлопецъ... Это «косая блямба» — дѣло ясное!.. А что арестовали и Ваську — это сторяча... Человѣкъ двѣнадцать взяли... Подержать и выпустятъ!..

Игнашка говорилъ увѣренно и съ наружнымъ спокойствіемъ. Но на душѣ у него, по собственному его выраженію, было «моркотно». Это чужое дѣло упало на ихъ шайку, какъ камень на голову. — Чортъ его знаетъ, что начнетъ говорить на допросахъ Катька. Отъ этой гадины всего можно ждать. Всѣ дни передъ убійствомъ она была сама не своя... и, чего добраго, начнетъ «подсыпать». При томъ же въ дѣлѣ замѣшано столько малолѣтнихъ и, какъ на зло, дѣло ведетъ лучший слѣдователь въ городѣ — опытный, умный, хорошо знающій преступный міръ.

— А ну, какъ Васька начнетъ «звонить» и закопаетъ всѣхъ? — тревожно спросилъ и Доріанъ Грей.

— Не можеть этого быть... Не такой хлопец... Васька — хлопец крѣпкій. Вотъ Катька...

— А все-таки, если Васька выкрутится, я ему первымъ дѣломъ морду набью...

— И я набью... Чтобъ не путался сукинъ сынъ съ чужими шайками... А что онъ выкрутится—это навѣрное...

Игнашка, однако, оказался правъ только наполовину. Судебный слѣдователь чрезвычайно быстро разобрался во всемъ этомъ дѣлѣ и распуталъ все, что напутала сыскная полиція. Обвиненіе въ убійствѣ было предъявлено только Ванькѣ и Катькѣ. А всю мелкоту, захваченную широкимъ полицейскимъ неводомъ, частью выпустили, частью передали въ распоряженіе спеціального судьи, занимавшагося дѣлами малолѣтнихъ преступниковъ.

Ни Ваську, ни Женьку, однако, не отпустили. Слѣдователь не сомнѣвался въ полной непричастности Васьки къ убійству, но настоящую профессію мальчика онъ установилъ на первомъ же допросѣ.

— Откуда у тебя тѣ сто рублей, что нашли въ твоемъ карманѣ при обыскѣ? Откуда у тебя этотъ костюмъ, эти новые сапожки? Заработалъ, говоришь? — Гдѣ заработалъ? У кого заработалъ?

Васька вертѣлся, какъ карась на сковородѣ. Онъ краснѣлъ, путался, вралъ, божился, но слѣдователь даже не слушалъ его и все повторялъ свое:

— Я спрашиваю, гдѣ ты взялъ сто рублей? Откуда костюмъ? — Нашелъ, говоришь, кошелекъ? — Дурачокъ! И деньги нашелъ, и костюмъ нашелъ, и сапоги нашелъ? Такъ не бываетъ. И, глядя въ упоръ на путающагося и сбивающагося Ваську, слѣдователь подробно, точно и безъ одной ошибки, разсказалъ Васькѣ все, что происходило въ квартирѣ Штейна.

— Ты и Ванька Прачкинъ переодѣлись дѣвочками и пришли въ квартиру Штейна въ 10 часовъ вечера. Не такъ? Васъ впустила убитая Зоська вы вошли въ

кабинетъ и принялись за работу: ты за письменный столъ, а Ванька за кассу... Не такъ?

Васька стоялъ какъ потерянный и смотрѣлъ въ землю, а слѣдователь спокойно, шагъ за шагомъ, раскрывалъ передъ нимъ всю картину преступленія и съ такой точностью, какъ будто онъ и самъ былъ въ кабинетъ Щейна и все видѣлъ своими глазами.

— Значить, Ванька выдастъ... — сообразилъ Васька.

Единственно, что удалось мальчику скрыть отъ этого всевидящаго человѣка — это свою настоящую фамилію и свое семейное положеніе.

Онъ назвался Петриченкой, какъ училъ его когда-то Игнашка, и объявилъ себя сиротой безъ отца и матери.

Женькой слѣдователь интересовался только какъ свидѣтельницей. Но такъ какъ у нея нашли колечко съ камушкомъ, когда-то подаренное Васькой, и такъ какъ знакомство съ Васькой она не скрывала, то дѣло о ней передали мировому судѣ и подъ арестомъ продержали очень недолго.

Женьку держали въ женской камерѣ при участкѣ и ночь она провела вмѣстѣ съ воровками, проститутками и пьяницами. Всю ночь Женька рыдала какъ безумная. Она уже знала, что Зоську убили и даже видѣла ея трупъ и это такъ потрясло душу дѣвочки, что она на яву бредила.

— Тетеньки, голубочки, миленькія тетеньки! — зывала она, какъ въ безпамятствѣ, къ пьянымъ проституткамъ и поднимала къ нимъ свои дѣтскія руки. — Убили.... Мою подругу... Зосичку бѣдную, до смерти, до смерти... Молоткомъ по головѣ...

Ее сначала слушали и спрашивали, но ночью, когда громкій плачъ дѣвочки мѣшалъ спать, двѣ-три руки пртянулись къ Женькиной головѣ и въ камерѣ послышались звуки затрещинъ.

Утромъ, у слѣдователя, Женька была уже тише и спокойнѣе. Она могла отвѣчать на вопросы и, какъ

это часто бываетъ у дѣтей послѣ сильнаго плача, не переставая икала.

Слѣдователь допрашивалъ ее больше часа и больше часа Женька всхлипывала и икала. Она уже не плакала, но всхлипывала по инерціи, оттого что не могла остановиться, проплакавши всю ночь.

Слѣдователь допрашивалъ мягко и ласково, даже нѣжно. Но душа у Женьки была до того убита, что она не замѣчала ни ласковаго голоса, ни сочувствующихъ взглядовъ. Какая-то тупая безнадежность и полная апатія наполнили всю ея душу. Когда же на другой день послѣ допроса, городской, съ книгой въ рукѣ, взялъ Женьку за рукавъ и повелъ черезъ весь Крещатикъ въ камеру мирового судьи, Женька мысленно махнула на себя рукой.

— Судить будутъ... Что-жъ... пускай убиваютъ...

Въ камерѣ, однако, Женька никакого судьи не видѣла, а просидѣла цѣлый часъ въ запертой, пустой комнатѣ. Городовой съ книгой стоялъ у дверей, а она сидѣла на стулѣ возлѣ стѣнки и все икала, хотя и не такъ часто, какъ у слѣдователя.

Женькѣ было страшно судьи и было непонятно, за что хотятъ ее судить. Но нравственная усталость и апатія лежали на душѣ ея такимъ камнемъ, что она уже сама себя вынесла приговоръ:

— Что-жъ... Пускай убиваютъ...

Черезъ часъ, однако, запертая дверь отворилась, но въ комнату вошелъ не судья, котораго ждала Женька — а очень красивая и очень хорошая одѣтая дама. Дама махнула рукой городовому и онъ исчезъ.

— Иди сюда, Женя, садись къ столу...

Не безъ удивленія, Женька приподнялась и робко подошла.

— Садись...

— Я и постою...

— Нѣтъ, лучше садись и я сяду... Вотъ такъ...
— Хочешь чаю, Женя?

Женька даже не поняла вопроса.

— Я спрашиваю, хочешь ты чаю? Вѣдь ты, навѣрное, съ утра ничего не ѣла?

— Не... Не хочу...

— А что ты такая заплаканная? Тебя никто не билъ, когда ты сидѣла въ участкѣ?

— Не...

— Такъ чего же ты плакала?

— Подругу у меня убили... Такъ мнѣ жалко было...

Дама вздохнула.

— Это Зосю? Да, я знаю...

На этотъ разъ Женька уже съ откровеннымъ удивленіемъ посмотрѣла въ красивые синіе глаза дамы.

— Ты что такъ смотришь? Тебѣ удивительно, что я знаю? Но я попечительница при мировомъ судѣ и намъ о тебѣ бумагу прислали. Я уже все про тебя знаю: у кого ты жила, чѣмъ ты занималась, кто твоя мать была... И про бѣдную Зосю все знаю...

Дама говорила такимъ пріятнымъ, такимъ ласковымъ голосомъ, что отъ одного ея голоса Женька заплакала.

— Ты не плачь, не плачь, дѣвочка... Довольно, уже ты плакала...

Глубоко, въ самое сердце Женьки проникалъ этотъ ласковый грудной голосъ дамы. И чѣмъ ласковѣе былъ голосъ, тѣмъ больше хотѣлось плакать.

Женька закрыла руками лицо и заплакала, наконецъ, неудержимо.

Дама уже не останавливала ее, а только изрѣдка проводила рукой по головѣ Женьки и печальными понимающими глазами, разсматривала дѣвочку во всѣхъ ея профессиональных подробностяхъ.

— Завитые волосы на головѣ и грязная шея. Полированные ногти «маникюръ» и грязныя, совсѣмъ грязныя

руки... Дѣтское и проституціонное, наивное и порочное здѣсь сплелись въ одинъ клубокъ и только прелестные, чистые, совсѣмъ дѣтскіе глаза Женъки говорили, что душа эта еще не убита улицей.

— Слушай, Женя... Да полно тебѣ плакать... — Слушай-ка, ты бы хотѣла отсюда къ своей матери поѣхать?

— Не... Ни за что...

— Отчего же?

— Будутъ бить... Лучше, барыня, пускай меня въ тюрьму посадятъ... Мнѣ въ тюрьмѣ лучше будетъ...

— Дурочка какая... Да за что же тебя въ тюрьму? Развѣ дѣтей въ тюрьму сажаютъ, что ты, Господь съ тобой?...

— А куда-жъ меня засудятъ?

— Какъ это «засудятъ», что ты такое говоришь? Никуда не «засудятъ»... Мы тебя въ пріютъ отдадимъ, если хочешь... У насъ очень хорошій пріютъ... Двадцать дѣвочекъ тамъ живутъ такихъ, какъ ты... Учатся шить, кроить, читать — писать... Вродѣ, какъ школа... Тамъ и спать дѣти, и обѣдаютъ, и въ саду бѣгаютъ... Я тоже тамъ учительница...

— А на волю меня не выпустятъ изъ пріюта?

— Какъ же не выпустятъ? Конечно, выпустятъ... Немножко подрастешь, научишься что-нибудь дѣлать, работать, а потомъ куда-нибудь на мѣсто поступишь...

— А когда-жъ надо ѣхать въ эту школу?

— Да вотъ сегодня и поѣдешь со мной... Только еще судья съ тобой поговорить, а потомъ сядемъ на ивозчика и поѣдемъ...

— Еще судья, значить? Судить еще будутъ?

— Дурочка ты, дѣвочка... Судья у насъ очень добрый... Поговорить, бумагу напишетъ и поѣдемъ... Надо же бумагу ему написать?..

— Съ вами, барыня, поѣдемъ?

— Со мной... Только не называй меня, пожалуйста,

«барыня», меня зовутъ Валентина Александровна... — Ну, вставай, пойдемъ къ судѣ поговоримъ...

Женька не успѣла и опомниться, какъ дама взяла ее за руку и повела черезъ корридоръ.

Въ камерѣ за столомъ сидѣлъ молодой, бритый человекъ, съ золотой цѣпью на груди, и о чемъ-то ласково спрашивалъ какую-то дѣвочку въ рваной кацавейкѣ.

Дѣвочка въ кацавейкѣ (совсѣмъ маленькая, лѣтъ 10-ти) рассказывала судѣ длинную исторію про какія-то серебряныя ложки. Она часто божилась и говорила, что ложекъ не крада, («накажи меня Богъ, не крада!», а только взяла у хозяйки, потому что бабушка была именинница и надо было бабушку съ днемъ ангела поздравить. Но старшій братъ Сенька ложки отнялъ и, вмѣсто того, чтобы поздравить бабушку съ ангеломъ, продалъ ложки лавочнику, Прохору Степановичу...

Дѣвочка говорила долго и Женьку очень удивило, что такая маленькая дѣвочка ничего не боится и такъ смѣло говорить. Но еще удивительнѣе было Женькѣ, что судья часто смѣялся и не только не «кричалъ» на дѣвочку, но даже шутилъ съ ней.

Когда эту дѣвочку потомъ отпустили, судья подошелъ къ столу Женьку и началъ разговаривать съ ней. И опять Женькѣ показалось ужасно странно, что судья съ золотой цѣпью на шеѣ «ничего не судилъ», а только очень ласково разговаривалъ и спрашивалъ. — Давно ли она знаетъ мальчика Ваську, хорошій ли это мальчикъ, что онъ ей подарилъ, и какъ ей жилось у хозяйки, и не били ли ее, и хорошо ли кормили, и часто ли звали ее къ Штейну и что дѣлали у Штейна?

Женька на всѣ вопросы отвѣчала съ наивною искренностью и только недоумѣвала, когда же судья начнетъ «судить». Но онъ такъ «ничего и не судилъ». А поговоривши о Васькѣ и о хозяйкѣ, сталъ спрашивать про мать и про вотчима. Женька опять съ полнымъ простодушіемъ отвѣчала на всѣ вопросы.

Судья разспрашивалъ очень подробно, но такъ ничего и не «судилъ». А когда все разспросилъ, то что-то записалъ и что-то сказалъ о пріютѣ (Женька не совсѣмъ поняла, что именно), а потомъ вызвалъ другую дѣвочку и началъ уже съ ней разговаривать. Женьку же увела въ другую комнату все та же красивая и добрая дама.

А черезъ часъ, вдвоемъ съ дамой, онѣ поѣхали на извозчикѣ далеко на окраину Кіева, въ пріютъ...

XXIV.

Валентина Александровна Хрущова была извѣстна въ Кіевѣ, какъ одна изъ самыхъ выдающихся и талантливыхъ женщинъ. Широко-образованная, юристка по специальности, красивая, молодая, — она, казалось, имѣла всѣ права на маленькое человеческое счастье.

Но именно этого простенькаго, этого первоначальнаго счастья жены и матери, судьба и не дала ей. Ея мужа, котораго она любила безъ памяти, убили на дуэли, а черезъ три года послѣ этой ошеломляющей смерти, въ одну недѣлю, умерли отъ скарлатины ея двѣ дѣвочки-гимназистки. Этотъ второй ударъ едва не погасилъ разума бѣдной женщины.

Въ городѣ открыто говорили о сумашествіи, которое выражалось въ томъ, что осиротѣвшая мать нѣсколько недѣль лежала въ кабинетѣ мужа на диванѣ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, и не отвѣчала ни на одинъ вопросъ окружающихъ. Въ рукахъ она день и ночь держала портреты мужа и дочерей и приходила въ буйную ярость, когда врачи или родные пробовали взять у нея эти портреты и уговаривали что-нибудь поѣсть. Но черезъ три мѣсяца это прошло. Появились слезы и появился новый, болѣзненный интересъ къ роднымъ могиламъ и къ кладбищу. Цѣлые дни Валентина Александровна проводила

у этих холмиковъ черной земли и все убирала, и все обсаживала ихъ цвѣтами и непремѣнно сама, и непремѣнно своими руками. Не было на всемъ кладбищѣ такихъ рѣдкихъ и пышныхъ розъ, такихъ прелестныхъ незабудокъ и жемчужныхъ ландышей, какъ на «хрущовскихъ» могилкахъ. И эти цвѣтушіе благоухающіе холмики несли съ собой щемлящее утѣшеніе и давали сердцу горькую отраду.

И, можетъ быть, эти холмики и спасли бѣдную женщину отъ безумія. Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ на свѣжемъ воздухѣ, въ постоянномъ физическомъ трудѣ, выровняли душу и возвратили къ жизни. Кладбище возродило ее и мертвые сказали: живи!

Но отъ личной жизни Валентина Александровна отказалась и, по собственному ея выраженію, «ушла въ монастырь». Но не въ тотъ монастырь, куда уходили наши бабушки, а въ другой — въ общественную работу, въ жизнь для другихъ. Больше всего ее интересовали дѣти и, потерявши своихъ, она всей душой прилѣпилась къ чужимъ. Ея большое состояніе уходило на школы, на гимназіи, на пріюты, на дѣтскія больницы. Она поспѣвала всюду и всюду вносила личный трудъ. Большой трудъ, тяжелый и неусыпный.

Между прочимъ, она открыла пріютъ и для малолѣтнихъ проститутокъ и посадила туда директрисой свою бывшую гувернантку, сѣдую и энергичную дѣвушку-шведку.

Изъ всѣхъ пріютовъ, въ которыхъ Валентина Александровна работала, это былъ самый трудный. Но именно огромная, даже непомѣрная трудность задачи и прельщала ее. Дѣло было новое и совсѣмъ небывалое. Приходилось лѣчить дѣтей и отъ венерическихъ болѣзней, и отъ наклонностей къ алкоголю, и отъ зарождающейся проституціонной истеріи. Приходилось бороться съ руганью, съ эротоманіей, съ воровствомъ и съ наклонностями къ побѣгамъ. Но больше всего приходилось бороться съ

мужчинами. Юнкера, гимназисты, молодые офицеры, барскіе лакеи и сѣденькіе мышинные жеребчики — всѣ смотрѣли на пріютскихъ дѣвочекъ, какъ на отнятую у нихъ добычу. Дѣвочекъ преслѣдовали на прогулкахъ, въ церкви, въ саду. Подбрасывали имъ записочки, подкупали прислугу, обѣщали золотыя горы въ случаѣ побѣга. Были попытки даже выкрадывать дѣвочекъ и были случаи, когда юнкера силой врывались въ пріютъ и «требовали» свиданія.

Но энергичная начальница-шведка побѣдоносно отражала всѣ эти атаки. Однажды ей пришлось даже вынуть револьверъ, чтобы охладить пылъ двухъ юнкеровъ, вломившихся въ пріютъ въ нетрезвомъ видѣ.

Только, когда у воротъ пріюта сталъ дежурить дюжій, слонообразный городовоі, специально назначенный по просьбѣ Валентины Александровны, набѣги прекратились и опасность «умыканія» отошла въ прошлое.

Женькѣ очень понравилось въ пріютѣ. Ее занимали и голубенькія форменныя платья, у всѣхъ одинаковыя, и школа, и книги, и «бесѣды» въ классѣ, которыя вела Валентина Александровна. Очень правилась и «собственная» грядка въ пріютскомъ огородѣ, и цвѣтникъ, который сами дѣвочки насадили, и чтенія вслухъ по вечерамъ, и шитье, и работа на кухнѣ.

Но больше всего понравилась Валентина Александровна. Женька не могла безъ умиленія смотрѣть въ прекрасное, почти всегда грустное, лицо этой женщины и особенно въ большіе синіе глаза съ длинными рѣсницами и съ тонкими соболями бровями. Ничего подобнаго за всю свою коротенькую жизнь Женька еще не видѣла. Она не могла даже представить себѣ, что на свѣтѣ есть люди, которыя никогда не ругаются, никогда не «кричатъ», никогда не попрекають кускомъ хлѣба. Всѣ одиннадцать лѣтъ своей жизни Женька прожила безъ любви и безъ ласки, какъ цвѣтокъ безъ солнца. Все, что она видѣла до сихъ поръ, было ужасно: пьяная семья, побои, нищета,

и затѣмъ сводницы, коты, пьяные гости съ ихъ обезьяней похотью, тапцы у Штейна... Въ первый разъ въ жизни Женька увидѣла другой міръ и другихъ людей. И она кончила тѣмъ, что безъ памяти влюбилась въ Валентину Александровну — влюбилась страстно. Когда недѣли черезъ три послѣ поступленія въ пріютъ, Валентина Александровна похвалила дѣвочку за хорошіе успѣхи въ школѣ, погладила по головѣ и поцѣловала. Женька такъ разрыдалась, что пришлось увести ее въ другую комнату.

— Что ты, Женя, что съ тобой, дружочекъ, о чемъ ты? — спрашивала Валентина Александровна, лаская дѣвочку.

А Женька вся тряслась отъ рыданій, ловила руки своей учительницы и страстно, бурно повторяла какъ въ безпамятствѣ:

Вы... Вы—какъ мать Божья... совсѣмъ совсѣмъ... какъ мать Божья...

Вся маленькая душа дѣвочки раскрылась въ этомъ порывѣ и Валентина Александровна просидѣла съ ней, запершись, цѣлый часъ... Въ классъ онѣ вернулись потомъ обѣ заплаканныя, обѣ взволнованныя и умиленные. И обѣ чувствовали, что въ сердце ихъ вошло что-то новое, и радостное, и большое, — вошло надолго и, можетъ быть, навсегда...

Отъ новыхъ подружекъ, поступившихъ въ пріютъ Женька получала кое-какія свѣдѣнія о Васькѣ. Дѣвочка Манька, съ которой Женька раза два ночевала когда-то въ макулатурѣ, рассказала, что Васька все еще сидитъ подъ арестомъ и что его навѣрное «засудятъ» и за кражу и за Зоську.

— Въ каторгу пойдетъ сволочь!.. Пускай не убиваетъ!..

Женька съ негодованіемъ отвергла всякую мысль объ участіи Васьки въ убійствѣ.

— Ты врешь Манька, ты врешь!.. Васька... Го-

споди, развѣ я не знаю Васьки? — онъ и не думалъ убивать, онъ любилъ Зоську, онъ нѣкогда, пикогда... Это ты нарочно Манька, выдумываешь, чтобы меня злить. Ты проклятая, Манька... Ты — гадука злая!...

— Очень мнѣ нужно злить такую подлизу? Не вѣришь теперь, такъ потомъ повѣришь!...

Манька не любила Женьку за ея слишкомъ восторженное отношеніе къ Валентинѣ Александровнѣ. Это были школьные враги — непримиримые и ожесточенные. Уже почти большая, Манька всегда была побѣдительницей и въ словесныхъ и въ кулачныхъ схваткахъ. Она не пропускала случая подразнить дѣвочку и нарочно въ ея присутствіи строила догадки, съ кѣмъ «живетъ» и съ кѣмъ «путается» Валентина Александровна.

Манькѣ было уже 16-ть лѣтъ безъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Она уже три года занималась проституціей, была больна венерической болѣзью и во всѣхъ движеніяхъ ея, въ голосѣ, въ походкѣ, въ безпрерывныхъ ссорахъ — чувствовалась явно выраженная истеричка.

Манька была условно осуждена за кражу часовъ у «гостя» и поступила въ пріютъ по приговору мирового судьи. Но привычка къ другой жизни — къ ресторанамъ, мужчинамъ и отдѣльнымъ кабинетамъ, — сдѣлала то, что эта дѣвочка возненавидѣла пріютъ, какъ тюрьму. Книги, уроки, диктовки и даже форменное голубое платье и форменный голубой капоръ выводили ее изъ себя. Очень хорошенькая, замѣчательно красиво сложенная, Манька знала, какъ цѣнить ее мужчины и гордилась, что «на волѣ» зарабатывала по 25 и по 50 рублей за ночь.

Въ городѣ у Маньки былъ любовникъ, вольноопредѣляющийся изъ купцовъ, Петя, веселый, богатый и красивый паренекъ, который какимъ-то чудомъ ухитрялся вести съ Манькой тайную переписку.

Въ каждомъ письмѣ Петя писалъ, что онъ «застрѣлится», что онъ уже купилъ револьверъ и сто патроновъ и что, если Манька не убѣжитъ изъ пріюта, тѣ пусть по

крайней мѣрѣ придетъ когда-нибудь на кладбище поплакать на его могилѣ. О своей «могилѣ» Петя писалъ такъ подробно и такъ трогательно, что Манька цѣлыя ночи напролетъ плакала.

«Въ головахъ на моей могилѣ посади, Манька, сирень, а еще лучше — калину. Пусть прилетаютъ птички. Эхъ, Манька, черезъ тебя, черезъ твою красоту, я, можетъ быть, самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ. Еще три дня подожду, а потомъ — конецъ!»

Эти письма, потихоньку отъ старшихъ, читались вслухъ и не только Манька, но и всѣ дѣвочки горько плакали и говорили:

— Бѣжать! непременно бѣжать! Дѣвочки свято вѣрили, что Петя непременно застрѣлится. и что тогда отъ всей этой глѣзны, до слезъ трогательной любви, останется только кустъ сирени.

По ночамъ дѣвочки тихонько «чтобъ не услышала Женька-подлиза» шушукались о побѣгѣ и обдумывали какъ это вѣрнѣе сдѣлать.

Но когда прошло три дня, Петя прислалъ еще одно письмо и назначилъ новые три дня сроку, причемъ опять не забывъ сдѣлать распоряженія насчетъ своей могилы. Однако, это письмо попало въ руки директрисы-шведки и за Манькой былъ установленъ такой надзоръ, что ничего было и думать о какомъ бы то ни было побѣгѣ.

Съ досады Манька стала нервничать дерзить и ссориться съ подругами. Нѣсколько разъ она безъ всякаго повода отхлестала по щекамъ маленькую Женьку и всякій разъ при этомъ приговаривала:

— Иди жалуйся, подлиза паскудная! Скажи своей паршивой барынѣ, что я плевать на нее хотѣла!..

Женька никогда не жаловалась, но ей было невыносимо слышать, что ругаютъ Валентину Александровну. Въ такихъ случаяхъ ея огромные глаза вспыхивали, какъ сѣрыя звѣзды, и, забывая себя, она лѣзла въ драку, царапалась, кусалась и пвырялась камнями.

На одну такую драку, когда сильная Манька залѣпила пощечину Женькѣ, нечаянно налетѣла Валентина Александровна.

— Это что такое? Какъ ты смѣешь?

Валентина Александровна была ошеломлена не столько этой пощечиной, сколько арестантской, каторжной бранью, которой Манька сопровождала свои удары. Грубая, ципичная, грязная брань такъ и щелкала, какъ бить, по ушамъ.

Маньку заперли въ пустой классъ на ключъ, а Валентина Александровна, вся взволнованная и растерянная, пошла къ директрисѣ чтобы посоветоваться, какъ быть и какое наказаніе придумать для Маньки. Но черезъ пять минутъ прибѣжали испуганныя дѣвочки, съ Женькой во главѣ, и объявили, что Манька «взбунтовалась».

— Не ходите! Не ходите туда, она зарѣжется!...

Женька такъ и уцѣпилась за юбки Валентины Александровны, но шведка уже пришла на помощь и насильно увела Женьку къ себѣ въ комнату. Валентина Александровна услышала звонъ разбиваемыхъ оконъ и все ту же невѣроятную арестантскую ругань.

— Не смѣютъ меня держать! Не смѣютъ! Я не хочу, я не маленькая! Я черезъ васъ, сволочей, какіе убытки терплю!.. Я по 25 рублей въ день зарабатывала!..

Опять зазвенѣло разбитое стекло и опять звонкая, хлесткая, площадная брань защелкала въ воздухѣ.

Валентина Александровна повернула ключъ и вошла.

— Что, пришла, барыня милая, святая, непорочная? Ха-ха! Я такъ и знала, что ты придешь!.. Ну такъ смотри!.

Вся блѣдная, съ перекошеннымъ ртомъ и съ растрепанными волосами, Манька въ бѣшенствѣ срывала съ себя одежду. Она разорвала голубенькое форменное платье, растерзала въ клочки рубаху и скоро осталась въ однихъ чулкахъ и туфляхъ.

— Что, не видала еще голыхъ дѣвочекъ съ Крещатика?

Такъ смотри! Смотри! Ты думаешь, я гимназистка, ха! Голубое платье твое мнѣ нужно? Я — дѣвка, а не гимназистка! Слышишь — дѣвка, дѣвка, дѣвка!.. Мнѣ хлопцы нужны, а не диктовка твоя! Ха-ха-ха!..

Въ классѣ стоялъ на столѣ глобусъ и разъяренная Манька схватила его и швырнула въ окно. Опять посыпались стекла.

— Видѣла? Еще не то будетъ! Ты думаешь, мнѣ твоя географія нужна, твой «Пустынникъ и Медвѣдь» мнѣ понравился? Ха-ха! Мнѣ хлопцы, хлопцы нужны, я съ хлопцами гулять хочу, слышишь?

Валентина Александровна, блѣдная, какъ платокъ, оглушенная, дрожащая, стояла у дверей и большими круглыми глазами смотрѣла на эту голую дѣвушку и ничего не понимала.

Между тѣмъ, на звонъ разбиваемыхъ стеколъ въ пріютъ вбѣжалъ городской и, почтительно держа руки по швамъ, склонился къ Валентинѣ Александровнѣ:

— Прикажете набить морду, сударыня... Пятиминутное дѣло... Все будетъ въ порядкѣ...

Валентина Александровна смотрѣла на него все такими же круглыми непонимающими глазами и, видимо, ничего не могла сообразить. Городской? Здѣсь? Зачѣмъ? Кто его просилъ?

А городской, все прижимая руки по швамъ, еще почтительнѣе склонялъ къ Валентинѣ Александровнѣ свое усатое и круглое, какъ у сытого кота, лицо:

— Я докладываю, сударыня, — прикажете набить морду... Въ пять минутъ...

На этотъ разъ Валентина Александровна поняла и нахмурила брови:

— Кто васъ звалъ сюда? Ступайте вонъ!

Городской на цыпочкахъ, съ почтительнымъ недоумѣніемъ въ лицѣ, юркнулъ за дверь.

Оставшись опять наединѣ съ голой и дрожащей въ припадкѣ бѣшенства Манькой, Валентина Александров-

на подошла къ ней и не возвышая голоса, спокойно, какъ дрессировщикъ звѣрей въ клѣткѣ, сказала:

— Ну, Маня, ты сдѣлала свое дѣло... Теперь одѣвайся и ступай!.. Я никого не держу насильно... Ступай, куда хочешь...

— Ага! Испугалась, барыня добрая? Дѣвки-скандалистки боишься, ха-ха?.. Три мѣсяца былъ «Пустынникъ и Медвѣдь», а теперь — ступай?.. Ха-ха-ха!..

Валентина Александровна повернулась, чтобы уйти, но въ дверяхъ неожиданно столкнулась съ мировымъ судьей и съ пріютскимъ докторомъ. Оба они были почитателями пріюта и часто навѣдывались сюда. Надо думать, что городской уже вкратцѣ сообщилъ судѣ о положеніи дѣла, потому что судья и докторъ не вошли, а вбѣжали въ комнату. Они слышали, какъ говорила съ Мапъкой Валентина Александровна и слышали ея слова «ступай», и оба энергично запротестовали.

— Позвольте, Валентина Александровна, какъ же это «ступай», какъ же ее отпустить? Вѣдь она условно осуждена за кражу, вѣдь если она не будетъ здѣсь, то я долженъ буду отправить ее въ тюрьму?

— Прежде всего выйдемъ отсюда, господа!..

Въ корридорѣ взволнованный судья повторилъ свои доводы, а докторъ еще прибавилъ:

— И потомъ она вѣдь больна, Валентина Александровна, заразительной болѣзью... Ее надо отправить въ больницу. Позвольте лучше всего мы сами съ ней поговоримъ. Вы такъ взволнованы, такъ разстроены, позвольте намъ...

Судья и докторъ какъ-то бочкомъ вошли въ классъ, а Валентина Александровна осталась за дверью. Но въ ту же секунду послышался новый звонъ разбитыхъ стеколъ и опять понеслась ужасающая брань и крики. — Что, помощники пришли? Докторъ и судья на одну голую дѣвку, ха-ха? Гимназистку изъ меня хотите

сдѣлать? — Ну, подходи ко мнѣ, кто хочет по мордѣ получить!

Повидимому, ни судья, ни доктор не ожидали такого оборота дѣла, а главное не ожидали такого урагана брани. Менѣе, чѣмъ черезъ минуту, оба они, какъ пуля, выскочили изъ класса, и взволнованный судья пальцемъ поминалъ стоявшаго въ почтительномъ отдаленіи городского...

— Вотъ что, Гладинюкъ... Ты... распорядись здѣсь, пожалуйста... Прикажи одѣться и отвезешь потомъ съ моей запиской въ больницу...

— Слушаю, ваше благородіе...

— Только... безъ рукъ, Гладинюкъ. Понялъ?

— Такъ точно, ваше благородіе... Будьте спокойны, черезъ пять минутъ будетъ порядокъ.

Городовой тихонько вошелъ въ классъ, плотно закрылъ за собой дверь и, подобченившись, долго и пристально поглядѣлъ на Маньку.

— Ишь, паскуда!.. Ты что жъ, думаешь, что тутъ уже и людей нема, и морду тебѣ набить некому, а? Голая ходишь, а? Закройсь, я тебѣ сказываю, паскуда!

Городовой говорилъ, почти не возвышая голоса и совершенно безъ гнѣва. Но видно было, что ему и въ голову не приходило, что его, городского Гладинюка, можетъ не послушаться эта дѣвочка-скандалистка. Для мирового судьи и, въ особенности, для Валентины Александровны — это былъ кошмаръ, ужасъ, невѣроятный скандалъ и прямо трагедія. Но для Гладинюка это было пятиминутное дѣло.

Почувствовала эту разницу и Манька. Она какъ будто поняла, что въ комнату вошелъ не человѣкъ, а стихія, и что съ этой стихіей и нельзя и бесполезно бороться. Манька какъ-то сразу затихла, забилась въ уголъ и стала молча перебирать свою растерзанную одежду. Теперь она уже не ругалась и не сквернословила, а говорила только о своихъ «убыткахъ».

А городской Гладинюкъ, не слушая ея, все продолжалъ въ прежнемъ тонѣ:

— Ишь, и одежду казенную порвала, и стекло набила рублей на восемь... Хотѣлъ бы я повидать, какъ бы это ты при мѣ стекла была?... Оч-чень хотѣлъ бы я это повидать... — Ну, живо, не копайся тамъ! Въ больницу со мной поѣдешь!

— Въ больницу? Въ какую больницу? Я не хочу въ больницу!

Городовой снисходительно улыбнулся. — А развѣ я тебя, дурочку, спрашиваю, чи ты хочешь, чи не хочешь? Я говорю — поѣдешь и шабашъ!

— Я не поѣду въ больницу!..

Городовой опять снисходительно и словно нехотя улыбнулся.

Очень я хотѣлъ бы это повидать, какъ ты со мной не поѣдешь... — Ну, долго ты тамъ будешь копаться? Одѣвайся, я тебѣ скажу!

Но одѣваться, въ сущности, было не во что. Все платье и все бѣлье было истерзано въ клочки. Городовой замѣтилъ это, открылъ дверь и что-то шепнулъ въ корридоръ. Черезъ минуту чья-то рука просунула въ дверь новое платье и новое бѣлье.

А еще черезъ пять минутъ Гладынюкъ уже стоялъ въ корридорѣ рядомъ съ затихшей и плачущей Манькой и, вытянувшись передъ судей, держалъ руку подъ козырекъ.

— Отвезешь въ городскую больницу...

— Слушаю, ваше благородіе.

— И отдашь вотъ эту бумагу старшему врачу. Непремѣнно старшему... Понялъ?

— Точно такъ, понялъ... Все будетъ въ порядкѣ, ваше благородіе, не извольте беспокоиться...

А въ дальней комнатѣ въ это время, забившись въ уголъ дивана, тоже тихонько плакала Валентина Александровна. Съдая, какъ лунь, старенькая гувернантка-шведка обхватила ее обѣими руками и прижималась щекой къ щекамъ, тоже плакала...

— Что жъ это такое! Христиночка? Что это, Господи? — все повторяла, сквозь слезы Валентина Александровна.

— Но, Валя, разъ мы спустились въ самый адъ, то надо же было ожидать, что мы встрѣтимъ тамъ чорта...

Обнявшись, они сидѣли такъ почти до сумерокъ и все плакали — тихо, молча, почти безъ словъ...

А въ корридорѣ въ это время, подлѣ запертой двери, стояла заплаканная, блѣдная, большеглазая Женька и всхлипывая все ждала, когда же, наконецъ, откроется эта дверь и можно будетъ хоть поцѣловать эту милую, тонкую, блѣлую руку съ двумя обручальными кольцами на безымянномъ пальцѣ...

XXV.

Ванька сидѣлъ въ тюрьмѣ въ состояніи полной подавленности. Первые дни послѣ ареста, онъ почти не спалъ, не ѣлъ и валялся на своей жесткой тюремной койкѣ безъ движенія и безъ мыслей.

То ощущеніе тупого ужаса, которое охватило его еще тамъ, на мосткахъ Царскаго сада, когда Катька приказывала ему перебросить тѣло Зоськи черезъ перила, продолжалось и теперь. Еще тамъ, на мостикѣ, онъ сразу въ послѣдній мигъ почувствовалъ, что воровской законъ, предписывающій смерть за предательство, — совсѣмъ не законъ. Но некрасивая дѣвочка съ гребешкомъ на разбитой головѣ — это законъ и большой, очень большой законъ.

Но теперь уже нѣтъ этой дѣвочки и никогда больше не будетъ, и это онъ, Ванька, сдѣлалъ такъ, что она висѣла надъ пропастью, ухватившись за нижнюю перекладину периль.

— Неужели онъ? Нѣтъ, это Катька, Катька, Катька это сдѣлала!..

Никакого зла и ни малѣйшаго гнѣва противъ убитой теперь не было. Ванька все старался хоть намѣренно разбудить въ своей душѣ гнѣвъ и хоть насильно зажечь потухшую ненависть. Но какъ тамъ, на мостикѣ, онъ почувствовалъ, что нѣтъ закона, предписывающаго смерть за предательство, такъ и здѣсь, въ тюрьмѣ, онъ не ощущалъ уже этого закона и ненависть къ Зоськѣ больше не зажигалась. Теперь были другія мысли и другой законъ смутно, расплывчато возникалъ въ сознаніи. Объ этомъ другомъ законѣ Ванька никогда раньше не думалъ и никогда не зналъ, что онъ есть, но теперь этотъ другой, неизвѣстный законъ самъ стучался въ душу и невозможно было уйти отъ него. Три момента было невыносимо вспоминать Ванькѣ: когда онъ съ размаха, такъ тяжело ударилъ Зоську сапогомъ подъ бокъ и когда она чуть подлетѣла отъ этого удара и даже крикнула. Ванька всегда стоналъ, когда вспоминалъ, какъ она крикнула. И еще невыносимо было мысленно видѣть и представлять себѣ, какъ висѣла Зоська надъ пропастью со своимъ гребешкомъ на головѣ и съ невидящими отъ крови глазами, и какъ потомъ долго и злобно, задыхаясь и сопя, Катька била каблукомъ по этимъ тонкимъ, окровавленнымъ пальцамъ, ухватившимся за перекладину... Охъ, эти пальцы, — тоненькіе, красные, кажется, съ золотымъ колечкомъ на мизинцѣ!..

Странно сказать, но Ванька никогда, ни разу не вспомнилъ, что Зоська была его любовницей. Эта мысль какъ-то отталкивалась отъ него и не находила доступа въ сознаніе. Смерть заслонила все, что было при жизни. Ни одна подробность прошлой близости не всплывала въ памяти. Но гребешокъ на головѣ, но пальцы, но глаза, не видящіе отъ крови, такъ и стояли передъ нимъ. И особенно ударъ ногой, такой ловкій и страшный... Охъ, этотъ ударъ!.. И какъ она крикнула.. Боже мой, какъ крикнула!...

По ночамъ Ванька мучительно, до крика, сталъ боять-

ся темноты. Онъ ничего не видѣлъ въ своей одиночной камерѣ и никакихъ призраковъ ему не грезилось. Но всѣмъ существомъ своимъ онъ ощущалъ, что «оно», — неопредѣленное, непонятное и страшное «оно» — притаилось гдѣ-то тутъ же въ углу, и стоитъ, и ждетъ, и все понимаетъ. Ни за что въ жизни Ванька не объяснилъ бы, что это за «оно» и въ какомъ видѣ грезилось. Но «оно» было. и такъ близко, такъ невыносимо близко стояло и все видѣло, что хотѣлось кричать, позвать людей и стучать кулаками въ запертую тюремную дверь...

У слѣдователя, на допросахъ, Ванька молча стоялъ потупившись въ землю и не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ. Его приводили и уводили и снова приводили, а онъ только вздыхалъ, переминался съ ноги на ногу и не открывалъ рта.

Ванька совсѣмъ не думалъ о самоохраненіи. Въ его нынѣшнихъ мысляхъ ему казалось совсѣмъ не важно, что ждетъ его впереди и какое наказаніе опредѣлить ему судъ. Все, чего онъ хотѣлъ — это, чтобы судъ поскорѣе сказалъ свое слово. Но онъ каждый день получалъ тайныя записочки отъ Катьки, въ которыхъ она требовала полного, безусловнаго молчанія.

Отъ подкупленныхъ сторожей и отъ уголовныхъ арестантовъ Катька знала, что Ванька «не въ себѣ» и, какъ за якорь спасенія, хваталась за его молчаніе.

«Ванька, молчи!» — писала она въ записочкахъ. И Ванька чувствовалъ, какой звѣриный вопль и какая страшная ярость скрывалась въ этихъ коротенькихъ грязныхъ записочкахъ.

И онъ молчалъ.

Но судебный слѣдователь все требовалъ его на допросы и все рассказывалъ ему, какъ было дѣло.

Ванька ясно видѣлъ, что слѣдователю уже все извѣстно и что только нѣкоторыя подробности еще ускользаютъ отъ него. Но когда, на очной ставкѣ съ Катькой, онъ увидѣлъ, что Катька хочетъ взвалить главную вину

на него и говорить ему въ глаза, что это онъ принесъ молотокъ и онъ ударилъ молоткомъ Зоську по головѣ, — Ванька точно вострепенулся и вышелъ изъ своего забытья. Спокойно онъ поднялъ на нее глаза и спокойно сказалъ:

— И чего врешь , гадюка? — Пишите, господинъ слѣдователь, я все расскажу!...

И онъ чистосердечно, безъ малѣйшей утайки , рассказалъ все правду и нисколько не выгораживалъ себя.

Судъ состоялся черезъ два мѣсяца со дня ареста.

Ваньку, какъ 14-тилѣтняго, приговорили въ тюрьму на два года и восемь мѣсяцевъ, Катьку — въ каторжные работы на восемь лѣтъ.

Ванька выслушалъ приговоръ равнодушно, а Катька съ бѣшеной яростью волчицы, погнавшей наконецъ въ капканъ. Она рыдала, рвала на себѣ волосы, проклинала судей и такъ ругалась и сквернословила, что два дюжихъ тюремныхъ солдата едва выволокли ее изъ зала суда.

Пришлось надѣть даже и наручники.

Ваську судили почти въ одно время съ Ванькой, но не въ окружномъ судѣ, а у мирового судьи, разбирающаго дѣла малолѣтнихъ.

Судили по обвиненію въ кражѣ изъ жилого помѣщенія и, такъ какъ Васька упорно повторялъ, что онъ — сирота и что никакихъ родныхъ у него нѣтъ, то судья опредѣлилъ помѣстить его, на одинъ годъ, въ исправительное , для малолѣтнихъ преступниковъ , заведеніе.

Съ ужасомъ переступилъ Васька порогъ этого дѣтскаго ада. Отъ прежнихъ товарищей по профессіи онъ зналъ, что это за учрежденіе и какіе заведены здѣсь порядки. Въ первый же день Васька получилъ здоровенную оплеуху отъ завѣдующаго заведеніемъ и въ первую же ночь товарищи по заключенію обокрали его до нитки.

По старой привычкѣ, Васька попробовалъ было «бить морды», но здѣсь по этой части оказались такіе спеціалисты, что, при первой же схваткѣ, Васька лишился одного зуба и получилъ по фонарю подѣ каждый глазъ.

Тихо, безъ жалобъ и безъ слезъ, сидѣлъ Васька послѣ драки на своей койкѣ, ощупывалъ пальцами подбитые глаза и выплевывалъ красную слюну.

Какъ человѣкъ очень компетентный по кулачной части, онъ, однако, призналъ превосходство своихъ враговъ.

— Дерутся здорово... Умѣютъ... А только что жъ это за порядки, чтобы у своихъ красть?

Только дней черезъ пять, оглядѣвшись и прислушавшись къ разговорамъ, Васька вполне отчетливо понималъ, какова будетъ его жизнь въ «колоніи» (такъ называлось для краткости это исправительное учрежденіе).

Около ста мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 11-ти до 16-ти лѣтъ, были брошены въ эту грязную зловонную яму на полный произволъ молодого, ограниченнаго и озлобленнаго «начальника», который считалъ «выродками» всѣхъ своихъ воспитанниковъ и не зналъ другой системы воспитанія, кромѣ палочной.

Мальчиковъ били, часто сѣкли, кормили впроголодь, учили ремесламъ кое-какъ и черезъ пень колоду.

Въ пріютѣ царила вонь, грязь, воровство и дикость нравовъ. Самые лучшіе мальчики, попадая въ это чистилище, дичали въ нѣсколько мѣсяцевъ и становились неузнаваемы.

Рядомъ съ Васькой спалъ совсѣмъ дикій мальчикъ Антошка. Онъ не зналъ своей фамиліи, не могъ сказать, сколько ему лѣтъ, не зналъ, чей онъ и кто были его родители, не умѣлъ прочитать «Отче нашъ», неправильно крестился и не зналъ ни одной буквы въ алфавитѣ. Грязный, вшивый, прожорливый, но ловкій, какъ обезьяна, и страшно сильный, онъ воровалъ на кухнѣ съѣстное и силой отнималъ у товарищей все, что можно было от-

нять. На видъ Антошкѣ было лѣтъ одиннадцать, но въ колонію онъ попалъ за убійство.

По своей нелѣпости и полной неожиданности, это было во-истину страшное убійство. Антошка видѣлъ однажды, какъ катаются съ ледяной горы на салазкахъ господскія дѣти. Ему тоже захотѣлось кататься, но такъ какъ салазокъ у него не было, то онъ отнялъ ихъ у господскаго мальчика. Мальчикъ запротестовалъ. Началась драка и въ дракѣ Антошка подкололъ ножомъ своего противника. Раненый мальчикъ черезъ двѣ недѣли умеръ, а Антошку судили и отдали въ колонію. Но Антошка даже не понялъ, что онъ сдѣлалъ, и на другой же день забылъ о происшествіи.

— Это ты ударилъ мальчика ножомъ? — спрашивалъ Антошку судья.

— А ну-да, я

— Зачѣмъ же ты это сдѣлалъ?

— А драка жъ была...

— А зачѣмъ ты отнималъ чужія саночки?

— А кататься хотѣлъ...

— А знаешь ты, что мальчикъ умеръ отъ твоего ножа?

— Знаю, мнѣ городской говорилъ.

— И тебѣ не жалко мальчика?...

— Такъ драка жъ была...

Судья съ ужасомъ смотрѣлъ на этого дикаренка и на его странной формы голову безъ всякихъ признаковъ лба (волосы у Антошки росли отъ самыхъ бровей), смотрѣлъ и не зналъ, что съ нимъ дѣлать...

Васька боялся спать рядомъ съ Антошкой и по вечерамъ часто говорилъ:

— Чортъ его знаетъ, что ему въ башку взбредеть: а вдругъ ножомъ пырнетъ?

Только въ тѣ дни, когда Антошку поролли (а это случилось частенько), Васька былъ болѣе или менѣе спо-

коенъ, такъ какъ послѣ розогъ Антошка замѣчательно крѣпко и сладко спалъ.

Другіе товарищи Васьки, хотя и не были такъ дики, какъ Антошка, но, въ большей или меньшей степени, одичали всѣ, благодаря «колоніи».

Тутъ были хулиганы, опасные озорники, подкалыватели, поджигатели, мазурики и всѣхъ сортовъ воров. Никакого товарищества здѣсь не было и велась постоянная война всѣхъ противъ всѣхъ. Тайно процвѣтали: карты, водка и протівоестественные пороки.

И было очень странно видѣть, что въ культурнѣйшемъ городѣ, гдѣ число интеллигентныхъ людей опредѣлялось десятками тысячъ, гдѣ была прекрасная пресса и много благотворителей, жертвовавшихъ милліоны на дѣла просвѣщенія, могъ сохраниться такой уголокъ средневѣковой тюрьмы, гдѣ, на глазахъ у всѣхъ, погибали сотнями дѣти.

Изрѣдка сюда заглядывалъ прокуроръ и писалъ потомъ потрясающія бумаги въ Петербургъ.

Заглядывалъ и мировой судья и только въ ужасѣ хватался за голову.

Заглядывали и хроникеры газетъ и писали негодующія замѣтки.

Но «колонія» все ждала своей реформы и никакъ не могла дождаться...

Когда Игнашка, въ качествѣ новоявленнаго «дяди», въ первый разъ пришелъ навѣстить Васюку, онъ нашелъ, что мальчикъ сильно похудѣлъ, осунулся и обносился. Васька кинулся къ нему, какъ къ родному, и, въ первый разъ за все знакомство, Игнашка увидѣлъ въ глазахъ мальчика слезы.

— Ну, что, Васюкъ, погано?

— Охъ, и не спрашивайте, дядя Игнатъ... Утекать отсюда хочу.

— Вижу, вижу, сынокъ, что тутъ тебѣ не житье...

— Начальникъ — сволочь, говорятъ?

— Не дай Богъ...

— И хлопцы — прохвосты?

— Хуже не бываетъ...

— Ну, что жъ... Утекать, такъ утекать... Какъ-нибудь, Богъ дастъ, поможемъ... Не журись... А только лучше подожди немножко... Недѣли двѣ подожди. Наши говорили, чтобъ я тебя на поруки взялъ... Надо попробовать...

Жадными горящими глазами Васька смотрѣлъ на своего друга и требовалъ объясненій, что такое «взять на поруки» и какъ это дѣлается и отъ кого зависеть.

Игнашка, какъ умѣлъ, объяснилъ ему.

— Ну, такъ не журись, Васюкъ. Декохтъ пришелъ — терпѣть надо. Богъ дастъ, все переимѣнится. А теперь прощевай, сынокъ, домой итти надо...

— Да посидите, дядя Игнатъ, еще хоть минуточку... Я такъ радъ, такъ радъ, что вы пришли... Посидите, голубчикъ...

— Ну, посидѣть, такъ посидѣть... Ишь, обрадовался, чортъ свинячій!..

Игнашка ласковыми глазами оглядѣлъ Ваську и улыбнулся.

— Я вотъ тебѣ еще харчей принесъ. Каровай хлѣба испекли, рыба тутъ жареная и варениковъ миска... Какъ будешь ѣсть, такъ имѣй въ виду, что въ одномъ вареникѣ десять рублей денегъ для тебя спрятано... На всякій случай... — Ну, ну, ну... Нечего, нечего... — прибавилъ Игнашка, замѣтивъ, что Васька хочетъ благодарить... — А Катька въ каторгу пошла, слыхалъ? Хо-ро-шо!...

— Слыхалъ, дядя Игнатъ...

— А Ванька — въ тюрьму. Слыхалъ!

— Слыхалъ, дядя Игнатъ.

— Ваньку жалко. Хоть и дуракъ, а жалко... Я въ судѣ былъ, видалъ, какъ ихъ судили... Катька кочевряжилась, какъ хорошій язъ на крючкѣ... Даже наручни-

ки надѣли на гадюку... Хо-ро-шо!... Теперь бы еще мою жінку въ каторгу и тогда — шабашъ, полный бы порядокъ былъ!...

Почти цѣлый часъ просидѣлъ Игнашка у Васьки. Васькѣ было странно видѣть, что такой огромный, такой невѣроятный человекъ можетъ сидѣть на обыкновенномъ стулѣ и стулъ выдерживаетъ эту тяжесть. Но еще удивительнѣе было Васькѣ, что вѣчно молчаливый Игнашка говоритъ и говоритъ такъ ласково, и съ такой грубоватой нѣжностью... Игнашка напомнилъ Васькѣ и Днѣпръ, и свободу, и привольное воровское житье, и когда, наконецъ, этотъ монументальный человекъ поднялся, чтобы уходить, въ глазахъ у Васьки опять засвѣтились слезы.

Игнатъ въ точности исполнилъ свое обѣщаніе и сталъ хлопотать, что бы взять Ваську на поруки. Но тутъ встрѣтилось серьезное затрудненіе и потребовалось свидѣтельство отъ полиціи въ Игнашкиной благонадежности.

Игнашка и самъ улыбался, когда думалъ о своей «благонадежности», но все-таки пошелъ въ полицію, хоть и очень не любилъ туда заглядывать.

Щекастый, толстый приставъ, съ умными заплавшими глазками, встрѣтилъ Игнашку хохотомъ.

— Какъ, какъ? Какъ ты сказалъ? Свидѣтельство о *твоей* благонадежности? Хо-хо-хо!... Но вѣдь я же тебя знаю десять лѣтъ — ты первый мерзавецъ на всемъ Днѣпрѣ! Ну, скажите пожалуйста! Онъ хочетъ «воспитывать» мальчика!... Воспитатель нашелся!

— А почему жъ ваше благородіе?... У меня и свой мальчикъ растетъ... Въ школу ходить, первый ученикъ считается и даже недавно похвальный листъ получилъ, накажи меня Богъ получилъ...

— Но ты подумай, дуракъ, чего ты просишь!.. Развѣ это можно даже выговорить, а не то что въ бумагѣ написать—Игнашкина. «благонадежность»!.. И развѣ я

не понимаю, что мальчикъ совсѣмъ тебѣ не племянникъ, а, навѣрное, воренокъ изъ вашей шайки!

Высокій, громадный, Игнашка стоялъ опустивши внизъ свою круглую, какъ шаръ, голову и мля въ рукахъ картузь. Онъ видѣлъ, что дѣло дрянъ и осторожененько намекнулъ приставу, что готовъ пожертвовать на дѣла благотворительности сто рублей...

Но и это не имѣло успѣха.

— Тебѣ я могу написать только одну бумагу, что ты первый мерзавецъ на Днѣпрѣ и что давно уже тюрьма по тебѣ плачетъ. — Ну, пошелъ къ черту, надоѣлъ!..

Дня черезъ три послѣ этой бесѣды, Игнашка разсказалъ Васькѣ о своей неудачѣ и прямо спросилъ:

— Когда думаешь утекать?

— Черезъ недѣлю, дядя Игнатъ.

— Какъ думаешь сдѣлать?

— Думаю такъ, что изъ нашей спальни спущусь по веревкѣ во дворъ... Во дворѣ собаки, два сторожа и городской у воротъ, такъ я дня на два спрячусь въ погребъ, отравлю собакъ, а потомъ буду уже пробовать черезъ заборъ перелѣзть...

Игнашка покрутилъ головой.

— Глупости... Попадешься... Не такъ надо...

— А какъ же, дядя Игнатъ?...

— А такъ попробуемъ: ночью, скажемъ, послѣзавтра, въ 12-ть часовъ, будетъ сильная драка у вашихъ воротъ... Я уже наберу хлопцевъ съ десятокъ и будетъ большой скандалъ сдѣланъ. А я буду въ это время съ другой стороны за вашимъ заборомъ стоять и, какъ драка начнется и сторожа побѣгутъ на скандалъ, перекину черезъ заборъ веревочную лѣтницу. Тутъ ты только не зѣвай...

Планъ былъ разработанъ во всѣхъ подробностяхъ и Васька сталъ лихорадочно готовиться къ побѣгу. Онъ не спалъ, нервничалъ, ничего не ѣлъ и тайно плелъ изъ тонкаго шпагата веревку для ночного спуска.

Въ назначенный день все случилось такъ, какъ обѣщалъ Игнашка, за исключеніемъ только одной подробности. Драка подъ воротами была устроена грандіозная, шумъ и крики были отчаянные и Васька благополучно спустился во дворъ. Но опытные сторожа и не подумали бѣжать на скандалъ. Они сразу смекнули въ чемъ тутъ дѣло и спустили съ цѣней всѣхъ своихъ собакъ. Одна изъ этихъ собакъ, свирѣпая овчарка «Дунька», и настигла Ваську у самой веревочной лѣстницы. По крику мальчика, которому собака впиалась въ ногу, Игнашка понялъ, что дѣло пропало и едва успѣлъ перетянуть къ себѣ веревочную лѣстницу.

Ваську задержали, но , въ виду серьезнаго пораненія ноги, отложили порку до выздоровленія...

Въ лазаретѣ Васька пролежалъ больше мѣсяца и только черезъ полгода повторилъ свою попытку къ бѣгству. Но опять неудачно. На этотъ разъ его выпороли такъ жестоко, что пришлось снова лечь въ лазаретъ.

Игнашка зналъ о послѣдовавшей экзекуціи, но пришелъ навѣстить Ваську только черезъ недѣлю послѣ событія, когда мальчикъ уже выздоравливалъ.

— Боялся, знаешь, къ тебѣ приходить, — объяснялъ онъ свое запозданіе. — Думалъ, какъ встрѣчу въ конторѣ твоего главнаго начальника, такъ еще , не дай Богъ, по мордѣ ударю... А я очень боюсь людей бить, чтобъ несчастья не случилось, бо у меня рука тяжелая...

— Я знаю! — съ восхищеніемъ сказалъ Васька. Онъ всегда гордился и восторгался невѣроятной силой своего покровителя. — Это правда, дядя Игнатъ, что вы одинъ разъ лошадь подняли?

— Лошадь? Нѣтъ, брехня... Зачѣмъ же ее поднимать? Что я, дуракъ, что ли, чтобъ лошадей поднимать?

— А правду, люди говорили, что вы одинъ десять здоровыхъ мужчинъ побили?

— Нѣтъ, брехня... Про меня много люди брешутъ...

— А какъ же съ шулерами была драка, помните?

— Съ шулерами? Это случалось... Только не десять ихъ было, а восемь... Да и что съ того толку? Ну, накласть я имъ, это правда. А развѣ они мнѣ носъ не перебили? Посмотри, теперь не носъ, а какая-то вертячка безъ хряща — во всѣ стороны крутиться. — Нѣтъ я драться не люблю... Да и боюсь: разсердишься, ударишь, а потомъ человѣка въ больницу повезутъ, — что жъ тутъ хорошаго?

— А въ циркѣ, дядя Игнатъ, вы съ боксерами никогда не дрались? Люди говорили, что дрались.

— Брешутъ твои люди... Чего жъ бы это я сталъ своей мордой торговать? Англичане одинъ разъ, дѣйствительно предлагали мнѣ драться съ ними за деньги, это правда... А только я не захотѣлъ. — Вы, говорю, приличные господа, высокаго образованія люди, а я вамъ буду морды бить — развѣ жъ это порядокъ? Развѣ долго, говорю, несчастье сдѣлать?..

— А правда, дядя Игнатъ, что вы двадцать пудовъ поднимаете?

— Да будетъ тебѣ про эти пустяки ... Никогда я двадцать пудовъ не поднималъ — дай Богъ двѣнадцать поднять — да и что съ того?... А ты вотъ лучше покажи мнѣ спину свою... Посмотримъ, какъ тебя расписали.

— Уже зажило, дядя Игнатъ!

Васька стыдился обнажиться передъ Игнашкой. Но Игнашка настоялъ и, взглянувши на подсыхающую кровавую корку, только покрутилъ головой...

— Нѣтъ, противъ этого сукинаго сына надо будетъ мѣры принять... Будетъ онъ меня помнить, твой начальник!...

— А что, дядя Игнатъ, вы сдѣлаете?

— Да ужъ я знаю... Приму мѣры...

Игнашка ни за что не хотѣлъ сказать, что именно онъ задумалъ. Но «мѣры» дѣйствительно были приняты. Черезъ нѣсколько дней два хулигана, встрѣтившись на

улицѣ съ «начальникомъ», завязали съ нимъ ссору и довольно жестоко избили по лицу.

Это нападеніе имѣло, однако, совершенно непредвидѣнное послѣдствіе. Побитый начальникъ сообразилъ, въ чемъ дѣло и Игнашкѣ былъ строжайше воспрещенъ доступъ въ колонію. Безъ Игнашки и его посѣщеній жизнь Васьки совсѣмъ померкла. Онъ томился въ неволѣ невыносимо, горько плакалъ по ночамъ и уже за три мѣсяца до окончанія своего срока, снова сталъ готовиться къ побѣгу.

— Или удеру, или пускай забьютъ до смерти!...

Но незадолго до назначеннаго дня Васька заболѣлъ тифомъ и провалялся въ лазаретѣ до самаго окончанія срока.

На волю онъ вышелъ изможденный, блѣдный, съ заострившимся носомъ и худой какъ тѣнь. Онъ былъ такъ слабъ, что не могъ итти и Игнашка на рукахъ принесъ его въ Слободку къ себѣ на квартиру...

— Ишь, что сдѣлали съ хлопцемъ Ироды проклятые!.. Ну да ничего, Васюкѣ: какъ навалишься на борщи, да на вареники, такъ живо силы наберешь... Черезъ мѣсяцъ отъ борщей такой будешь, что мнѣ, чего добраго, шею накостыляешь...

Э п и л о г ъ.

Прошло двѣнадцать лѣтъ... Въ Кисловодскѣ, въ разгаръ лечебнаго сезона тысяча девятьсотъ... года, обращало на себя общее вниманіе очаровательная молодая дѣвушка, появлявшаяся въ паркѣ и на прогулкахъ въ маленькой студенческой фуражкѣ заграничнаго университета.

У дѣвушки были необычайной красоты и формы глаза: огромные, сѣрые, «совиные», съ золотистыми искор-

ками у зрачковъ и съ длинными рѣсницами. Такіе глаза можно видѣть только на иконахъ Богоматери Васнецовскаго письма.

По этимъ глазамъ, да еще по студенческой фуражкѣ, дѣвушку знали весь пріѣзжій Кисловодскъ. Ее такъ и называли:

«Большеглазая», «сѣроглазая», «совоокая», а иногда просто: «студентка съ глазами»...

Каждое утро по тѣнистой липовой аллеѣ, которая ведетъ отъ источника «Нарзана», дѣвушка выходила на прогулку въ обществѣ совсѣмъ сѣдой и худенькой старушки, возсѣдавшей на подвижномъ креслѣ съ колесами. Старушка не владѣла большими ногами и дѣвушка возила ее въ креслѣ.

Сѣдая, румяная и ласковая, эта старушка тоже была извѣстна среди курортной публики по особому случаю, который недавно попалъ въ газеты. Старушку называли «пиковой дамой» и названіе это какъ-то сразу и замѣчательно прочно къ ней пристало. А дано было это названіе послѣ того, какъ на дачу, гдѣ жила старушка, забрался вечеромъ воръ и до смерти перепугалъ ее. Воръ, однако, оказался совсѣмъ необыкновенный. Увидѣвъ, что старуха, сидѣвшая въ креслѣ, почти потеряла сознание, онъ подаль ей воды, успокоилъ, разсыпался въ извиненіяхъ и исчезъ точно фокусникъ, захвативши со стола дамскіе золотые часики и нѣсколько цѣнныхъ вещей.

Старушка говорила потомъ, что воръ былъ молодой, очень элегантный щеголь, съ манерами джентльмена и, вѣроятно, не безъ образованія. По крайней мѣрѣ, онъ и говорилъ, и кланялся, и извинялся совсѣмъ не какъ воръ, а какъ молодой человѣкъ изъ общества...

Этотъ случай очень заинтриговалъ весь Кисловодскъ и такъ укрѣпилъ за старушкой названіе «пиковой дамы», что когда она появлялась въ своемъ креслѣ на прогул-

кахъ, всѣ знакомые дружески привѣтствовали ее и спрашивали:

— Ну что, полиція такъ и не разыскала вашего «Германа»?

И старушка, радостно улыбаясь, всегда говорила:

— Еще нѣтъ... И слава Богу, что нѣтъ... Молодой человѣкъ былъ такъ вѣжливъ со мной, такъ предупредителенъ, что мнѣ право, было бы жалко... Досадно только, что часы унесъ...

Иногда, рядомъ съ кресломъ старушки, появлялась еще высокая элегантная дама лѣтъ сорока съ небольшимъ, уже сѣдѣющая, но еще красивая и стройная. Студентка называла ее «мамой», а дама называла дѣвушку «доченькой».

Всѣ втроемъ онѣ очень походили на бабушку, дочку и внучку, и въ публикѣ такъ и называли ихъ.

Повидимому, студентка была общей любимицей и баловнемъ въ семьѣ, потому что и бабушка, и мама, точно послѣ долгой разлуки, не могли наглядѣться на нее и даже на людяхъ, когда нельзя было поцѣловать дѣвушку, ласкали ее глазами или шептались между собой, восхищаясь ея красотой.

— Какъ расцвѣла!... Какіе глаза! А фигура!..

Очень часто обѣ пожилыя дамы настойчиво отправляли дѣвушку въ кругъ молодежи и требовали, чтобы она играла въ теннисъ и принимала участіе въ верховыхъ кавалькадахъ.

— Ты сдѣлаешься старухой съ нами! На что это похоже!

Но когда къ крыльцу ихъ дачи подводили «неизвѣстную» лошадь съ дамскимъ сѣдломъ, обѣ женщины начинали такъ волноваться и такъ долго крестили дѣвушку, что даже татары улыбались.

— Смотри же, доченька, лошадь неизвѣстная, будь осторожна, слышишь? Ради Бога, не пускай ее вскачь... Дай честное слово, что ты не будешь безумствовать!...

Дѣвушка любила верховую ѣзду до страсти и особенно любила во весь карьеръ вскакивать на крутые пригорки. Но всякій разъ, когда приводили лошадь, она видѣла такую тревогу въ синихъ глазахъ своей «мачочки», что добровольно воздерживалась отъ этого наслажденія и стала предпочитать тенись или одинокія дальнія прогулки на «Синія Горы».

Однажды, уже въ концѣ іюня, именно на Синихъ Горахъ, куда дѣвушка ходила почти каждый день, съ ней произошло неожиданное приключеніе, или, вѣрнѣе сказать, странная встрѣча, которая на всю жизнь осталась потомъ въ ея памяти.

Надышавшись упоительнымъ воздухомъ горъ и запахомъ скошеннаго сѣна, вся раскраснѣвшаяся, сильно загорѣлая, счастливая и радостная, дѣвушка взобралась на стогъ только что скошенной душистой травы и во весь голосъ запѣла балладу Маргариты.

— Жилъ-былъ въ Фулѣ старый король»...

Дѣвушка думала, что она одна, что кругомъ на всѣхъ «Синихъ Горахъ» нѣтъ ни души и пѣла съ тѣмъ увлеченіемъ, съ какимъ люди поютъ въ лѣсу или въ полѣ, когда ихъ никто не слушаетъ. Но, пропѣвши двѣ-три строфы, она съ удивленіемъ услышала шаги на ближайшей дорожкѣ и потомъ за толстымъ стволомъ каштана увидѣла молодого, нарядно одѣтаго господина, который чрезвычайно почтительно снялъ передъ ней шляпу.

— Имѣю честь кланяться, mademoiselle.. Пожалуйста не подумайте худого... Позвольте васъ спросить: вы — кіевлянка?

Дѣвушка строго сдвинула брови и неохотно процѣдила:

— Допустимъ...

— Васъ зовутъ... Евгенія... Женя... не правда ли?

— Да... Меня зовутъ Евгенія Андреевна...

— И въ дѣтствѣ... въ раннемъ дѣтствѣ вы были въ пріютѣ Хрущовой?

Дѣвушка такъ и вспыхнула. Не только лицо, но даже открытая шея ея покраснѣла...

— Я не понимаю, для чего эти вопросы?

— Но вѣдь я... я зналъ васъ въ дѣтствѣ... Я былъ вашимъ другомъ... Неужели вы совсѣмъ забыли... Ваську?

— Какъ? Вы? Это вы? Боже мой!...

Дѣвушка вскочила на ноги и радостно, взволнованно протянула бывшему другу обѣ руки.

— Да неужели это вы? Вотъ встрѣча, Господи!.. Да можетъ ли это быть? Какъ я рада!

Оба взволнованные, оба радостные, они всматривались другъ въ друга и старались угадать и воскресить въ памяти тѣ прежнія, дѣтскія черты, которые обоимъ были такъ дороги и памяты...

— Ей-Богу, я не узнаю... Ну, совсѣмъ, совсѣмъ не узнаю! — говорила дѣвушка. — Мальчикъ Вася, почти всегда съ оцарапаннымъ лицомъ и теперь... теперь господинъ... И усы выросли...

— А я васъ сразу узналъ... По глазамъ... Только не смѣлъ подойти... Вы всегда гуляете со старой дамой... и я не смѣлъ... Но уже дней пять, какъ я все караулил васъ, чтобы поговорить...

Отъ волненія и отъ искренней бурной радости дѣвушка въ первую минуту не замѣтила нѣкоторой вульгарности и въ костюмѣ и въ манерахъ своего бывшего друга. Онъ былъ въ сѣромъ, прекрасно сшитомъ костюмѣ, но его галстухъ «кричалъ» и перстень на рукѣ съ большимъ брилліантомъ тоже «кричалъ» и булавка въ галстухѣ «кричала» и русые усы были приподняты вверхъ почти нахально.

— Ну, расскажите же про себя... Все, все рассказывайте... И потомъ пойдемъ къ намъ, я васъ познакомлю...

— Нѣтъ вы сначала расскажите, Евгенія Андреевна..

— Я? Нѣтъ, что же я? Да отчего мы стоимъ, пойдемъ сядемъ на скамью... Боже мой, какая встрѣча!.. Сколько лѣтъ прошло и вдругъ въ Кисловодскѣ... Кто могъ бы

думать? Непремѣнно, непремѣнно пойдемъ къ намъ, сейчасъ...

Торопясь, волнуясь и радостно смѣясь, они сѣли и, когда молодой человѣкъ снялъ свою шапку, дѣвушка сразу узнала прежняго Ваську. Глаза, лобъ, носъ... Только усы очень мѣшпали и были какъ будто совсѣмъ лишніе...

— Вотъ теперь я вспомнила... вспомнила ваше лицо... Лицо мальчика Васи, моего брата названнаго... Боже мой, какая встрѣча!.. Я такъ рада!.. такъ рада!..

— И я радъ... Прямо до крику радъ...

— Но расскажите же все про себя... Все, все!..

— Нѣтъ, лучше вы сперва, Евгенія Андреевна...

— Я? Да что-жъ я? Моя исторія очень коротенькая, Богъ послалъ мнѣ прекрасныхъ добрыхъ людей и они спасли меня... Мое дѣтство... Нѣтъ, мнѣ не хочется про него вспоминать... Ну, однимъ словомъ, съ меня смыли всю грязь и весь ужасъ... Вы вѣдь помните? Больше года я была въ пріютѣ, а потомъ мама взяла меня къ себѣ... Я «мамой» называю Валентину Александровну Хрушову, потому что она для меня больше, въ тысячу разъ больше, чѣмъ мать... Да вотъ вы познакомитесь, вы сами увидите, какой это человѣкъ прекрасный... — Ну, однимъ словомъ, я жила какъ дочь. Меня любили, учили, можетъ быть, слишкомъ много баловали. Я училась хорошо, выдержала гимназическій экзаменъ и поступила въ университетъ. Въ будущемъ году кончаю...

— Вотъ это здорово!.. Неужели университетъ кончается?

— Да... Я юристка, какъ и мамочка...

— Значить, все у васъ, какъ въ сказкѣ вышло... Вторую мать нашли... Это удивительно даже.... И любить васъ она?

— Мамочка? О, да!..

— И вы ее, конечно!..

— Безъ памяти... Да вотъ вы познакомитесь, такъ

увидите.. Нѣту другого такого человѣка и быть не можетъ!
— Ну, а вы? Разскажите теперь вы... Все, все!.. Пожалуй-
ста... Ну, скорѣе же, не тяните такъ!... — Я вѣдь ничего,
ничего про васъ еще не знаю... Вы, какъ въ воду канули...

Молодой человѣкъ потупился и долго, очень долго
молчалъ.

— Ну что-жъ?.. Какъ же вы? Кто вы, гдѣ вы? Все
разсказывайте!...

— Очень не хотѣлось бы мнѣ про себя говорить...

— Отчего-же? Вѣдь мы друзьями были... Я до сихъ
поръ помню, какъ вы для меня цвѣты крали.. Помните?

— Помню... Я все помню... Вы такая смѣшная дѣвоч-
ка были... Все скороговорочкой, бывало, говорили...
Тогда, можетъ быть, на всемъ свѣтѣ у меня не было
никого, кромѣ васъ... Я только потомъ, когда большой
выросъ, понималъ это...

— Ну, такъ разсказывайте же!.. Все, все!..

Молодой человѣкъ опять потупился...

— Не хотѣлось бы мнѣ, Евгенія Андреевна... Лучше
не надо про меня...

— Какъ не надо? Почему — лучше? Что такое вы
говорите?

— Да вѣдь я все тотъ же, Евгенія Андреевна... Безъ
перемѣнъ... Вы вотъ университетъ прошли — шутка ска-
зать! — а я какъ былъ, такъ и остался... И занимаюсь
все тѣмъ же грязнымъ ремесломъ... Я безъ перемѣнъ...

Дѣвушкѣ точно въ сердце что-то кольнуло. Вся кровь
отлила отъ лица ея и глаза сдѣлались еще больше...

— Вы значить?.. Значить, вы?..

— Да, все такой же.. Я вамъ говорю — безъ пере-
мѣнъ... Игнашкинъ университетъ я кончилъ... Такъ и не
оторвался отъ воровства...

— Не можетъ быть... Не можетъ быть...

Дѣвушка такъ вся и затрепетала и испуганными,
почти плачущими глазами смотрѣла въ это лицо съ припод-
нятыми усами — когда-то такое милое и дорогое лицо...

— Этого быть не может! Этого не может быть...

— Да отчего же не может? Нѣтъ, это такъ... Вы не ожидали? Пожалуй, не захотите теперь и говорить со мной! Если не хотите, такъ скажите..Мы и уйти можемъ...

— Ахъ, что вы, какъ не стыдно... Я только не ожидала... Это такъ ужасно... Вы точно выстрѣлили въ меня...

Дѣвушка такъ растерялась, что всѣ мысли ея, какъ испуганная стая птицъ, разлетѣлись во всѣ стороны. Она только теперь, только въ, эту минуту вдругъ замѣтила налетъ вульгарности во всемъ обликѣ Васьки.

— Воръ... воръ... карманщикъ... — огнемъ обжигала ее мысль...

Ей было и жалко, до крика, до изступленія жалко, и стыдно, и горько, и противно... И хотѣлось что-то сказать, ласково, задушевно сказать и не было словъ...

Васька первый прервалъ тяжелое молчаніе.

— Право, вы скажите, Евгенія Андреевна.. Можетъ быть, вамъ неприлично со мной... такъ я уйду...

— Ахъ, что вы... Я только растерялась немножко... Но вы такъ говорите... такъ выражаетесь... Я хочу сказать, такъ литературно выражаетесь, что нельзя было подумать... Вы, значить, учились гдѣ-нибудь?..

— Да я же говорю — Игнашкинъ университетъ кончилъ... А что выражаюсь я, такъ это отъ книгъ... Я, можетъ быть, книжекъ съ тысячу прочиталъ, если не больше. Очень пристрастился...

— Да? Вы любите читать?

— Очень даже: безъ книжки не засну... Обыкновенно думаютъ, что... воры только по чужимъ карманамъ шарять, а если правду сказать, такъ среди насъ есть очень даже начитанные хлопцы... Видите ли, при нашемъ ремеслѣ часто въ тюрьмѣ сидѣть приходится... А въ тюрьмахъ теперь чудесныя библіотеки бываютъ...

— И вы... вы тоже... сидѣли?

— Три раза... Я въ тюрьмѣ и за книжки взялся. Пушкина, графа Толстого, Шерлока Холмса, Антона

Чехова — все, въ тюрьмѣ сидя, проглотилъ... Больше тысячи книгъ прочиталъ...

— Да онъ не хвастаетъ ли, бѣдняга? — быстро мелькнула въ головѣ дѣвушки подозрительная мысль. Но вслухъ она ничего не сказала и сидѣла блѣдная, страдающая, уничтоженная.

Она чувствовала, что между нею и этимъ нарядно-вульгарнымъ молодымъ человѣкомъ вырастаетъ какая-то стѣна взаимнаго непониманія и отчужденности. Сердце еще помнило все хорошее и все дорогое, что было связано съ милымъ мальчикомъ Васей, — но теперь она не могла признать его своимъ и близкимъ.

Она смотрѣла на него и думала:

— Значить, и этотъ костюмъ, и этотъ перстень на рукѣ, и булавка — все это... чужое, краденое?..

Не безъ усилія она, наконецъ, прервала тяжелое молчаніе:

— А ваши друзья... У васъ на Днѣпрѣ кажется друзья были? Вы мнѣ рассказывали про какого-то Игнашку, кажется?

— Игнашка сидитъ въ арестантскихъ ротахъ и «Доріанъ Грей» съ нимъ... Уже годъ, какъ сидятъ. Но какъ вы поблѣднѣли, Евгенія Андреевна... Вы скажите откровенно, можетъ быть мнѣ лучше уйти? Можетъ быть вамъ совѣстно со мной разговаривать? Я вѣдь понимаю, какая между нами разница?..

— Ахъ, нѣтъ, ахъ, что вы... И какъ не стыдно, право.. Развѣ я не понимаю, что тутъ только случай... Разница только въ томъ, что я встрѣтила хорошихъ людей, а вы нѣтъ... Развѣ за это можно винить? Меня случай спасъ... А если бы не случай, если -бъ не мама... развѣ я не погибла бы такъ же, какъ моя старшая сестра?

Но чувство неловкости — тяжелой, непобѣдимой неловкости — все таки стояло между ними, какъ заборъ, и трудно было приневолить себя, чтобы найти подходящія

слова. Всѣ слова казались колючими въ этомъ положеніи и сами собой останавливались въ горлѣ...

Васька, однако, все-таки продолжалъ...

— Я еще долженъ рассказать вамъ объ... одной вещи.. очень для меня непріятной... — Скажите эта сѣдая старушка, эта «пиковая дама», которую вы катаете въ креслѣ — кто она?

— Но это наша учительница бывшая... Наша директриса пріюта... Бывшая гувернантка Хрущовыхъ...

— Ее недавно обокрали, правда?

— Да, но не ее, а меня, въ сущности... Это были мои вещи: мои часы и разные бездѣлушки..

Молодой человѣкъ весь покраснѣлъ какъ кумачъ и низко-низко опустилъ голову.

— А вѣдь это я сдѣлалъ... Право не зналъ... Ей-Богу не зналъ... Я не зналъ... Но всѣ вещи ваши я сегодня приплю...

Онъ всталъ, неловко потоптался на мѣстѣ и, не глядя на свою собесѣдницу, тяжело, съ натугой сказалъ:

— Нѣтъ, я лучше пойду...

— Да зачѣмъ же такъ вдругъ? Нѣтъ, нѣтъ... Я вѣдь все понимаю... Боже мой, развѣ я осуждаю?.. Садитесь, пожалуйста, садитесь...

Онъ покорно сѣлъ, но головы такъ и не поднялъ.

Наступило опять тяжелое для обоихъ молчаніе...

— Я слышалъ, вы замужъ выходите, это правда?..

— Правда...

— За кого?

— За студента одного... Товарищъ мой... — А вы не женаты?

Молодой человѣкъ криво усмѣхнулся.

— Не совсѣмъ, но вродѣ того... Ужъ годъ... Вы знаете ее... мою... жену...

— Ее? Кто же это?

— Манька... Помните, у васъ въ пріютѣ она скандалъ большой сдѣлала? .

— Ахъ, эта!.. Такая хорошенькая... Ну, скажите, ради Бога... Какая судьба!.. Гдѣ же она теперь?

— Въ тюрьмѣ сидить.. На шесть мѣсяцевъ приговорили...

Молодая дѣвушка хотѣла что-то сказать, о чемъ-то спросить, но слова останавливались у нея въ горлѣ. Было нестерпимо неловко, и тяжело, и мучительно, и до слезъ жалко слышать всѣ эти признанія.

— Я, кажется, очень разстроилъ васъ? Вы такъ поблѣднѣли?.. Васька всталъ и, держа въ рукахъ свою панаму, переминался съ ноги на ногу... — Лучше я пойду, право... Вы, пожалуйста, не сердитесь, что я на знакомство навязался... Я вѣдь понимаю... Но чепъ захотѣлось поговорить.. Вмѣстѣ росли, можно сказать... Я вѣдь все помню... Крѣпко помню...

— Какъ вамъ не стыдно, право, такъ говорить? — Знаете что? Пойдемъ къ мамѣ... Я васъ познакомлю.. Надо непременно, чтобы вы познакомились... Непременно, непременно надо...

Васька криво усмѣхнулся.

— Нѣтъ, это для чего же? Это не годится... если вамъ не совѣстно со мной итти, такъ я васъ провожу немножко...

— Да отчего «не годится»? Я васъ пропущу, я очень васъ прошу... Вы увидите...

— Нѣтъ, это нельзя...

— Но почему же?.. Какой вы странный, право... У Васьки даже нижняя челюсть задрожала.

— Да какъ же вы не понимаете? Довольно совѣстно мнѣ итти въ домъ, который я обокралъ...

Опять тяжелое, гнетущее молчаніе какъ будто придавило обоихъ.

Молча, не сговариваясь, они пошли внизъ по перестѣкающимъ дорожкамъ молодого парка. Теперь стѣна уже окончательно выросла между ними и оба они это ясно чувствовали. Чтобы не молчать, они задавали другъ другу ненужные, странные, не идущіе къ дѣлу вопросы. И какъ

свинцовыя капли падали въ душу эти посторонніе, почти глупые вопросы.

Уже подходя къ Краснымъ Камнямъ, дѣвушка, наконецъ, собрала силы и спросила:

— Но скажите, неужели это нельзя перемѣнить? Неужели на всю жизнь? Развѣ нельзя вамъ отойти отъ... отъ вашей профессіи? Вѣдь люди мѣняются... Вѣдь все возможно...

Васька отвѣтилъ не сразу.

— Это трудно, Евгенія Андреевна... Это вродѣ какъ пьянство... Кто же отъ этого отстаетъ? Столько лѣтъ уже... Да и къ чему приткнешься? Вы, конечно, не знаете, но я теперь въ своемъ дѣлѣ «королемъ» считаюсь... Я на галстухи больше трачу, чѣмъ рабочій человѣкъ на жизнь... Какъ же отъ этого отстанешь?

— Но вѣдь это такъ ужасно... такъ дурно...

— Да ужъ чего хорошаго? Курортный воръ — это какъ есть... Въ отеляхъ живу, въ первомъ классѣ по желѣзнымъ дорогамъ ѣзжу... Даже портсигаръ у меня золотой... Сволочь первоклассная!..

Вся блѣдная, почти дрожащая, слушала дѣвушка эти слова. Ей хотѣлось говорить, хотѣлось «спасти» этого бывшаго Ваську, но ни мыслей, ни словъ у нея не было и только слезы задрожали на ея рѣсницахъ...

У Красныхъ Камней она змѣтила на скамьѣ поджидающую Валентину Александровну и такъ и встрепенулась вся.

— Вонъ мамочка... Вонъ сидитъ.. Пойдемте, я васъ прошу, пойдемте къ ней... Непремѣнно, непременно... Это нужно...

— Нѣтъ, Евгенія Андреевна... Никакъ этого нельзя.. Прощайте... Онъ снялъ свою панаму и какъ то неуклюже, совсѣмъ какъ прежній Васька, поклонился...

— Но я прошу васъ... Вы увидите... Она такая добрая, такая прекрасная... Она все пойметъ, вы увидите.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни къ чему это... Прощайте...

Онъ схватилъ ее руку, крѣпко пожалъ и быстро исчезъ въ глухой тѣнистой аллеѣ.

А молодая дѣвушка такъ и осталась на мѣстѣ, пока къ ней не подошла Валентина Александровна.

Черезъ минуту онѣ уже сидѣли на скамьѣ и дѣвушка, вся взволнованная, вся потрясенная, со слезами разсказывала матери о своей неожиданной и такой мучительной встрѣчѣ.

Къ вечеру того же дня посыльный принесъ на дачу Хрущовыхъ пакетъ, въ которомъ были дамскіе часики и золотыя бездѣлушки. Никакой записки при пакетѣ не было...

АФРИКА

I.

Мы плыли въ Африку — три тысячи новыхъ русскихъ поселенцевъ, съ женами и дѣтьми...

Наши мысли были еще въ Россіи и болѣла и плакала душа наша о покинутой родинѣ...

Насъ не радовали ни синіе шелка Эгейскаго моря, ни крутыя — красныя, желтыя, рыжія, голубыя — скалы

Одинъ за другимъ пробѣгали эти тихіе, призрачные острова умершей Эллады, и казалось, что жизнь навсегда отлетѣла отъ нихъ.

— Умеръ великій Панъ и груды желтыхъ костей остались послѣ Эллады!..

Вотъ здѣсь у сизыхъ утесовъ Кипра, гдѣ на мокрой скалѣ расправляютъ крылья сѣрыя чайки, когда-то вышла изъ пѣны морской Венера-Киприда... Нагая, прекрасная, сверкающая Киприда... А вонъ тамъ, далеко, далеко, «высокогремящій» Зевсъ, по преданію, сочелся когда-то съ Европой...

Но намъ-то, русскимъ,— какое намъ дѣло до этихъ чужихъ береговъ?

— Почему Родосъ и Кипръ, а не Саратовъ и Кіевъ? И почему «высокогремящій» Зевсъ, а не нашъ «Микола Многомилостивый»?

— Африка! Какъ это странно, какъ далеко и какъ чуждо усталому русскому сердцу!..

Только дѣти наши были въ полномъ восторгѣ отъ одной мысли, что мы ѣдемъ въ эту плѣнительную и таин-

ственную страну. Казалось, самое слово — «Африка» зажигало и до-красна раскаляло их воображеніе. Мысленно они уже бродили по дѣвственнымъ лѣсамъ съ винтовкой за плечами и, я думаю, что даже снимали скальпы...

По цѣлымъ днямъ, какъ стоя желторотыхъ воробьевъ, они то и дѣло слетались на бакъ и, усѣвшись на тяжелыхъ, смолистыхъ канатахъ, говорили о ружьяхъ, о кинжалахъ, о разрывныхъ пуляхъ и о коварныхъ, злыхъ карликахъ съ ихъ отравленными стрѣлами...

У восьмилѣтняго Миши Тришатнаго, послѣ этихъ разговоровъ, появилось даже расписаніе его африканскаго дня, приколотое булавкой у изголовья койки:

Понедѣльникъ — львы.

Вторникъ — тигры, пантеры, барсы.

Среда — гремучія змѣи и жираффы.

Четвергъ — буйволы, антилопы, слоны.

Расписаніе не оставляло Мишѣ ни одного свободнаго дня и даже праздники были всѣ заняты. По крайней мѣрѣ, африканская недѣля его заканчивалась многозначительной помѣткой:

Воскресенье — дикари и карлики...

Больше всѣхъ ораторствовалъ на бакѣ десятилѣтній кадетъ-первоклассникъ, Саша Григоровичъ, который считался «самымъ сильнымъ...» Григоровичъ доказывалъ, что мальчикамъ слабымъ, съ неразвитыми мускулами, лучше совсѣмъ не браться ни за штуцеръ, ни за винтовку. И оттого всѣ совѣщанія на бакѣ начинались обыкновенно съ того, что мальчики ощупывали другъ у друга мускулы. Сначала сводилъ руку и надувалъ свой бицепсъ Григоровичъ и всѣ внимательно и долго ощупывали этотъ бицепсъ и говорили:

— Какъ желѣзный!..

Потомъ медленно и напряженно надувалъ Миша Тришатный и всѣ опять говорили:

— Маленькій, но, какъ желѣзный!..

И только когда всѣ мускулы были ощупаны и добро-

совѣстно оцѣнены, начинались тѣ таинственные, полные несказаннаго очарованія, повѣсти Григоровича, которыя всѣхъ сводили съ ума.

— Карлики — совсѣмъ маленькіе, — говорилъ Григоровичъ, — меньше Мишки Тришатнаго... Но они... — страшныя сволочи!..

Ты идешь по тропическому лѣсу, продираешься черезъ ліаны, и вдругъ — откуда-то, съ верхушки дерева, жужжить стрѣла съ отравленнымъ наконечникомъ и — готово. Ты лежишь, корчишься въ мукахъ, а онъ скачетъ по вѣткамъ вверху, трясетъ своей черной бородой и хохочетъ подлець...

— И нѣтъ спасенія отъ ихъ яда?

— Только дикари знаютъ противоядіе отъ ихъ стрѣлъ. Противоядіе добывается изъ гремучей змѣи и смѣшивается съ жиромъ гиппопотама...

У Миши перехватывало духъ отъ этихъ разсказовъ. Передъ его глазами самъ собой встаетъ этотъ заколдованный, таинственный лѣсъ, оживаютъ ліаны и орхидеи, и въ зеленыхъ, густыхъ вѣтвяхъ прыгаетъ, хохочетъ и трясетъ бородой маленькій, злой человѣчекъ, съ колчаномъ за плечами...

Кажется, всю жизнь бы слушалъ этого Григоровича и не могъ наслушаться! Какой замѣчательный мальчикъ: все знаетъ, страшно смѣлый и какіе мускулы! Какъ желѣзные!..

Но очень часто, среди этихъ упоительныхъ, африканскихъ повѣстей, приходитъ Мишина мать и строго говорить:

— Миша, заниматься!..

И тогда начинается мученіе и нестерпимая глупая диктовка и глупыя задачи...

— Господи! Какъ это несправедливо и какъ жестоко! Ни одинъ мальчикъ на пароходѣ не учится, а Мишу заставляютъ. Каждый день!.. — За руку мама ведетъ его,

какъ бычка, на корму, подальше отъ Григоровича, и начинается задача:

— «Нѣкто купилъ пальто за 15 рублей и далъ купцу 100 рублей. Спрашивается, сколько сдачи онъ получилъ?

Мишѣ хочется плакать. Взъерошенный, злой, съ нахмуренными бровями, онъ повторяетъ съ отвращеніемъ:

— У нѣкты было пальто за 15 рублей...

— Такъ нельзя говорить — у «нѣкты».... И когда ты говорить научишься? Нѣкто значить — неизвѣстно кто...

Но Миша дерзить:

— Ну да... Незнаю кто, а извѣстно, сколько стоитъ пальто...

Но тутъ густыя, золотистыя брови у мамы сдвигаются и слышенъ ея строгій голосъ:

— Миша, безъ глупостей! Повтори задачу: «Нѣкто купилъ пальто за 15 рублей»...

Ахъ, какая это нестерпимая, глухая и «паршивая» вещь эти задачи...

И подумать только, что тамъ, на бакѣ, Григоровичъ въ это время говоритъ, какъ надо стрѣлять въ удава-боа и какъ вяжутъ руки плѣннымъ карликама.. Григоровичъ все знаетъ!..

И уже со слезами на глазахъ и съ отвращеніемъ въ голосѣ Миша машинально повторяетъ:

— «У нѣкты было пальто за 15 рублей»....

II.

Къ Александрін подходили на восходѣ солнца.

Весь бѣлый, огромный городъ Александра Македонскаго горѣлъ и сіялъ въ блескѣ африканскихъ лучей, какъ въ царской коронѣ. На синемъ фонѣ сверкающаго моря онъ казался мраморнымъ и дома его казались дворцами и городскіе скверы казались парками...

И невольно вспоминались всё тысячелѣтія, пробѣжавшія надъ этой приснопамятной землей.

Вставали въ памяти темнолицыя фараоны, оживала царица Клеопатра, Юлій Цезарь, и кроткая большеглазая еврейка, бѣжавшая въ эту страну съ маленькимъ Сыномъ на рукахъ.

— Сколько здѣсь было крови и сколько славы людской!

Казалось, все видѣли эти песчаные, низменные и такіе перадостные берега:

— Царскіе вѣнцы и рабскія цѣпи, величайшихъ блудницъ и смиренныхъ христіанокъ, Клеопатру и Марію Магдалину, мудрость сатаны и кротость Христа...

Всѣмъ взрослымъ пассажирамъ очень понравилась Александрія.

Но дѣти были рѣшительно разочарованы.

Миша Тришатный прижался носомъ къ борту парохода и разочарованно думалъ:—Какая же это Африка, если на каждомъ углу стоять въ бѣломъ кителѣ городовые? Если бы карликъ посмѣлъ сунуть сюда свой носъ, его обстрѣляли бы изъ пулеметовъ...

Присмирѣлъ и замѣтно былъ смущенъ и Саша Григоровичъ...

— Да, карлики съ ихъ отравленными стрѣлами едва ли рѣшились бы на открытое нападеніе при такихъ условіяхъ... Но можетъ быть «Африка» будетъ дальше, «въ глубинѣ страны?» Можетъ быть, надо проѣхать какихъ-нибудь двѣсти километровъ или сто морскихъ миль и за этими желтыми песками вырастетъ тропическій лѣсъ и будутъ носится по преріямъ быстроногія антилопы? Да, конечно, это такъ, это въ глубинѣ страны...»

И уже сходя съ парохода, среди давки и суетолюки, Григоровичъ все-таки успѣлъ шепнуть Мишѣ Тришатному:

— Это въ глубинѣ страны, не ближе, чѣмъ на 200-300 морскихъ миль отсюда...

И эта коротенькая фраза, брошенная на ходу, сразу возстановила авторитет Григоровича и успокоила Мишу.

— Ну, разумеется, это не здѣсь... Какія глупости: развѣ носороги живутъ въ отеляхъ! Но какихъ-нибудь двѣсти-триста морскихъ миль....

И Миша съ удовольствіемъ повторялъ эти обаятельные и такія новыя слова Григоровича:

— «Въ глубинѣ страны... 300 морскихъ миль...»

Длинной вереницей растянулись русскіе по чужому городу, направляясь въ обязательный для нихъ карантинъ. Ихъ вещи слѣдовали на грузовыхъ автомобиляхъ, а сами они шли пѣшкомъ.

Какъ въ туманѣ шелъ за матерью и Миша. Въ этомъ новомъ, шумномъ восточномъ городѣ ему все казалось такимъ неожиданнымъ и страннымъ. Желтыя, какъ дыни, арабскія лица, турецкія фески, гортанные крики, полуголые наглые мальчики и эти странныя женщины въ черной одеждѣ и съ золотыми носами...

— Смѣшно: къ своему природному носу женщины привязываютъ еще золотой носъ. Зачѣмъ? — Вотъ дуры! Золотой, круглый, какъ трубка носъ, величиной немножко потолще ружейнаго патрона... Миша видѣлъ, какъ проѣхали три кареты, запряженные великолѣпными вороними лошадьми, и какъ изъ каретъ выглядывали женскія лица и всѣ съ золотыми носами.

— Мамочка! Ты видишь! Посмотри, вотъ дуры! Зачѣмъ имъ два носа?

— Это онѣ для красоты дѣлаютъ. Такая у нихъ мода — арабская...

— И даже маленькія... Мамочка посмотри: вонъ дѣвочка совсѣмъ маленькая и тоже съ носомъ!...

На углу улицы, дѣйствительно, стояла маленькая, ростомъ съ Мишу, дѣвочка съ золотымъ носомъ и скалила свои бѣлые, какъ у собаки зубы.

— Урусъ, карапо? — крикнула она Мишѣ.

— Мамочка! Слышишь, она по-русски говорить?

И не слушая, что отвѣтила ему мама, Миша въ одинъ прыжокъ подскочилъ къ черномазой дѣвочкѣ.

— Ты что?

Дѣвочка не смутилась и снова блеснула зубами.

— Карашо...

— Что хорошо?

— Карашо-марашо... Ха-ха-ха!...

Быстро, по-арабски, заговорила что-то такое дѣвочка и со смѣхомъ показывала на зимнее пальто Миши съ барашковымъ воротникомъ.

Мишѣ это показалось обиднымъ и онъ пальцемъ показалъ на ея золотой носъ.

— Скажи, зачѣмъ твоя золотой носъ носить? Зачѣмъ?

Но дѣвочка твердила свое, какъ сорока:

— Урусъ, карашо-марашо... Ха-ха-ха...

Миша подумалъ, что черномазая арабка его не понимаетъ и онъ снова повторилъ вопросъ:

— Зачѣмъ твоя два носъ?

И чтобы дѣвочкѣ было яснѣе, Миша пальцемъ тронулъ ея золотой носъ. Но дѣвочка очень ловко и пребольно шлепнула его по рукѣ.

— Ты что? Дратся?..

Миша вспомнилъ про свои бицепсы и очень можетъ быть, что золотой носъ маленькой кокетки сильно бы пострадалъ, если бы какъ разъ въ это время Миша не увидѣлъ за столикомъ кафе настоящаго живого негра.

— Дикари!..

Какъ вкопанный остановился Миша и во всѣ глаза уставился на негра.

Но странно: негръ былъ одѣтъ, какъ настоящій господинъ... Синій костюмъ, ослѣпительные воротнички, на головѣ панамы... Онъ сидѣлъ развалившись за столикомъ, читалъ газету и бѣлый лакей подавалъ ему кофе...

— Но вѣдь они-жъ голые бываютъ?

Миша такъ привыкъ думать, что негры должны быть

голые, только съ повязкой вродѣ купальныхъ трусиковъ, что готовъ былъ спросить у чернаго джентльмена, почему онъ такъ странно нарядился. Но дальше началось уже совсѣмъ непонятное. Къ кафѣ подъѣхала на извозчикѣ черная жеппина, одѣтая, какъ настоящая дама, и съ ней маленькій черный «дикаренокъ» въ матросскомъ костюмѣ и въ новенькихъ желтыхъ башмачкахъ...

Извозчикъ остановился и черная дама съ «дикаренкомъ» вышли, а черный джентльмэнъ, читавшій газету, снялъ панаму и весело ихъ привѣтствовалъ.

Миша даже носомъ засопѣлъ отъ удивленія... Ему уже давно надо было высморкаться, но некогда было.

И онъ все смотрѣлъ, не сводя глазъ на странную черную группу и ждалъ, что будетъ дальше.

А дальше опять прибѣжалъ бѣлый лакей и почтительно изогнулся передъ черной дамой и передъ дикаренкомъ и принесъ имъ въ хрустальныхъ широкихъ рюмкахъ чудеснаго янтарнаго мороженнаго...

И дикаренокъ бѣлъ, а Миша замѣтилъ, что языкъ у дикаренка не черный, а нѣжно-розовый, такой же, какъ и у черной женщины.

— Навралъ, или не навралъ Григоровичъ? Можетъ быть, въ городѣ дикари бываютъ, какъ господины, но за 200 морскихъ миль, въ «глубинѣ страны?..»

И невольно Миша обернулся въ ту сторону, гдѣ шла мама и гдѣ долженъ былъ быть Григоровичъ.

Но что это? Всѣ русскіе уже прошли и на улицѣ никого нѣтъ...

У Миши упало сердце и онъ со всѣхъ ногъ кинулся догонять своихъ.

Въ тепломъ русскомъ пальто, среди африканскаго полдня, бѣжать было очень трудно, но Миша былъ такъ испуганъ, что мчался во весь духъ.

— Кажется, вотъ по этой улицѣ шли наши... Или не по этой? Нѣтъ, по этой, конечно, по этой... Но гдѣ же они: гдѣ мама?... Господи!..

Пробѣжавши шаговъ пятьсотъ, Миша ясно увидѣлъ, что это была не та улица.

— Совсѣмъ не та... Этихъ домовъ и этого цвѣтника не было. Но гдѣ же та? Неужели я потерялся?

Миша кинулся назадъ, свернулъ въ боковую улицу, повернулъ въ переулокъ, опять выскочилъ на знакомую набережную и снова въ переулокъ.

— Я потерялся!..

Холодомъ, тоской, отчаяніемъ и страхомъ — безумнымъ страхомъ — наполнилась душа Миши. Ему казалось, что онъ только на минуту отсталъ отъ своихъ, что онъ только немножко заглядѣлся на негровъ — и вотъ, уже наши прошли...

Потъ лилъ ручьемъ съ лица Миши и весь онъ былъ мокрый, какъ мышь... Но онъ собралъ силы и снова, задыхаясь отъ волненія и отъ бѣга, пустился догонять.

— Кажется, эта та самая улица... Конечно, та самая.. Или нѣтъ? Нѣтъ, вотъ какой-то базаръ, котораго тамъ не было... Спросить кого-нибудь? Но какъ спросить, когда они не понимаютъ?..

— Мама!.. — громко позвалъ Миша и самъ удивился, что онъ сдѣлалъ это какъ маленькій...

Въ концѣ улицы онъ, однако, выбился изъ силъ и остановился. Страшная мысль наполнила холодомъ всю его душу:

— Я потерялся!..

И неудержимыя слезы ручьемъ полились изъ глазъ.

— Что-жъ теперь будетъ? Что будетъ?..

Миша присѣлъ на тумбочкѣ, закрылъ лицо руками и заплакалъ навзрыдъ...

Онъ не помнилъ, сколько сидѣлъ такъ. Все смѣшалось, все опрокинулось въ его жизни и только одна мысль раскаленнымъ гвоздемъ горѣла въ головѣ:

— Потерялся!..

Миша и не замѣтилъ, какъ вокругъ него стали собираться люди. Два босыхъ арабченка въ длинныхъ до зем-

ли балахонахъ, надѣтыхъ на голое тѣло, какой-то толстый господинъ, женщина съ золотымъ носомъ и еще другая, чернолицая женщина съ босыми ногами, на которыхъ были надѣты серебряные браслеты.

Всѣ эти люди что-то такое говорили и о чемъ-то спрашивали, но Миша отъ слезъ не сразу могъ имъ отвѣтить. Онъ засунулъ руку въ карманъ, чтобы достать носовой платокъ, но платка не было, онъ досталъ только бумажку — ту самую, которая висѣла на пароходѣ надъ его койкой и гдѣ было написано:

«Понедѣльникъ — лвы.»

Женщина съ браслетами на ногахъ сунула ему въ руку золотистый бананъ и спросила:

— Урусъ?

— Да, я русскій... Я потерялся...

Мишѣ показалось, что голосъ у женщины былъ ласковый добродушный, и онъ поднялъ на нее свое заплаканное грязное лицо съ мутными потоками на щекахъ.

Женщина съ браслетами взяла его за руку, что-то такое сказала окружающимъ и повела.

— Куда? Зачѣмъ? Что она будетъ съ нимъ дѣлать?

Они прошли маленькую узенькую улицу, свернули въ переулокъ, потомъ вышли на большую нарядную и красивую улицу и тутъ Миша къ ужасу своему замѣтилъ, что женщина ведетъ его прямехонько къ городовому, который стоялъ посреди мостовой...

— Я не хочу!.. Я не хочу!.. — попробовалъ было сопротивляться Миша. Но было уже поздно. Они стояли передъ городовымъ и женщина, горячо жестикулируя, что-то такое пространно объясняла ему.

— Урусъ? — спросилъ городской Мишу. Миша молча кивнулъ головой.

— Адресъ?

Миша молчалъ.

Городовой взялъ изъ его руки забытую бумажку

съ расписаніемъ африканскаго дия и попробоваль прочитать, но не могъ.

— Адресъ?

Миша понималь, что городской его спрашиваетъ, не адресъ ли написанъ на бумажкѣ и отрицательно покачалъ головой...

Городской крикнулъ (не безъ досады), взялъ Мишу за руку и повелъ.

И какъ только Миша почувствовалъ, что его рука лежитъ въ большой теплой рукѣ городского, онъ опять заплакалъ.

— Арестовали... Ведутъ въ участокъ...

Въ участкѣ, однако, Мишѣ не показалось особенно страшно.

Въ большой комнатѣ, за столомъ, сидѣли безъ кителей городские и ѣли изъ общей миски супъ. Они показались Мишѣ огромными, сильными и почти черными отъ загара. Въ особенности одинъ, съ черной бородой и съ желтоватыми бѣлками большихъ влажныхъ глазъ. Тотъ городской, который привелъ Мишу, объяснилъ бородачу въ чемъ дѣло и передалъ ему бумажку съ Мишиными львами. И бородачъ тоже попробоваль прочитать бумажку и тоже спросилъ :

— Адресъ?

Миша отрицательно покачалъ головой.

— Урусъ?

Миша кивнулъ головой утвердительно.

Потомъ бородачъ положилъ Мишѣ руку на плечо и ласково что-то такое говорилъ на своемъ языкѣ. Миша разобралъ только три слова:

— Консулъ, телефонъ, кавасъ.

Но онъ не зналъ, что такое «кавасъ» и это странное слово немножко пугало его. И только ласковый голосъ бородача успокаивалъ Мишу.

Но когда затѣмъ бородачъ поднѣялъ его на руки, посадилъ рядомъ съ собой за столъ и далъ въ руки кусокъ

хлѣба и ложку, Миша совсѣмъ успокоился и даже улыбнулся.

Улыбнулся и бородачъ.

— Карашо?

— Хорошо.

Только начавши ѣсть, Миша почувствовалъ, какъ онъ проголодался и какъ страшно усталъ.

Супъ былъ отличный и хлѣбъ необыкновенно вкусный и еще теплый.

А бородачъ тѣмъ временемъ все похлопывалъ его по спинѣ, все подмигивалъ ему свими желтыми бѣлками и говорилъ.

Но Миша по прежнему разобралъ только три слова: консулъ, телефонъ, кавасъ...

— Что же такое этотъ «кавасъ»? Странное, загадочное и страшноватое слово — «кавасъ»!... Можетъ быть, это ихъ начальникъ, какой-нибудь африканскій предводитель?.. Очень строгое слово и немножко похоже на русское—квасъ... А можетъ быть это и въ самомъ дѣлѣ — квасъ?..

Послѣ обѣда бородачъ усадилъ Мишу въ сторонкѣ на скамью и опять поощрительно сказалъ:

— Урусъ — карашо!..

Миша сидѣлъ тихонько, часто вздыхалъ и думалъ:

— Удивительно, что они всѣ знаютъ русское слово—«хорошо». И откуда они знаютъ? А «кавасъ» — знаетъ ли и кавасъ это слово?

Городовые стали расходиться на свои посты и скоро Миша остался одинъ въ большой комнатѣ. Но это не было страшно. Нисколько. Тикали на стѣнѣ маленькіе круглые часы, ворковали за окномъ толстые сизые голуби и въ комнатѣ стало такъ тихо, что Мишѣ захотѣлось спать...

— Что дѣлаетъ мама теперь? И найдутъ ли меня? А вдругъ тутъ ночевать надо будетъ? Но «консулъ, телефонъ, кавасъ».... Бородачъ — очень хорошій... И та женщина съ браслетами на ногахъ тоже не злая... А гдѣ мой

бананъ? Неужели потерялся? — Нѣтъ, здѣсь... Развѣ съѣсть его? — Нѣтъ, послѣ. «Консулъ, телефонъ, кавасъ..» Какъ хорошо воркуютъ голуби, какъ и у насъ...

Миша подперъ щеку рукой, прижался къ уголку скамьи и тихо, незамѣтно, провалился въ сладкую темную бездну...

Ему снилась «Африка»... Темный лѣсъ, орхидеи и солнечныя пятна на землѣ... Но ни карликовъ, ни гипшопотамовъ не было, а все было другое, обыкновенное: на деревѣ сидѣла женщина съ браслетами на ногахъ и протягивала Мишѣ бананъ. А внизу подъ деревьями на четырехъ лапахъ ходилъ «кавасъ» и чесалъ свою черную спину о деревья... Такъ это просто дикій кабанъ? Какъ страшно.. А вонъ и мама ходитъ и рветъ цвѣты. Но что это такое: у мамы золотой носъ, какъ у арабковъ?.. Вотъ смѣшно!.. И зачѣмъ это она такъ глупо сдѣлала — только дикари такъ наряжаются... А вонъ и «дикаренокъ», тотъ самый, что ѣлъ такое вкусное мороженное... И вмѣстѣ съ дикаренкомъ — какъ это странно! — идетъ Григоровичъ... Они подкрадываются... Да, да... Въ рукахъ у Григоровича шуцеръ, а у дикаренка лукъ... Ага, понимаю... Это они за «кавасомъ» охотятся... Григоровичъ ползетъ... да... да... тихо, какъ гремучая змѣя, ползетъ. Неужели «кавасъ» замѣтитъ и убѣжитъ?

Миша спалъ часа два и проснулся отъ страшнаго шума въ комнатѣ. Когда онъ открылъ глаза — передъ нимъ стояла мама — вся красная, взволнованная, и смѣющаяся и плачущая въ одно и то же время.

— Миша, сумасшедшій мальчикъ, тебя выпороть мало!.. Мой маленькій, голубчикъ, какъ ты меня напугалъ!

Мама и бранила и цѣловала Мишу, а сзади стоялъ бородачъ-городовой и еще какой-то человѣкъ въ странномъ, чесучовомъ костюмѣ, съ такими безпредѣльно широкими штанами, какихъ Миша отъ роду не видалъ. Бородачъ-городовой смѣялся и человѣкъ въ необычай-

ныхъ штанахъ тоже улыбался. Обоимъ имъ мама говорила что-то такое по-французски, а человѣку въ штанахъ сказала отдѣльно по-русски:

— Спасибо вамъ, кавасъ...

— Такъ вотъ это кавасъ? Въ такихъ чесучовыхъ штанахъ?.. Они значить русскіе — кавасы?

Уже сидя на извозчикѣ, мама достала носовой платокъ и стала вытирать Мишѣ лицо. И хотя это было непріятно и больно, но Миша молчалъ. Рядомъ съ мамой было такъ такъ спокойно, уютно и такъ надежно и прочно.

— Господи! Шесть часовъ я тебя искала... И какъ ты пропалъ? Вотъ ворона, тебя высѣчь за это мало! Воображаю, какъ ты ревѣлъ, какъ плакалъ, мой бѣдненькій...

Миша хотѣлъ рассказать все подробно, но вмѣсто того прижался всѣмъ тѣломъ къ мамѣ и застѣнчиво шепнулъ ей на ухо:

— Ничего не говори Григоровичу!..

НА ДНѢПРѢ

Утромъ, на зорькѣ, Днѣпръ бываетъ совсѣмъ розовый — до странности розовый, какъ будто румяный.

Клубятся надъ нимъ молочные пухлые туманы, и на розовой водѣ, въ золотѣ утренняго солнца, медленно и беззвучно движутся плоты.

Берега еще спать.

Спать золотистое песчанное заднѣпровье, и совсѣмъ закутались въ густой туманъ днѣпровскія кручи, такъ что не видно даже столѣтнихъ, уродливыхъ вербъ. Но кукушка уже закуковала гдѣ то въ этой сѣрой мглѣ и кажется, что это отъ тумана ея голосъ звучитъ съ такой милой хрипункой. Зацелкали въ кустахъ и соловьи — не поютъ, а кричатъ, — крикомъ кричатъ отъ страсти и любви. Въ прибрежныхъ домикахъ еще опущены ставни и люди спать. Но зато Днѣпръ уже совсѣмъ проснулся. Уже снуютъ по розовой водѣ въ челнокахъ рыбаки и выбираютъ ночные переметы. Уже стонутъ уключины огромной «лайбы» съ плотовщиками, уже поднимаются якоря и старый сивый дѣдъ въ бараньей шапкѣ и нагольномъ тулупѣ кричитъ съ плота своимъ хлопцамъ:

— Давай ду-ба!

Это самое лучше время для рыбной ловли. Въ такую пору беретъ самый крупный язь.

Мы всѣ уже на своихъ обычныхъ, хорошо «прикормленныхъ мѣстахъ». Компанія у насъ небольшая, но пес-трая, какая бываетъ только на охотахъ и рыбной ловлѣ. Священникъ сельской церкви, отецъ Евгеній, петербургскій сыщикъ, Грай-Вороненко, пріѣхавшій въ Малорос-

сію лѣчиться отъ ожирѣнія сердца, молодой мужикъ Яковъ и я.

Лучше всѣхъ ловили отецъ Евгеній и сыщикъ. Оба они были первоклассные удильщики и знатоки дѣла. Но духъ соревнованія и мучительной профессиональной зависти такъ овладѣлъ ими, что рѣдкій день обходился у нихъ безъ пикировокъ и ссоръ. Когда батюшка подсѣчетъ бывало здоровеннаго пятифунтоваго язя и медленно «вываживаетъ» его до утомленія — сыщикъ завистливо шипитъ какъ бы «въ сторону»:

— Вотъ и Евгеній Онѣгинъ что то серьезное зацѣпилъ.

Батюшку очень обижало, что сыщикъ называлъ его «Евгеніемъ Онѣгинымъ» и онъ тоже какъ бы «въ сторону» отвѣчалъ:

— А за хамство, случается, и по мордамъ бьютъ... и весьма даже часто случается... Бывали примѣры.

Когда же потомъ большого язя вываживалъ сыщикъ, то батюшка отворачивался въ сторону и слегка блѣднѣлъ, слушая, какъ сыщикъ плотноядно разговаривалъ съ попавшейся рыбой и противно при этомъ сюсюкалъ.

— Что, попался, шюкинъ шынъ? Такъ тебѣ и надо — не ходи босой! Ты, шюкинъ шынъ, навѣрное къ Евгенію Онѣгину плыль, а я тебя тутъ и поддѣдюлилъ — не ходи босой!

При этой повторной дерзости батюшка съ достоинствомъ отворачивался и опять говорилъ «въ сторону»:

— Я нахожу, что скотинѣ въ человѣческомъ обществѣ не мѣсто.

Хуже всѣхъ ловилъ Яковъ, тридцати пяти лѣтній, неграмотный, но очень состоятельный мужикъ. Яковъ жалѣлъ денегъ на снасти, жалѣлъ зерна на прикормку, жалѣлъ даже нѣсколькихъ копѣекъ на крючки и ограничивался только рыбацкими молитвами и приговорами. Закидывая удочку, онъ всегда поплевывалъ на крючекъ и неизмѣнно говорилъ:

— Ну, на счастье, на таланъ, на рыбу, на таранъ, Господи помилуй!..

Яковъ втерся въ нашу компанію именно изъ экономіи. Онъ пользовался моею привадою, выпрашивалъ у меня англійскіе крючки, выпрашивалъ у батюшки старыя лески и у сыщика — папиросы. Въ началѣ знакомства это попрашайничество, исходящее отъ очень богатаго мужика, было намъ и смѣшно и странно.

Сидимъ бывало съ нимъ на привалѣ, рыба не ловится, обоемъ намъ скучно, и вдругъ Яковъ, подавляя зѣвоту, говорить:

— А что, Александровичъ, дали бы вы мнѣ на чай четвертакъ, ей Богу, а?.. Я бы за ваше здоровье выпилъ?

— Да что ты, Яковъ, обалдѣлъ что ли? Какъ тебѣ не совѣстно, вѣдь ты же богатый человѣкъ. Что ты, съ ума сошелъ?

— Ну, хоть картузъ старый подарили бы... Я знаю, у васъ два картуза: вамъ бы новый, а мнѣ бы старый?..

Постепенно, насмѣшками и отказами, мы старались отучить Якова отъ этой гнусной манеры и, кажется, отучили. Только когда онъ видѣлъ, бывало, мою рыжую рыболовную куртку верблюжьей шерсти, — всѣ наши уроки пропадали даромъ. Куртка страшно нравилась Якову, и такъ плѣнила его воображеніе, что онъ снова и снова принимался за старое:

— Вотъ бы мнѣ, Александровичъ, такую курту до церкви надѣвать... — Ахъ, вотъ это вещь!.. Вы бы, ей Богу, Александровичъ, подарили бы мнѣ, чтобы я васъ сгадывалъ (вспоминалъ). По воскресеньямъ бы до церкви бы? Вы себѣ другую купите... а?..

II.

Къ восьми часамъ утра у каждого изъ насъ было никакъ не меньше, чѣмъ по полупуду рыбы. У батюшки

даже больше. Но когда разсѣялись туманы и припекло солнышко, жадный клевъ сталъ перемѣжаться и рыбакамъ захотѣлось чаю.

Только тотъ, кто встаетъ въ два часа ночи и все утро дышитъ воздухомъ рѣчного раздолья, — знаетъ, что такое самоваръ на берегу рѣки и три-четыре стакана горячаго, душистаго, прекраснаго чаю.

У батюшки въ челнокѣ былъ и самоварчикъ. И не только самоварчикъ. Это былъ не челнокъ, а настоящій рыбацкій домъ. Я во всю жизнь не видѣлъ такого замѣчательнаго сооруженія. Тамъ была и посуда въ шкафчикѣ и котелокъ, и большой зонть отъ солнца, и перемѣна бѣлья, и книги, и снасти, и тюфячокъ, и резиновый плащъ отъ дождя. И все это было прилажено съ любовью, съ умомъ, и съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Батюшка 15 лѣтъ все «улучшалъ» свой челнокъ и, дѣйствительно, дошелъ до полнаго совершенства...

— Ну, что жъ, господа, сколько ни лови, а всего не выловишь... Пора бы и чайку...

Эти слова батюшки были какъ бы сигналомъ и мы молча смотали удочки...

Сыщикъ вызвался ставить самоваръ.

— Дозвольте, отецъ Евгеній, я еду...

Сыщикъ былъ уже корректенъ и почителенъ и прежняго «Евгенія Онѣгина» не было и въ поминѣ. Но батюшка еще помнилъ «дерзости» и сдвинувъ брови уронилъ:

— Попросилъ бы оставить меня въ покоѣ.

Однако, когда самоваръ поспѣлъ, батюшка смѣнилъ гнѣвъ на милость. Всѣ мы были счастливы въ это утро своей рыбацкой удачей и не было въ нашей душѣ мѣста для злапмятства и недоброжелательности.

И оттого о. Евгеній, поглаживая свою широкую бороду съ просѣдью и улыбаясь одними глазами, обратился къ сыщику:

— «Что же ты, Ленскій, не танцуешь, чашка ждетъ тебя давно». Милости просимъ къ самоварчику.

Миръ былъ заключенъ и чай вышелъ на славу. У батюшки въ челнокѣ нашлось и маслице, и вареньице, и лимончикъ, и сладкій хлѣбъ съ изюмомъ, и еще тысяча всякихъ вещей, уложенныхъ съ вечера заботливой матушкой.

Было удивительно хорошо на Днѣпрѣ. Блестѣли солнечные на блики водѣ, куда то далеко летѣли дикія утки, бѣлѣлъ на горизонтѣ маленький крестьянскій парусъ и нездѣшнымъ миромъ наполнялась доверху душа.

Немного хотѣлось спать, и хотѣлось удить еще рыбу, и хотѣлось купаться, и ничего не хотѣлось...

Между тѣмъ, берегъ оживился. Стали приходить купаться дачники и дачницы, и въ рѣкѣ слышались веселые дѣвчьи взвизги и строгіе голоса матерей:

— Танечка, не смѣй заплывать такъ далеко!..

Я закрылъ глаза и, лежа на золотистомъ пескѣ отдели, подставилъ лицо подъ солнце.

— Какъ хорошо!

Но вотъ на берегу слышалась какая то возня, какіе то мужичьи крики и шлепанье тѣлъ въ воду.

Открываю глаза и вижу — на мостикахъ купальни, въ бѣломъ костюмѣ и въ панамѣ, стоитъ нашъ сосѣдъ по дачѣ, богатый молодой купецъ изъ Москвы.

— Опять это животное! — проносится у меня въ головѣ.

У ногъ купца стоитъ корзина, полная «сороковокъ» съ водкой, а вокругъ, на Днѣпрѣ, галдятъ и ссорятся и ругаются мужики въ челнокахъ и въ лодкахъ.

Купчикъ завелъ здѣсь своеобразную «игру». Каждое воскресенье онъ приходитъ со своей корзиной, скликаетъ мужиковъ и бросаетъ въ воду бутылку за бутылкой. А мужики стремглавъ кидаются въ рѣку и ловятъ бутылки. «Игра» требовала, чтобы «нырки» бросались въ воду въ одеждѣ и голые мужики къ соисканію не допускались.

— Ну, богоносцы! — весело и задорно кричалъ купецъ, — мужички православные, пиль!

Въ воздухѣ мелькнула и нѣсколько разъ перекувыркнулась бутылка, а съ лодокъ пять-шесть бородатыхъ мужиковъ вытянули впередъ руки, ринулись въ Днѣпръ и исчезли подъ водой.

Долго нѣтъ ихъ. Даже странно становится. Но вотъ, отфыркиваясь и встряхиваясь, показалась одна голова, другая, третья, а вотъ и руки съ бутылкой и радостно оскаленная мокрая морда.

— Поймалъ!.. Есть!..

А купецъ уже помахиваетъ въ воздухѣ второй бутылкой и звонкимъ теноромъ кричить:

— Ну, богоносцы, стройся въ одинъ рядъ, мать вашу поймать, да за отца замужъ выдать! Пиль!..

И опять четыре бородатыхъ мужика съ азартомъ, съ крикомъ, бросились въ воду...

Ужасно противно было видѣть эту «игру» и невыносимо было смотрѣть на купца. Хотѣлось подойти и ударить по лицу. Звонко, сильно, со всей руки хлестнуть, чтобы зазвенѣло въ воздухѣ.

Я отвернулся, чтобы не видѣть «игры», но каково же было мое удивленіе, когда и нашъ Яковъ вдругъ, какъ бѣшеный, сорвался съ мѣста, кинулся въ лодку и, работая кормовымъ весломъ, понесся къ мѣсту состязанія.

— Куда ты, Яковъ? Вернись, дуракъ! — крикнулъ ему батюшка. Но Яковъ, вѣроятно, даже не слышалъ. Онъ былъ уже тамъ, въ числѣ «богоносцевъ», и я видѣлъ только, какъ взметнулись вверхъ его руки и какъ, вслѣдъ за тѣмъ, съ плескомъ ринулось его тѣло въ воду.

Съ полчаса продолжалась эта «игра». Число мужиковъ соискателей все увеличивалось и уже лодокъ пятнадцать вертѣлось вокругъ купца.

Чтобы не глядѣть на эту мерзость, мы стали снова ловить рыбу и только обмѣнялись отрывочными замѣчаніями.

— Какая мразь! — сказалъ я.

— Несомнѣнное кощунство! — произнесъ батюшка

— Большой миллионеръ! — сказалъ сыщикъ.

А съ купальныхъ мостковъ все слышалось:

— Ну, богоносцы, мать вашу поймать да за отца замужъ выдать!..

Минуть черезъ сорокъ, однако, это прекратилось. Купецъ ушелъ и къ нашей привадѣ подплылъ на лодкѣ Яковъ. Съ одежды его струилась вода, мокрый картузь былъ на затылкѣ, но въ каждой рукѣ было по бутылкѣ и мокрая рожа сіяла неподдѣльнымъ торжествомъ.

— Выловилъ! — Ажъ двѣ!..

Но тутъ со мной случилось то, что очень рѣдко со мной вообще случается. Я вспыхнулъ такимъ гнѣвомъ, какого даже не ожидалъ отъ себя:

— Вонъ отсюда, мерзавецъ! — закричалъ я на Якова. — Чтобы духа твоего тутъ не было! Чтобы я никогда не видѣлъ больше твоей поганой рожи! Вонъ!..

Кажется даже я замахнулся на Якова весломъ.

Батюшка схватилъ меня за руку.

— Успокойтесь, дорогой collega, право не стоитъ этотъ неосмысленный, чтобы изъ за него такъ кипятиться.

А Яковъ смотрѣлъ на меня большими непонимающими глазами и со страхомъ и недоумѣніемъ шепталъ:

— Александровичъ! За что? Шо-жъ я сдѣлалъ? Шо такое?

— А то ты сдѣлалъ, что ты какъ собака побѣжалъ, когда тебѣ только свиснулъ этотъ баринъ московскій! Какъ песъ паршивый, ты кидался въ воду за водкой!

— Такъ и другіе же ныряли, Александровичъ?..

Я видѣлъ, что Яковъ меня не понимаетъ. Но меня такъ загло, что я продолжалъ:

— Развѣ ты человѣкъ? Считаешься первый богатъ на селѣ, первый хозяинъ, просишься въ старосты церковные — и ныряешь, какъ песъ, за водкой, потѣшаешь этого барина?..

— Такъ, Александровичъ, такъ я-жъ...

— Что «такъ я-жъ»? Въ старосты церковные просишь,

ся? Судьей волостнымъ тебя сдѣлали? Хорошъ судья, который въ одеждѣ и въ картузѣ, какъ собака, за 'водкой ныряетъ. А дѣти твои, жена твоя! Вѣдь у тебя дѣти растутъ — что жъ имъ хорошо будетъ глядѣть, какъ ихъ батко, первый богачъ на селѣ, по собачьему въ воду кидается? Хорошъ батко, нечего сказать. — Ступай вонъ, отсюда!

Я такъ распѣтушился, что подъ конецъ мнѣ даже совѣстно стало. Но къ удивленію моему, моя грубая выходка и непозволительная брань, какъ будто дошли до сердца Якова. Я увидѣлъ въ его глазахъ и въ его лицѣ какое-то новое выраженіе. Какъ будто первый разъ въ жизни онъ что то понялъ и что то по новому, по другому увидѣлъ, какая то жалкая растерянность и стыдъ — несомнѣнный стыдъ — засвѣтились на его мокромъ лицѣ.

Молча отвязалъ онъ лодку, молча нахлобучилъ на голову мокрый картузъ и отчалилъ отъ нашей привады. А проѣхавши сажень двадцать, онъ вдругъ размахнулся и со всей руки швырнулъ бутылку съ водкой въ Днѣпръ. Одну и другую. И еще сильнѣе заработалъ своимъ кормовымъ весломъ...

— А вѣдь, кажется, понялъ! — многозначительно сказалъ батюшка и посмотрѣлъ на меня.

Мнѣ было совѣстно и я не отвѣтилъ.

ВРЕМЕННЫЕ ЖЕНЫ

Осенью, по вечерамъ, когда не было денегъ, чтобы убѣжать въ кафэ, онъ ходилъ по своей комнатѣ, на стѣнахъ которой висѣли чужіе Бисмарки и Вильгельмы, и томился злымъ одиночествомъ...

Ему было тридцать лѣтъ, онъ былъ красивъ и здоровъ, и тоска по женщинѣ и по ж е н ѣ уже давно мучила его. Но онъ жилъ литературнымъ трудомъ, едва сводилъ концы съ концами и не смѣлъ даже думать о прочной связи и семьѣ.

И оттого, когда на улицахъ было холодно и мокро, а по стекламъ ползли слезы дождя, онъ шагаль по своей комнатѣ и, остановившись передъ Бисмаркомъ, машинально напѣвалъ:

«Солдатушки, братья-ребятушки,
А гдѣ-жъ ваши жены?»

Со стѣны смотрѣло старое, умное, холодное и чужое лицо канцлера. До такой степени чужое, что тяжело было его видѣть. И тогда ноги сами поворачивали къ другой стѣнѣ, гдѣ висѣлъ грудастый и бравый Вильгельмъ, а губы все напѣвали печальное:

«У верблюда есть семья,
И у волка дѣти,
А у насъ съ тобой, мой другъ,
Никого на свѣтѣ!»...

Горьки, какъ полынь, были эти тягуче, щемящіе часы одиночества. Вспоминалась Москва, университетъ, Татьянинъ день...

— Чортъ возьми, вѣдь все это было!

И Арбатъ былъ, и Маросейка, и «gaudeamus igitur», и голубоглазая милая медичка Ирочка, съ груднымъ контрольтю и съ московскимъ говоркомъ...

А теперь — Ферберлинеръ-плацъ, чужая комната, чужіе Бисмарки по стѣнамъ и чужая, всегда одинокая кровать.

«Солдатушки, братья-ребятушки,
А гдѣ-жъ ваши жены?».

Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ Бисмаркъ и Вильгельмъ услышали, какъ русскій наниматель комнаты говорилъ самъ съ собой:

— А почему бы въ самомъ дѣлѣ не приручить хоть какую нибудь нѣмочку верблюжьяго типа? Вѣдь теперь всѣ кругомъ заводятъ только «временныхъ» женъ... Много ли нѣмкѣ нужно? Два фунта картофеля, полфунта маргарину и полный кофейникъ кофе. А комната достаточно велика и для двоихъ... — Нѣтъ, право, это мысль.

И подойдя къ портрету Бисмарка, русскій хозяинъ нѣмецкой комнаты даже развеселился:

— Вы какъ на этотъ счетъ думаете, Негг канцлеръ? Все таки, согласитесь, это веселѣе будетъ: придешь съ работы домой, а на диванѣ имя существительное сидитъ и чулки штопаешь. Вѣдь это разница!

— А вы, ваше императорское величество, что по этому поводу скажете? Вы не прогнѣвайтесь, что я такой пустой вопросъ вношу на высочайшее благоусмотрѣніе, но мнѣ не съ кѣмъ здѣсь посоветоваться... Уже полгода, какъ я говорю только съ вашимъ величествомъ и съ г-номъ канцлеромъ...

— Да, чортъ возьми, это идея!... Если, скажемъ, этакая нѣмочка, имя существительное этакое, будетъ здѣсь чулки штопать и кофе распивать... Какаянибудь Марихень, или Кэтхень, или Гретхень... Вы какого мнѣнія, Негг канцлеръ?

Залетѣвшая въ голову случайная мысль нашла свою реализацію съ изумительной быстротой...

Въ магазинѣ съѣстныхъ припасовъ (Delikatessen), гдѣ русскій покупалъ каждый вечеръ четверть фунта колбасы или четверть фунта ветчины, за кассой сидѣла милая черноглазая нѣмка — высокая, плотная, по нѣмецки сильная дѣвушка. Она давно уже переглядывалась съ красивымъ русскимъ покупателемъ, но только теперь этотъ русскій заговорилъ:

— Дорогая фрейлейнъ, не сдѣлаете ли вы мнѣ честь и не пойдете ли со мной сегодня въ кинематографъ?

Нѣмка радостно вспыхнула:

— Ахъ, я право не знаю...

— Я васъ буду ждать у кассы, дорогая фрейлейнъ, ровно въ половинѣ девятого...

Она конечно пришла и съ благодарностью приняла коробку шоколаду, и на тайное пожатіе рукъ во время представленія отвѣчала прямодушно и сильно.

А послѣ кинематографа они сидѣли въ кафѣ, она ѣла кухни и просила его написать ей что-нибудь на память.

Онъ вырвалъ листокъ изъ записной книжки и написалъ:

— «Дорогая Эрна, вы очаровательны».

Потомъ на томъ же листкѣ, на обратной сторонѣ, написала она:

— «Еще вчера мы были незнакомы, а сегодня мы уже познакомились»...

Она спрашивала, кто онъ, чѣмъ занимается, и утомительно выговаривала его русское имя — Ифанъ Петровичъ Нежданофъ...

А онъ узналъ, что она — Эрна Кнопль, что она одинока, служить кассиршей, но жалованья ей не хватаетъ на жизнь...

Прощаясь, онъ ее обнялъ въ темномъ переулкѣ, и она охотно и пылко отвѣчала на его поцѣлуи:

— Завтра ты придешь ко мнѣ, Эрна?...

— Ахъ, я право не знаю!...

Но она пришла, а черезъ три дня съ чемоданомъ и корзиной, съ баульчиками и мѣшечками, она переѣхала къ нему совсѣмъ.

Такъ и началась эта совмѣстная жизнь и этотъ временный бракъ.

По вечерамъ на диванѣ, подѣ портретомъ Бисмарка, сидѣло «имя существительное» и вязало чулки, а Иванъ Петровичъ подсаживался къ ней и мѣшалъ работать своими поцѣлуями.

Нѣмка на всѣ поцѣлуи отвѣчала аккуратно, но говорила:

— Богъ мой! Сейчасъ только половина восьмого... Кто же цѣлуется въ половинѣ восьмого?

Она была удивительно нетребовательна и до нелѣпости добросовѣстна.

Добросовѣстно штопала чулки, добросовѣстно варила супъ, добросовѣстно цѣловалась.

По началу ея здоровый нѣмецкій темпераментъ даже пугалъ Ивана Петровича своей ненасытностью,

но постепенно все обошлось и временные супруги очень нравились другъ другу.

Ему нравилась ея свѣжесть, ея упругое молодое тѣло и ровная спокойная веселость и привѣтливость.

А ее поражала широта и щедрость русскаго, который могъ тратить на нее всѣ деньги до послѣдней копѣйки.

Эрна заплакала, когда Иванъ Петровичъ, безъ всякой ея просьбы, пошелъ и выкупилъ изъ ломбарда ея заложенные серьги и брошку.

Она не привыкла къ этому.

Она даже представить себѣ не могла ничего подобнаго.

Въ первое время, пока она не узнала его, она стѣснялась, когда къ ней приходила по воскресеньямъ подруга. Въ этихъ случаяхъ Эрна робко спрашивала:

— Это ничего, что ко мнѣ Гертруда приходитъ и мы кофе пьемъ? Мы безъ сахара?

Онъ выходилъ изъ себя отъ этихъ вопросовъ и нарочно бѣжалъ въ кондитерскую и приносилъ пирожныхъ, шоколаду, фруктовъ.

Но тогда выходила изъ себя уже Эрна и говорила, что «этотъ сумасшедшій русскій можетъ истратить на пирожные десять марокъ!...»

Но въ самой глубинѣ души ей очень нравилась эта русская широта и русская мужская нетребовательность. Никогда ни одной сцены изъ за денегъ, ни одного замѣчанія изъ за рубашекъ или воротниковъ и ни одной гримасы по поводу расходовъ. Приходя съ базара, Эрна съ отчаяніемъ говорила ему, что мясо подорожало, что маргаринъ и картофель тоже растутъ въ цѣнѣ, а онъ сажалъ ее къ себѣ на колѣни, цѣловалъ ея бѣлую сильную шею и смѣялся.

Или подводилъ ее къ портрету Бисмарка и шутя говорилъ:

— Негг канцлеръ, я обращаю ваше вниманіе, что

маргаринъ опять подорожалъ. Смотрите, чтобы эта женщина не сдѣлала вамъ революцію.

Это и удивляло и умиляло Эрну. И по ночамъ, прижимаясь къ любовнику всѣмъ своимъ молодымъ горячимъ тѣломъ, она шептала:

— О, мой Іоганнъ, о мой дорогой, милый Іоганнъ! Если бы Богъ далъ мнѣ такого мужа, какъ ты, — какъ бы я вѣрно, какъ честно я любила бы тебя всю жизнь....

Постепенно Иванъ Петровичъ узналъ интимное прошлое Эрны и всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Первымъ былъ шоферъ — нѣмецкій ухарь и бабій разгонникъ: пьяница, пройдоха, лгунъ и едва ли не сутенеръ.

Потомъ былъ студентъ съ дуэльнымъ шрамомъ на лѣвой щекѣ.

Потомъ чиновникъ изъ полиціи, игравшій на мам-долинѣ, и, наконецъ, отставной майоръ Негг Таккъ.

Съ майоромъ Эрна жила, въ качествѣ «временной жены», почти цѣлый годъ и много терпѣла.

Это былъ грузный сорокалѣтній нѣмецъ съ сизымъ лицомъ и съ бычачьей шеей. Онъ запиралъ отъ Эрны на ключъ сахаръ и кофе, а за обѣдомъ, хотя они сидѣли за однимъ столомъ, но кушанья имъ подавались разныя: майору — свинина, Эрнѣ — картофельный салатъ.

Этому временному браку предшествовалъ краткосрочный словесный договоръ, заключенный на одинъ мѣсяцъ. И каждое первое число Эрна спрашивала:

— Негг майоръ, будемъ ли мы продолжать и слѣдующій мѣсяцъ?

И майоръ бурчалъ ей въ отвѣтъ:

— Да, чортъ возьми, мы будемъ продолжать еще мѣсяцъ, если ты исправишься...

За всю эту муку Эрна получала столъ и уголь, вѣрнѣе, половину майоровой кровати на ночь.

Разъ въ мѣсяцъ онъ водилъ ее въ Зоологическій садъ,

причемъ онъ пилъ пиво, а она сидѣла и смотрѣла, какъ онъ это дѣлаетъ.

Нежданову было смѣшно и грустно слушать эти рассказы. Онъ всегда думалъ, что нѣмки — самыя неизбалованныя и самыя неприхотливыя женщины въ мірѣ — настоящія женщины верблюжьяго типа. Но онъ никогда не думалъ, что ихъ такъ мало цѣнять и такъ мало беречь.

— Не странно ли: такая хорошенькая, милая дѣвушка, какъ Эрна — такая скромная, трудящаяся, неприхотливая — не нашла себѣ мужа и цѣлый годъ терпѣла сизаго майора. Что за нелѣпость?...

Ему было отъ души жалъ Эрну и онъ гладилъ ее по пышнымъ вьющимся волосамъ и цѣловалъ въ черные наивные глаза. По-братски цѣловалъ.

— Какъ ты могла, Эрна?... Какъ ты могла выносить этого сизаго майора?

— Ахъ, ты вѣдь знаешь, что моего жалованья въ Delikatessen не хватаетъ на квартиру... Что оставалось дѣлать? И всѣ подружки говорили, что майоръ, по крайней мѣрѣ, солидный господинъ.

Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ продолжалась эта русско-нѣмецкая идиллія. За это время Эрна расцвѣла, похорошѣла и даже чуть-чуть обрусѣла: она выучилась говорить по русски «чортъ побери», жарила котлеты на маслѣ, а не на маргаринѣ и почти совсѣмъ отучилась ѣсть бутерброды въ трамваѣ. Но были вещи, отъ которыхъ ее никакъ нельзя было отучить.

Она не могла не говорить «Ахъ!» въ началѣ каждой фразы; не могла не выбѣгать въ переднюю на звонокъ Нежданова, чтобы взять изъ его рукъ палку и шляпу, и въ особенности не могла забыть о цѣнахъ на продук-

ты и не называть Нежданова при постороннихъ «Негг Доктор». Эрна какъ будто гордилась и тщеславилась, что Неждановъ окончилъ университетъ и что по нѣмецкимъ обычаямъ онъ не кто нибудь, а «докторъ».

Даже въ кухнѣ, когда у нея подгорали котлеты, Эрна говорила хозяйкѣ:

— Ахъ, что я теперь скажу, когда придетъ обѣдать Негг докторъ?

Несчастье, однако, подкралось къ этой молодой и любящей четѣ незамѣтно. И подкралось съ той стороны, съ которой его надо было всегда ожидать.

Эрна забеременѣла...

Они были увѣрены, что ихъ безумныя, страстныя ночи должны пройти безнаказанно. Но они ошиблись. Цвѣтущее и сильное тѣло Эрны было давно готово къ материнству и давно жаждало его, какъ награды за любовь. Но это не входило въ ихъ планы и роковая вѣсть произвела впечатлѣніе выстрѣла изъ за угла.

Печальная, убитая сидѣла Эрна на своемъ обычномъ мѣстѣ «подъ Бисмаркомъ» и тихо плакала.

— Мы пропали, Іоганнъ!... Ахъ, Іоганнъ, мой дорогой Іоганнъ..

Иванъ Петровичъ ходилъ большими шагами по комнатѣ и тяжело думалъ:

— Ребенокъ въ нашихъ условіяхъ, при нашихъ средствахъ... Ахъ, жизнь собачья!...— Но, можетъ быть, ты еще ошибаешься, Эрна?

— Ахъ, я не ошибаюсь, Іоганнъ!... Это вѣрно. И подумать только, что же теперь будетъ? Мои подруги, моя служба...

— А тебѣ не приходило въ голову, Эрна, что это можно поправить? Ты никогда не думала, что акушерка или докторъ могутъ все уничтожить?...

— Ты говоришь о выкидышѣ? Но это стоитъ большихъ денегъ.

Онъ подсѣлъ къ ней, нѣжно обнялъ ее за плечи и по привычкѣ сталъ цѣловать въ глаза.

— Слушай, моя Эрночка, моя милая дѣвочка... Я ничего отъ тебя не требую. Ты поступи, какъ хочешь. Если родится ребенокъ, это будетъ — мой ребенокъ, и я буду честнымъ отцомъ для него. Пусть меня накажетъ Богъ, если я когда-нибудь брошу тебя... Но если ты не можешь, если боишься, если намъ нельзя ребенка, тогда — докторъ... Другого выхода нѣтъ!

— Но деньги, Иоганнъ, деньги!

— Денегъ постараемся добыть, чортъ поberi!... Такъ и рѣшили.

Неждановъ обѣгалъ всѣхъ пріятелей, залѣзъ по уши въ авансы, заложилъ и продалъ все, что можно было и все таки не могъ собрать нужную сумму, чтобы заткнуть жадную пасть эскулана. Только выпросивши пособіе въ какомъ-то благотворительномъ обществѣ, онъ едва-едва дотянулъ до требуемой цифры. Въ дѣло пошли и знаменитыя серьги и брошка Эрны, которыя опять утонули въ ломбардѣ.

Но зато операція прошла благополучно и быстро. Желѣзный организмъ Эрны былъ такъ несокрушимъ, что она только два дня не ходила на службу въ свой *Delikatessen*.

Похудѣвшая, замѣтно похорошѣвшая, съ новымъ одухотвореннымъ выраженіемъ въ глазахъ и въ лицѣ, пріѣхала Эрна изъ лечебницы. Иванъ Петровичъ встрѣтилъ ее, какъ любимую и дорогую жену.

На радостяхъ, что все сошло благополучно, онъ даже развеселился и, по своему обыкновенію, не пропустилъ случая поговорить о положеніи дѣлъ съ Бисмаркомъ.

— Итакъ, Негг канцлеръ, у насъ все въ порядкѣ. Какъ вы можете видѣть, бѣда пришла и ушла и русско-германскій союзъ продолжается. Каково будетъ на этотъ счетъ ваше заключеніе, Негг канцлеръ?

Эрна улыбалась на своемъ диванѣ и говорила:

— Ахъ, Іоганнъ, оставь, наконецъ, бѣднаго Бисмарка въ покоѣ!...

Предположеніе Ивана Петровича, что бѣда пришла и ушла» было, однако, не вѣрно. Бѣда и не думала уходить. Ихъ общій бюджетъ, сколоченный кое-какъ и едва покрывавшій расходы, былъ въ корнѣ подорванъ расходами на операцію. Такія маленькія полунищенскія хозяйства тѣмъ и отличаются, что малѣйшая случайность, малѣйшая трещина въ смѣтѣ-ведутъ къ катастрофѣ.

Иванъ Петровичъ приналежъ на работу и засиживался по ночамъ такъ долго, что Эрна переставала уже его ждать. Она вскакивала съ постели и босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ разсыпавшимися по голымъ плечамъ черными волосами, подбѣгала къ нему приласкаться...

— Хоть поцѣлуй меня, Іоганнъ, иначе я не засну!...

Онъ цѣловалъ ее, но не вставалъ изъ за стола и часто работалъ всю ночь напролѣтъ.

Однако, эта работа мало помогала хозяйству.

Иванъ Петровичъ былъ далеко небездаренъ въ своемъ дѣлѣ. Но его рассказы и статьи почти ничего не приносили ему. Одни издатели не платили совсѣмъ, другіе мародерствовали, третьи хоть и платили, но выматывали душу и цѣдили по грошику. А платежи со всѣхъ сторонъ надвигались на него, какъ черная туча.

Постепенно начались копѣчныя драмы.

— Счетъ изъ прачешной, счетъ за газъ и электричество, счетъ изъ лавочки, счетъ за телефонъ, счетъ за комнату, счетъ отъ зубного врача.

Каждый звонокъ въ ихъ квартиру пугалъ и вызывалъ въ душѣ непріятное, унижительное желаніе спрятаться и убѣжать...

Особенно дѣйствовали звонки на Эрну. Аккуратная нѣмка, привыкшая смотрѣть на каждый счетъ, какъ на

законъ, она приходила въ отчаяніе отъ малѣйшей задержки.

Эрна покраснѣла и заплакала, когда имъ закрыли телефонъ и оштрафовали на 10 марокъ за просрочку налога...

Цѣлые дни Иванъ Петровичъ метался по городу, но безъ всякихъ результатовъ..

Онъ уже всюду былъ долженъ, вездѣ «перехватилъ», и брешь, пробитая въ бюджетъ операціей, затопляла ихъ маленькій семейный челночекъ и неудержимо влекла на дно.

А по ночамъ—притихшая, печальная Эрна прижималась къ нему и шептала:

— Я тебѣ въ тягость, мой милый Іоганнъ... Я вижу, я вижу, я должна уйти...

Иванъ Петровичъ очень надѣялся на свою книгу рассказовъ, которую онъ продалъ за грошъ издателю. Но книга вышла, а издатель не заплатилъ ни копѣйки и пришлось начинать съ нимъ противную, бесплодную канитель «третейскаго суда».

Между тѣмъ, подошелъ срокъ платить за комнату, а на рукахъ была только половина мѣсячной платы. Хозяйка ждала три дня и сдѣлала первое грозное предостереженіе.

Иванъ Петровичъ завертѣлся, какъ одурманенный. Ему все казалось, что онъ попалъ въ разъяренную собачью стаю и что еще минута и его разорвутъ въ клочки.

Съ утра до ночи онъ бѣгалъ по городу, тыкался въ редакціи, стучался къ друзьямъ, но безъ малѣйшаго успѣха.

А Эрна, потихоньку отъ него и въ его отсутствіе, достала свои чемоданы и начала укладывать вещи. Она перебирала каждую бездѣлушку, каждый подарокъ своего Іоганна и въ раскрытый чемоданъ капали ея слезы.

— Нѣтъ намъ счастья... Бѣдный мой Іоганнъ!...

Случайно въ одномъ изъ баульчиковъ она наткну-

лась на листокъ бумаги изъ записной книжки и разрыдалась. Это былъ тотъ самый клочекъ, на которомъ оба писали въ первый день знакомства.

Всхлипывая отъ слезъ, Эрна вслухъ прочитала:

— «Еще вчера мы были незнакомы, а сегодня мы уже познакомились»...

Эрна упала грудью на столъ и неудержимо, по-дѣтски заплакала.

— «Еще вчера мы... бы... ли незна... комы...» Ахъ, прошло, навсегда прошло твое счастье, бѣдная Эрна... «А сегодня, а сегодня... мы уже познакомились...»

Вечеромъ, когда Иванъ Петровичъ пришелъ домой, Эрна не сказала ему ни одного слова и даже не спросила, какъ идутъ дѣла. Но ночью, когда они уже были въ постели, она была такъ нѣжна съ нимъ, такъ порывисто и ненасытно страстно цѣловала ему руки, глаза, все лицо, что Иванъ Петровичъ даже спросилъ:

— Что съ тобой сегодня, моя Эрпочка?

— Ахъ, ничего, мой дорогой мальчикъ, мой милый, милый Иоганнъ...

А на утро, когда Иванъ Петровичъ снова побѣждалъ къ издателямъ и редакторамъ, Эрна быстро уложила всѣ свои вещи и принялась писать. Она долго плакала, утирала полотенцемъ глаза, и писала, писала...

Потомъ пришелъ консьержъ и снесъ на извозчика Эрнины вещи.

А Эрна налила въ стаканъ воды, вставила въ воду большую пунцовую розу и положила подъ стаканъ письмо.

Потомъ она еще разъ оглядѣла комнату, увидѣла на вѣшалкѣ старое пальто Ивана Петровича, побѣжала къ нему, судорожно обняла его, припала къ нему губами и вся затряслась отъ нѣмого рыданія...

А вечеромъ, когда Иванъ Петровичъ опять пришелъ домой съ пустыми руками и Эрна не выбѣжала въ перед-

нюю, чтобы взять изъ его рукъ шляпу и палку, онъ сразу догадался, что случилось что-то недоброе...

— «Мой дорогой, мой нѣжно любимый Іоаннъ». — было написано въ письмѣ. — «Я не могу видѣть твоихъ мученій... Я тебѣ въ тягость... Пусть лучше я опять уйду къ майору, чѣмъ такъ страдать... О, мой Іоаннъ, мой милый мальчикъ!...»

Иванъ Петровичъ выронилъ письмо изъ рукъ и не дочиталъ.... Онъ не заплакалъ, не кинулся догонять Эрну, а только все ниже и ниже опускалъ голову надъ своимъ письменнымъ столомъ...

— Вотъ и эпилогъ копѣчной драмы!

Всю ночь Иванъ Петровичъ шагаль по опустѣвшей комнатѣ, смотрѣлъ въ темныя окна, по которымъ бѣжали струйки дождя и шепталъ:

— Значить, опять сизый майоръ...

Иногда онъ останавливался передъ портретомъ Бисмарка, смотрѣлъ тупымъ , непонимающимъ взглядомъ въ это старческое чужое лицо и тихонько, поникши головой, напѣвалъ:

«Солдатушки, братья-ребятушки,
А гдѣ-жъ ваши жены?»

ФИЛЬКА

Никто не могъ бы сказать, какъ это случилось, что поваръ Василій закололъ къ празднику общаго любимца дѣтей, поросенка Фильку.

Поваръ говорилъ, что Филька былъ самый маленькій изъ всѣхъ обитателей свинушника и что баринъ, Викторъ Антоновичъ, терпѣть не можетъ поросятъ, когда они уже подрастаютъ и дѣлаются почти «подсвинками».

Однако, няня Петровнушка увѣряла барыню и даже божилась, что Василій сдѣлалъ это изъ озорства и съ пьяныхъ глазъ, хотя во всей усадьбѣ рѣшительно никто не видѣлъ, чтобы Василій былъ передъ праздникомъ пьянъ.

— Костенька, а вы знаете?

Костя какъ разъ вставлялъ угольные глаза бабѣ и былъ такъ занятъ работой, что даже не обернулся.

— Чего тамъ еще?

— Поросенокъ вашъ, Филька...

— Ну?...

— Его закололи... къ обѣду... съ кашей подадутъ...

Костя выронилъ угольки изъ рукъ и такъ рѣзко повернулся, что рукавомъ задѣлъ и отбилъ носъ у бабы.

— Правда?... Это правда?...

Какъ ураганъ кинулся Костя въ свинушникъ, затѣмъ въ кухню и съ громкимъ плачемъ, всхлипывая, побѣжалъ въ комнаты.

Черезъ минуту въ дѣтской поднялись такой плачь и такой крикъ, что прибѣжали и няня, и мама, и обѣ горничныя.

— Это нарочно, нарочно, онъ нарочно! — злымъ

плачущимъ голосомъ кричалъ Костя и растиралъ по щекамъ слезы грязнымъ, чернымъ отъ угля, кулакомъ.

— Онъ всегда! Онъ всегда, всегда такъ!—задыхаясь отъ слезъ, кричала и Муся, вся бѣленькая, разряженная къ празднику, съ завитыми, золотистыми локонами.

Только маленькій четырехлѣтній Аликъ, у котораго болѣла ножка и который поэтому ходилъ въ мягкихъ черныхъ валенкахъ, плакалъ тихо и все повторялъ:

— Такого поросеночка, такого маленькаго...

Мама цѣловала семилѣтнюю Мусю, гладила по головѣ Алика, стыдила «большого» Костю и сыпала направо и налево обѣщаніями.

Она обѣщала дѣтямъ покатавъ ихъ на тройкѣ (сегодня же, съ бубенчиками), обѣщала Костѣ новые коньки — «снігурочки», обѣщала всѣмъ дѣтямъ по новому поросенку во сто разъ лучше, чѣмъ былъ Филька, и даже лгала, говоря, что Филька, все равно былъ боленъ и его нельзя было больше держать.

Но дѣти не слушали матери и отбивались отъ ласковыхъ рукъ няни и горничныхъ.

Вся красная отъ гнѣва, съ негодующими, заплаканными глазами, Муся заикалась отъ волненія и кричала:

— Если бы я... если бы я... была... была большая, я этому повару... дала бы... дала бы «подщечину»... Палкой «подщечину»...

— Но, дѣточка моя, вѣдь новенькаго дадутъ, новенькаго поросеночка...

— Не надо намъ новенькаго! Не надо! Не надо!

Муся даже затопала ножками, обутыми въ бѣленькія туфельки съ бантиками, и вся затряслась отъ бурнаго гнѣва.

Взрослые не понимали дѣтей.

Взрослымъ казалось, что произошла большая неприятность, досадное, огорчительное недоразумѣніе, которое можно загладить подарками, поцѣлуями, ласками.

Но дѣти думали совсѣмъ иначе. Дѣти думали, что

произошла ужасная, нестерпимая и непростительная низость, произошло злодѣйство, и что жертвой этого подлаго и безчестнаго злодѣйства оказался ихъ другъ, ихъ Филька, маленькій, беззащитный йоркширскій поросенокъ, который еще такъ недавно бѣгалъ по комнатамъ, ѣлъ изъ рукъ сахаръ, пилъ изъ блюдечка молоко и такъ смѣшно двигалъ при этомъ своимъ кругленькимъ вздернутымъ пяточкомъ.

Дѣти считали Фильку членомъ своей компаніи, участникомъ общихъ игръ и вообще «своимъ» близкимъ, почти роднымъ.

И потому сознаніе, что Филька, какъ говорилъ Костя, лезитъ теперь на сковородѣ, въ духовой печкѣ, и что весь животъ его набитъ гречневой кашей, будило въ дѣтской душѣ неотступную мысль о злодѣяніи и убійствѣ.

Поваръ въ воображеніи дѣтей рисовался существомъ презрѣннымъ, ненавистнымъ и жестокимъ. Онъ походилъ сразу и на бабу-ягу и на злого толстаго волшебника, который «можетъ зарѣзать и пить кровь».

И такъ глубоко сидѣлъ этотъ отталкивающий и страшный образъ въ дѣтской душѣ, что даже маленькій Аликъ, кроткій и много страдавшій отъ больной ножки, и тотъ сказалъ:

— Я тоже... Я тоже далъ бы повару «подщечину» палкой!...

Съ обѣдомъ опоздали почти на цѣлый часъ.

И мама и няня приводили въ порядокъ дѣтей, умывали ихъ, причесывали и всячески убѣждали хоть за столомъ, хоть при папѣ не ревѣть и сидѣть какъ слѣдуетъ. Но дѣти, хотя и перестали уже плакать, однако, побороть свое настроеніе не могли.

Они сидѣли за столомъ, точно за поминальнымъ обѣдомъ, и только суровое чернобородое лицо отца

заставляло ихъ болтать ложками въ тарелкахъ съ супомъ.

Но ѣсть они рѣшительно не могли. Имъ были противны и закуски, и пирожки, и бульонъ, и въ душѣ у нихъ, какъ заноза, болѣлъ одинъ и тотъ же вопросъ:

— Неужели же сейчасъ на блюдѣ принесутъ жаренаго Фильку, и неужели и папа, и мама будутъ ѣсть его? Можетъ ли это быть? Возможно ли такое ужасное, жестокое дѣло?

Дѣти не знали, что этотъ же вопросъ очень смущаетъ и маму и что передъ обѣдомъ она просила папу замѣнить поросенка гусемъ, но что папа увидѣлъ въ этомъ одно бабовство и сказалъ:

— Глуposti. Не слѣдуетъ потакать!

Безмолвно и грустно протекала праздничный обѣдъ. Отецъ видѣлъ, что дѣти сидятъ, какъ сычи, уткнувшись носами въ тарелки, но молчалъ и хмурился. Онъ одинъ ѣлъ душистый куриный бульонъ и дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Ему было тяжело видѣть красные отъ недавнихъ слезъ глаза своей любимицы, Муси, и жалко было смотрѣть на худенькое большеглазое лицо Алика. Но только одинъ разъ, когда изъ глазъ Алика упала въ бульонъ крупная слеза, отецъ спросилъ:

— Ты о чемъ это, Аликъ?

Но Аликъ еще ниже нагнулъ свою стриженную голову надъ тарелкой и едва слышно отвѣтилъ:

— Такъ...

Кроткій, печальный тонъ Алика смутилъ отца, и въ глубинѣ души онъ даже подумалъ:

— А, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ лучше бы не подавать этого Фильку, чортъ его деритъ!..

Но какъ разъ въ эту минуту горничная, шумя накрахмаленными юбками и вытянувъ впередъ руки, внесла на блюдѣ поросенка и поставила передъ бариномъ.

Это былъ мастерски изжаренный, румяный, чудесный поросенокъ, съ чуть-чуть подгорѣвшими ушками и

съ обуглившимся хвостикомъ. Онъ лежалъ на блюдѣ, подогнувъ лапки и, казалось, оглядывалъ своими жареными глазами всю давно знакомую ему компанію. Его круглый иоркширскій пяточокъ былъ обращенъ въ сторону дѣтей, и видны были слегка оскаленные острые зубки.

— Какая прелесть! — не утерпѣлъ восхищенный отецъ и подвинулъ къ себѣ блюдо.

Онъ уже взялся было за ножъ, но взглянулъ на дѣтей и остановился. На него въ упоръ смотрѣли прелестные, полные слезъ, голубые глаза Муси. Смотрѣли съ укоромъ, съ негодованіемъ, почти съ ужасомъ.

— Ты что, Муся? — сурово спросилъ отецъ.

Но Муся ничего не отвѣтила, и только плечи ея, на которыхъ красовались два голубенькихъ банта, стали подергиваться отъ сдержаннаго плача. Банты подпрыгивали все выше и выше, все чаще и чаще.

— Я не понимаю, въ чемъ же, наконецъ, дѣло? Ну, изжарили его, — ну, такъ случилось. Но не собакамъ же его выбросить теперь?

Но никто изъ дѣтей ни слова не возразилъ отцу. Только прыгали банты на плечахъ Муси, да капали въ тарелку безмолвныя, тихія слезы Алика и Кости.

Это молчаніе, а, можетъ быть, и суровое, явно осуждающее лицо жены и смущали и раздражали отца. Онъ опять подвинулъ къ себѣ блюдо съ поросенкомъ и осторожно погрузилъ ножъ въ твердую хрустящую кожицу.

Но въ это время Аликъ и Костя заплакали въ голосъ, а рыдающая, вся трепещущая Муся вскочила съ мѣста и почти закричала отцу:

— Папочка? ты будешь его ѣсть? нашего Фильку? будешь ѣсть? какъ людоѣдъ?

Это было уже слишкомъ. Слова Муси нарушали привычный въ семьѣ тонъ и шли въ разрѣзъ съ обычной дѣтскою покорностью и повиновеніемъ.

Отецъ даже вспылилъ:

— Это что значить? Молчать, Муся! Сядь на мѣсто!

Муся покорно, молча сѣла, но банты на ея плечахъ все продолжали прыгать. Продолжали вздрагивать плечи и у Алика и у Кости.

— Чортъ знаетъ что такое!

Отецъ откинулся на своемъ стулѣ и посмотрѣлъ на ножъ, воткнутый въ румяную шею Фильки.

— Праздникъ называется!.. Семейный обѣдъ!..

Онъ досталъ изъ бокового кармана портсигаръ, закурилъ и, обращаясь къ женѣ на «вы», сквозь зубы процѣдилъ:

— Очень миленькій праздникъ вы намъ устроили, Наталья Дмитриевна...

— Но я думаю, что это устроили вы, Викторъ Антоновичъ! Вы и вашъ прелестный Василий!..

— Да, да... Теперь намъ только и не достаётъ еще маленькой супружеской сцены... Только этого и не хватаетъ!..

Отецъ всталъ изъ-за стола, сдернулъ съ груди солфетку, раздавилъ на тарелкѣ папиросу и не спѣша, твердыми шагами ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

За нимъ съ пылающимъ лицомъ поднялась и мать и на-ходу бросила горничной:

— Убирайте со стола и позовите къ дѣтямъ няню!

Черезъ часъ, когда дѣти немного успокоились, а няня ушла обѣдать, Муся подняла вопросъ о дальнѣйшей участи Фильки,

— Что же теперь будетъ? И что намъ дѣлать съ бѣднымъ Филькой?

Вопросъ засталъ врасплохъ обоихъ братьевъ. Они знали, что сейчасъ блюдо съ Филькой стоитъ въ столовой, въ большомъ буфетѣ, и что пока Фильку никто не ѣлъ. Но Костя думалъ, что, вѣроятно, завтра Фильку отдадутъ

на кухню, «людямъ», и что такимъ образомъ самое страшное все-таки совершится.

Однако, нѣкоторый выходъ изъ положенія указалъ маленькій Аликъ. Отвѣчая на вопросъ Муси, — что теперь дѣлать? — онъ свѣсилъ на бокъ свою блышную голову и задумчиво сказалъ:

— Теперь Фильку надо хоронить!..

Въ первый моментъ эта мысль показалась Костѣ нелѣпой.

— Но вѣдь онъ же жареный!

— Да, жареный, — печально согласился Аликъ. — Я забылъ, что онъ жареный...

Но Муса зашальчиво и строго спросила:

— А чѣмъ же онъ виноватъ, что его изжарили?

И тотчасъ же колеблющійся и неустойчивый въ своихъ мнѣнiяхъ Аликъ горячо присоединился къ сестрѣ.

— Конечно, чѣмъ же онъ виноватъ, что онъ жареный?

— Но гдѣ же его хоронить? — нерѣшительно спросилъ Костя.

— Конечно, въ саду; возлѣ бесѣдки! — не колеблясь ни секунды, отрѣзала Муса. — Но только подѣ большимъ, подѣ страшнымъ секретомъ!..

Теперь мысль Алика сразу увлекла всѣхъ. Всѣмъ казалось естественнымъ и простымъ дѣломъ похоронить мертваго Фильку. И только скептикъ Костя все еще немного, чуть-чуть колебался.

— Но вѣдь онъ же съ кашей?...

— Мало чего, что съ кашей!

Муса сказала это такъ твердо и такъ увѣренно, что послѣднiя колебанiя Кости исчезли, и дѣти, какъ заговорщики, забились въ уголъ дѣтской и стали обсуждать подробности.

— Во-первыхъ, въ чемъ хоронить?

Аликъ высказался было за старое «куклиное» одѣяло, но эта мысль была рѣшительно отвергнута.

— Гдѣ это видано, чтобы въ одѣялѣ хоронить?

По зрѣломъ размысленіи, однако, рѣшено было хоронить въ старой картонкѣ изъ-подъ маминой шляпы (на которой было написано: «Madame Alice»), при чемъ Муся предложила и весь остальной планъ дѣйствій.

Она и Аликъ одѣнутся и выйдутъ на балконъ. А Костя «тихонечко и подъ страннымъ секретомъ» уложить Фильку въ картонку и осторожненько вынесетъ его на дворъ. На дворъ Фильку положить на саночки и по большой аллеѣ повезутъ прямо къ бесѣдкѣ.

— А лопата!? — вспомнилъ Костя. — Надо жъ ямку выкопать?

— Я понесу лопату и свѣчки, а вы съ Аликомъ повезете сани.

— Зачѣмъ свѣчки?

— Какъ зачѣмъ? (Свѣчки всегда бываютъ...

Костя не возражалъ, и черезъ пять минутъ, затанцв-дыханіе и стараясь не шумѣть, дѣти стали одѣваться.

— Господа! — шопотомъ, таинственно говорила Муся. — Только подъ большимъ, подъ страннымъ секретомъ!..

На балконѣ, однако, когда Филька въ своемъ картонномъ гробу уже лежалъ на саняхъ, оказалось, что Аликъ забылъ шапку.

— Вѣчно этотъ Аликъ! — съ досадой, вся дрожа отъ волненія, шептала Муся.

Но Костя мигомъ принесъ Аликову шапку, и процессія двинулась впередъ по большой аллеѣ.

Впереди тянули сани Аликъ и Костя, при чемъ длинное форменное пальто Кости подметало дорожку и волочилось по глубокому снѣгу, какъ женская юбка.

А сзади, съ дѣтской лопаткой подъ-мышкой и съ двумя стеариновыми огарками въ рукахъ, шла Муся въ своей бѣлой, какъ снѣгъ, пуховой шубкѣ.

Въ саду было тихо. Нѣжный, пушистый, недавно выпавшій снѣжокъ съ синимъ отливомъ покрывалъ аллею и бѣлыми шапками лежалъ на бесѣдкахъ. Какъ. серебря-

ныя, стояли бѣлыя скамейки, и тянулись вверхъ бѣлые сучья деревьевъ. Все было бѣло, и казалось, что на мертвый зимній садъ спустилось бѣлое безмолвіе...

Муся шла по дорожкѣ, оставленной полозьями санокъ, и поминутно оглядывалась назадъ.

— Никого нѣтъ, господа... Не бойтесь!

Аликъ въ своихъ черныхъ валенкахъ прихрамывалъ на лѣвую, больную ножку, но добросовѣстно, изо всей силы тащилъ сани.

И всѣмъ было странно интересно, и отъ души отвалилось прежнее острое горе и куда-то безслѣдно исчезло, пропало!

Когда санки остановились, наконецъ, подлѣ бесѣдки, Костя взялъ лопату и сталъ рыть подъ большимъ старымъ кленомъ, гдѣ лѣтомъ всегда висѣлъ маминъ гамакъ. Ему мѣшало длинное пальто, и онъ заворотилъ правую полу въ сторону.

Но земля была твердая, какъ камень. Костя налегаль ногой, напрягалъ всѣ силы, но лопатка только звенѣла и не шла въ глубь ни на вершокъ.

— Нельзя, господа... Земля очень твердая. Ничего не выйдетъ...

— Ну, если нельзя въ землѣ, такъ похоронимъ его въ снѣгу... предложилъ Аликъ.

— Конечно, въ снѣгу. Развѣ не все равно? — сказала и Муся.

Костя сталъ разрывать большой сугробъ снѣга, а Муся озябшими пальчиками зажгла стеариновые огарки и дала одинъ Алику, а другой держала сама.

Въ тихомъ морозномъ воздухѣ пламя свѣчей горѣло почти не колеблясь.

— Зачѣмъ ты эти свѣчи?

— Ты, Костя, ничего не понимаешь. Свѣчи всегда бываютъ.

Муся помнила, что когда хоронили маленькаго ня-

нишаго внука, то всё держли въ рукахъ тоненькія восковыя свѣчи, которыя потомъ кто-то взялъ и потушилъ.

— Готова ямка!

Костя подметая снѣгъ своимъ пальто, подошелъ къ саночкамъ и обѣими руками снялъ картонку.

— Поглубже, Костя, поглубже его хорони!...

Картонка глубоко ушла въ длинный снѣжный тоннель и уютно сѣла въ мягкомъ пушистомъ ложѣ.

— А теперь засыпайте! Всё, всё засыпайте!...

Муся потушила сначала свою, потомъ Аликову свѣчку и принялась руками забрасывать Филькину могилу.

Черезъ минуту картонки уже не было видно. Надъ ней возвышался бѣлый пушистый холмикъ.

А еще черезъ минуту дѣти уже шли домой, и на лицахъ ихъ было такое выраженіе, какъ будто никакого горя у нихъ сегодня не было, а была только необыкновенно интересная и на рѣдкость занимательная игра.

Назадъ пустыя саночки опять тянули Костя и Аликъ, при чемъ Костя опять подметалъ снѣгъ своимъ длиннымъ пальто. А Муся, вся оживленная, съ раскраснѣвшимися щеками, несла впереди лопатку.

Она поминутно оборачивалась къ братьямъ и, продолжая идти спиною впередъ, грозила имъ озябшимъ пальцемъ и шопотомъ предостерегала:

— Господа! Только подъ большимъ, подъ страшнымъ секретомъ!...

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Дѣти улицы	5-178
Африка	179-194
На Днѣпрѣ	195-204
Временныя жены	205-220
Филька	221-232

ИЗДАНИЯ „ВОЗРОЖДЕНИЯ“

	Цѣна во франкахъ
Ив. Шмелевъ. Солнце мертвыхъ.....	15.—
» Человѣкъ изъ ресторана.....	15 —
» Степное чудо	8.—
Евг. Чириковъ. Мой романъ	25.—
» Дѣвичьи слезы	15.—
» Между небомъ и землей	15.—
В. Новиковъ. Фашизмъ.....	8.—
Ген. П. А. Половцовъ. Дни затменія	15.—
Илья Сургучевъ. Эмигрантскіе рассказы	15.—
Бор. Суворинъ. Фазанъ.....	15.—
А. Яблоновскій. Дѣти улицы	15.—
В. Гурко. Царь и Царица	15.—
Бор. Зайцевъ. Странное путешествіе.....	15.—
А. Купринъ. Храбрые бѣглецы.....	15.—
Вл. Ходасевичъ. Собраніе стиховъ.....	15 —
П. Муратовъ. Магическіе рассказы	15.—
И. Лукашъ. Дворцовые гренадеры	15.—
В. Корчемный. Человѣкъ съ гераніемъ.....	15.—
Н. Роцинъ. Горнее солнце	15.—
Дѣло Б. Коверды	10.—

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

ÉDITIONS ET LIBRAIRIE
LA RENAISSANCE
(Vozrojdenie)

2, Rue de Sèze, 2—Paris (IX)
Tél. Richelieu 94-98, 94-99.

Цѣна 15 фр.